

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**Правовая система российского общества:
история, современные реалии
и тенденции развития**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
18 ноября 2021 г.**

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2022**

УДК 342
ББК 67.400
П 78

Печатается по решению
реакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

П 78   Правовая система российского общества: история, современные реалии и тенденции развития : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 18 ноября 2021 г. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2022. – 167 с.
ISBN 978-5-91776-422-1

Редколлегия:

Дизер О.А., заместитель начальника института (по научной работе), доктор юридических наук, доцент (председатель);

Лысенко В.А., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Ерыгин А.А., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат политических наук, доцент (ответственный секретарь);

Римский А.В., преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат философских наук;

Вородюхин С.Е., старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат исторических наук.

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции представлены статьи, раскрывающие исторические и теоретические аспекты функционирования российской правовой системы, новые тенденции ее развития в условиях конституционной реформы.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 342
ББК 67.400

ISBN 978-5-91776-422-1

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2022

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ СНГ

Агафонов М.В.
(ВНИИ МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы имплементации международных стандартов и обеспечения реализации принципа приоритета прав и свобод человека в национальных государственно-правовых системах государств – участников СНГ. Указывается на несоответствие фактической ситуации выработанным на основе международных норм и закрепленным в национальных конституциях государственно-правовым моделям.

Ключевые слова: международные стандарты, права человека, СНГ, принцип приоритета прав человека.

ENSURING THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS IN THE CIS COUNTRIES

Agafonov M.V.
(All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: the article deals with the implementation of international standards and ensuring the implementation of the principle of priority of human rights and freedoms in the national state legal systems of the CIS member states. It is indicated that the actual situation is inconsistent with the State legal models developed on the basis of international standards and enshrined in national constitutions.

Keywords: international standards, human rights, CIS, the principle of priority of human rights.

На сегодняшний день неопровержимой аксиомой считается то, что права человека – это наивысшая ценность, идеал, к которому человек, общество и государство должны стремиться. Но стоит отметить, что на современном этапе развития мирового сообщества в целом и отдельных государств в частности на обеспечение прав человека в настоящий момент оказывают влияние различные отрицательные факторы, такие как международный терроризм, возрастание националистических настроений, миграционные кризисы, попирающие нормы международного права со стороны отдельных государств, игнорирование в некоторых случаях ситуаций массового нарушения прав человека со стороны мирового сообщества и т.п. Также вызывают беспокойство возникающие в различных странах и регионах горячие точки и очаги напряженности, где имеют место случаи игнорирования прав отдельных категорий населения, а государство не в состоянии обеспечить соблюдение самого главного права человека – права на жизнь [4, с. 4]. Само по себе существование подобных ситуаций говорит о не-

обходимости совершенствования как внутригосударственных, так и универсальных механизмов обеспечения и защиты прав человека.

События в Европе 30-х – 40-х гг. XX века показали всю слабость мирового сообщества перед возникшей угрозой со стороны фашистской Германии и неспособность существующих правовых механизмов обеспечить достойную защиту человека с его правами и свободами.

Исследуя данную проблему, А. И. Ковлер подчеркивает, что «принятие после Второй мировой войны большого массива правовых актов по правам человека произвело настоящую революцию в правовом бытии человека, сделав его впервые в истории существом универсальным. Человеческая личность больше не замкнута правовыми рамками государства. Человек разрывает цепи государства, как раньше он разрывал цепи общины, рода, племени – его правовое бытие приобретает мировое измерение. Права человека становятся глобальным мерилем права» [7, с. 375].

И. К. Миралиев также отмечает, что «после Второй мировой войны права человека получают юридическое признание на уровне международных документов и конституций правовых демократических государств. Наступает новая веха в развитии прав человека, период их стандартизации на уровне международных правовых актов, конституционного преломления с учетом конкретно-исторических условий отдельных стран, их уровня социально-экономического развития, национальной специфики» [9, с. 89].

Наибольшую активность процесс обеспечения уважения и всемерной поддержки и защиты прав человека получил, безусловно, после создания Организации Объединенных Наций, целью деятельности которой как раз и явилась деятельность в сфере обеспечения мира и безопасности на всей планете и распространение правозащитной деятельности, осуществляемой внутренним надгосударственным правозащитным механизмом [10, с. 34].

Международное сообщество под эгидой ООН разработало универсальные международные стандарты в области прав человека, которые содержательно были закреплены в многочисленных международных правовых актах, направленных на содействие соблюдению прав человека и их защиту. Этот процесс является длительным и поступательным, в течение которого были приняты и иные международные договоры, направленные на установление всемерного приоритета прав человека. Эти документы относятся к так называемому «мягкому праву», поскольку они содержат лишь рекомендации для государств.

Очевидно, что тенденция к всемерному закреплению и обеспечению реализации принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина прослеживается не только на универсальном международном уровне, но и на региональном, поскольку государства в рамках региональных межгосударственных объединений также определяют рассматриваемый принцип в числе приоритетных, закрепляя его в качестве вектора дальнейшего взаимодействия. В частности, 26 мая 1995 года в Минске была подписана Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [2], участниками которой стали Российская Федерация, Республика Таджикистан, Киргизия, Республика Беларусь, Грузия, Республика Молдова, Республика Армения. Содержание

Конвенции свидетельствует о приверженности государств-участников универсальным международным принципам, закрепленным в основополагающих международных актах о правах человека: Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международных пактах 1966 г., а также международным обязательствам по правам человека, принятым в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Кроме того, многие государства – участники СНГ являются членами Шанхайской организации сотрудничества (Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан), одним из ключевых направлений деятельности которой выступает содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством [3], что в очередной раз подтверждает стремление государств к консолидации с целью обеспечения приоритета прав и свобод человека как на межгосударственном уровне, так и внутри национальных государственно-правовых систем.

Права человека признаются мировым сообществом в качестве системы гуманистических ценностей. В то же время права человека нередко становятся инструментом политических спекуляций и давления на другие государства в международных отношениях.

В этой связи не удивительно, что государства – члены Шанхайской организации сотрудничества, обязуясь действовать в соответствии с принципами Устава ООН, подтверждая универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека, а также свои обязательства соблюдать права и основные свободы человека, считая мир и развитие основной гарантией содействию и защите прав человека, выступают против применения двойных стандартов в вопросах прав человека и вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом их защиты [1].

При этом стоит заметить, что процесс имплементации международных стандартов в области прав человека в национальные правовые системы является исключительной прерогативой отдельно взятого государства, а потому данный процесс продолжается и по сей день. Не являются исключением и страны СНГ, в которых все еще продолжается процесс восприятия международно-правовых стандартов и их воплощение в различные национальные правовые механизмы.

Восприятие правовыми системами стран постсоветского пространства международных стандартов в области прав человека обусловило развитие данных государств в соответствии с базовыми международными принципами в области прав человека, что в итоге позволило переориентировать функционирование государственно-властных институтов в соответствии с приоритетностью прав и свобод человека и гражданина.

В статье 1 Всеобщей декларации прав человека провозглашается, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Данный фундаментальный принцип так или иначе отражен в национальных законодательствах большинства стран СНГ. Так, согласно ст. 1 Конституции Казах-

стана утверждается, что республика является демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы; также наивысшей ценностью человек, его права, свободы и гарантии их реализации провозглашаются в основных конституционных законах республик Беларусь (ст. 2), Армении (ст. 3), Киргизии (ст. 16), Таджикистана (ст. 5). Интересен подход к этому вопросу со стороны Азербайджана, который в своей конституции обеспечение прав и свобод человека и гражданина провозглашает не высшей ценностью, а высшей целью государства (ст. 12). Своеобразным особняком в этом вопросе стоит конституция Узбекистана, в которой не содержатся нормы, прямо закрепляющие права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, но при этом указывается на их незыблемость (ст. 19).

Подводя итоги данного короткого исследования, можно отметить, что на сегодняшний день все еще продолжается процесс восприятия правовыми системами стран СНГ норм международного права и формирование на их основе национальных правозащитных механизмов. И данный процесс неоднозначно протекает в различных государствах, что обусловлено многочисленными внутренними факторами как идеологического, так и социально-экономического характера. Внутренние политические противоречия, коррупция, деятельность преступных и террористических организаций на территории стран СНГ также затормаживают данный процесс. Но абсолютно очевидно, что все государства содружества, осознавая прогрессивность и эффективность демократического развития, привели свои конституционно-правовые модели в соответствие с международными стандартами в области прав человека, но при этом еще предстоит пройти длительный путь по практическому воплощению данных норм с целью достижения соответствия фактической ситуации той государственно-правовой модели, которая закреплена в национальном законодательстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (вместе с «Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств», утв. 24.09.1993) // Российская газета. 1995, 23 июня.

3. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Богмацера Э.В. Права человека как приоритетный объект охраны в современном государстве / Права человека и механизмы их защиты и охраны: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. С. 4.

5. Де Сильвия М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – Санкт-Петербург, 2004. С. 363–370.

6. Карташкин В.А. Трансформация основных принципов современного международного права // Современное право. 2014. № 11. С. 136–143.

7. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. – Москва, 2002.

8. Международная и внутригосударственная защита прав человека / под ред. Р.М. Валеева. – Москва: Статут, 2011. – 830 с.

9. Миралиев И.К. Права человека в условиях формирования правового государства в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2014. – 22 с.

10. Шишенина И.В. Права человека в российских конституционных проектах (1990-1993 гг.): монография. – Москва, 2010. – 168 с.

11. Чистюхина М.В. Закрепление обязанностей человека и гражданина в конституциях Содружества независимых государств / Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы третьего международного круглого стола, Шахты, 29 июня 2018 г. – Шахты, 2018. С. 20–24.

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «НАБЛЮДЕНИЕ»: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бессонов В.А.,

кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России);

Наметкин Д.В.,

кандидат юридических наук
(Приволжский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы правового регулирования проведения оперативно-разыскного мероприятия «Наблюдение». В статье проанализированы и даны рекомендации по проведению данного оперативно-разыскного мероприятия и использования полученных результатов в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, наблюдение, доказательства.

OPERATIONAL INSPECTION MEASURE "OBSERVATION": LEGAL REGULATION AND USE OF RESULTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Bessonov V.A.,

Candidate of Law

(Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Nametkin D.V.,

Candidate of Law

(Volga branch The FSBEIHE (RSUJ))

Abstract: the article discusses the issues of legal regulation of the operational-search measures "observation". The article analyzes and gives recommendations for carrying out this operational-search activity and using the obtained results in criminal proceedings as evidence.

Key words: operational search measure, observation, evidence.

Для того чтобы более подробно исследовать тактические особенности оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) «Наблюдение», первоначально следует выделить понятие оперативно-разыскной тактики в целом.

Так, рекомендации в рассматриваемой сфере начали разрабатываться еще в прошлом веке. Например, немецкими учеными указывалось, что тактика выступает в качестве неизбежного и адекватного средства в рамках осуществления борьбы с хитрыми преступными деяниями. На первоначальных этапах исследования данного вопроса оперативная тактика рассматривалась без отрыва от деятельности полиции в целом, и она не противопоставлялась следственным действиям. Этот подход актуален и на сегодняшний день [1, с. 78].

В качестве особенности оперативно-разыскной тактики можно назвать ее направление на обнаружение скрытых преступных деяний [2, с. 50]. Для сравнения, действия следователя осуществляются в рамках уже возбужденного уголовного дела (то есть, когда о преступлении уже известно), ОРМ же могут быть и не связаны с таким делом и чаще всего ему предшествуют.

Так как в рамках ОРМ требуется выявить преступный замысел лица, которое может совершить преступное деяние, готовится к его совершению, достаточно важно предупредить такие деяния, а при невозможности этого – собрать доказательства о совершенном преступлении. В том случае, если ОРМ было применено успешно, то могут быть достигнуты результаты как в доказывании, так и в профилактике преступлений, а также розыске лиц.

Таким образом, можно сказать, что в оперативно-разыскной тактике в целом осуществляется концентрация всех существующих приемов негласного сбора информации о преступной деятельности. Специфика, отличающая оперативно-разыскную тактику от криминалистической, а также иных видов тактики, состоит именно в негласности проводимых мероприятий [3, с. 25]. Например, Г.К. Синилов под оперативно-разыскной тактикой понимает «систему поиско-

вых (разведывательных) методов и приемов, при помощи которых обеспечиваются наиболее оптимальные результаты борьбы с преступностью» [4, с. 109].

Чаще всего, исходя из этого, оперативно-разыскную тактику определяют как систему научно обоснованных положений и операций, формируемых на основании рекомендаций по реализации совокупности действий, которые производятся субъектами оперативно-разыскной деятельности, в рамках которых учитываются свойства формирующейся криминальной ситуации, основой которых становятся положения Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, а целью – разрешение задач, поставленных перед оперуполномоченным. В рамках таких рекомендаций формируется определенный алгоритм действий оперативных сотрудников в конкретных ситуациях. Они не имеют обязательного характера, и в их рамках имеется определенная свобода выбора.

Исходя из этого, можно выделить определение тактики отдельного ОРМ – наблюдения – это совокупность индивидуальных и групповых действий оперативных работников, реализуемых в ходе стационарного или подвижного наблюдения, которые имеют своей основой применение конкретных построений и комбинаций при использовании специфических способов и приемов, которые имеют целью скрытое получение полной и объективной информации о наблюдаемом объекте. В качестве структурных элементов тактики можно выделить методы, приемы и способы осуществления наблюдения, технические средства и сами оперативные силы.

Так, в рамках психологических особенностей можно выделить следующее:

- 1) скрытность наблюдения должна быть не только по отношению к объекту, но и для окружающих лиц;
- 2) в большей части случаев (в особенности при визуальном наблюдении) неизбежен близкий контакт с объектом наблюдения;
- 3) объектом наблюдения осуществляется постоянное противодействие, в том числе и попытки скрыться;
- 4) возможность быстрой модификации обстановки осуществления наблюдения и необходимость принятия соответствующих самостоятельных решений.

Существуют разнообразные приемы и способы осуществления негласного наблюдения, но также следует выделить основополагающие правила, которые необходимо выполнять.

Так, наблюдение необходимо осуществлять скрытно, в том числе используя в качестве прикрытия граждан. Преследование наблюдаемого лица предпочтительно осуществлять, передвигаясь по краю тротуара.

В некоторых случаях возможно осуществление сопровождения при следовании по противоположной стороне улицы, по которой идет объект наблюдения. Однако это является целесообразным только в том случае, если обзор затруднен и имеется возможность быстро перейти на необходимую сторону. В случае если на улице имеется значительное скопление людей, то рекомендуется идти по стороне преследуемого лица, а также принимать во внимание фон окружающей местности. Однако также необходимо держать достаточную, но не

слишком дальнюю дистанцию, а при обратной ситуации – в малолюдной местности – наоборот, увеличивать ее.

В случае если контроль за объектом был утрачен и подозреваемое лицо потеряно, важно осмотреть ближайшие места возможного укрытия, не суетиться и проявлять спокойствие и выдержку, искать преимущественно в месте, в рамках которого и был утрачен визуальный контроль. Так, например, в том случае, если оперативник обогнал объект наблюдения, ему необходимо незамедлительно продолжить наблюдение.

В ходе осуществления ОРМ «Наблюдение» для того, чтобы объект наблюдения с меньшей вероятностью запомнил оперативного сотрудника, не следует встречаться взглядом с подозреваемым, также необходимо запоминать основные, наиболее характерные привычки наблюдаемого лица.

Также в ходе осуществления наблюдения нередко появляется необходимость зайти в подъезд и определить квартиру, в которую вошел объект. Это выступает в качестве одного из наиболее трудных элементов наблюдения, в данном случае необходимы знания специальных тактических приемов и навыков их использования. В данном случае рекомендуется следующая тактика действий:

1) при сопровождении объекта запомнить: название улицы; номер дома; число этажей и подъездов в доме; номера квартир, которые находятся в данном подъезде;

2) после того, как наблюдаемый зайдет в подъезд, нужно ускорить шаг, пройти мимо (при возможности) или же выждать время;

3) перед тем, как войти, нужно проверить, не стоит ли подозреваемый при входе, и затем спокойно и уверенно войти в подъезд, придерживая при входе дверь.

В процессе наблюдения может быть обнаружена и зафиксирована следующая информация:

а) скрываемая деятельность лица, в рамках которой содержатся признаки определенного состава преступления;

б) психологический портрет наблюдаемого объекта: характер и эмоционально-волевые качества лица;

в) круг общения – личные, служебные и иные (в особенности криминальные) связи лица;

г) существующие у лица тайники;

д) при наличии преступной группы – ее количественный и качественный состав, ее лидер, рядовые участники, их психологическая характеристика и обязанности, источники финансирования, места сбора, связи группы с правоохранительными органами, подходы к группе через лиц, которые постоянно контактируют с членами группы вне их преступной деятельности.

Также следует выделить стадии исследуемого ОРМ: подготовка к проведению, собственно реализация и фиксация (документирование) результатов наблюдения.

На этапе подготовки к проведению ОРМ необходимо точное определение объекта наблюдения, предварительное выяснение особенностей его личности и поведения, специфики его деятельности. Важным элементом подготовки к на-

блюдению становится верный выбор времени начала его проведения. Для этого необходимо учитывать интенсивность преступной деятельности наблюдаемого лица, возможность осуществления предполагаемых правоохранительными органами действий в определенном месте, а также наличие определенной психологической напряженности как наблюдаемого, так и наблюдающего, повышенную подозрительность объекта наблюдения по причине осознания им противоправности совершаемых им деяний. В таком случае необходимым является такая маскировка, при которой формируется «благоприятная» для объекта наблюдения среда. Также важно верно выбрать и место начала наблюдения. Так, чаще всего следует начинать наблюдение из места, которое не является связанным с его преступной деятельностью. Так, в подобное место оперуполномоченному следует прибыть приблизительно за час до предполагаемого времени появления в нем объекта, поскольку при повышенной настороженности наблюдаемые проверяют наличие слежки, подходов к определенному месту. В том же случае, если невозможно определить предполагаемое время появления в таком месте, то на пост оперуполномоченному необходимо прибыть ко времени общего начала движения в соответствующей местности и занять такую позицию, с которой возможна безошибочная идентификация наблюдаемого. В тот момент, когда объект появляется в поле зрения и начинает движение, не следует сразу передвигаться за ним – только с момента некоторого удаления.

Тактические особенности этапа непосредственного осуществления наблюдения включают в себя несколько одновременных действий – контроль самого наблюдаемого объекта, контроль за окружающей обстановкой, за действиями коллег, а также фиксация действий контролируемого объекта. По этой причине оперативному сотруднику необходимо иметь высокую зрительную чувствительность, большой объем и широкое распределение внимания, которые необходимы для одновременного восприятия большого количества сведений. Уже с самого начала осуществления данного этапа оперуполномоченному важно установить, в каком психологическом состоянии находится наблюдаемый объект, что осуществляется в ходе анализа особенностей его поведения – спокойное, обыденное поведение или же попытки обнаружения наблюдения, контрнаблюдение и т.п. При выявлении последних названных действий наблюдаемого необходимо уже сделать вывод о значительной настороженности такого лица и о необходимости усиления средств маскировки, модификации тактики действий. Важно также осуществлять уже с первоначального момента фиксацию действий объекта при помощи технических средств [5, с. 127].

Для осуществления наблюдения оперативному сотруднику также важно знать особенности состава преступления, которое совершалось (или к которому осуществляется приготовление) наблюдаемым лицом, в частности способа совершения такого преступления, поскольку этот процесс необходимо фиксировать в ходе осуществления наблюдения. Так, при точном знании способа, орудий, средств совершения преступления оперативный сотрудник имеет возможность провести надлежащую подготовку и прогнозировать возможные действия, в результате чего имеется возможность задержания с поличным. В таких случаях имеются два возможных варианта развития событий:

1) сотрудник оперативного аппарата может осуществлять присутствие под легендой якобы случайно оказавшегося рядом;

2) сотрудником оперативного аппарата не скрывается своя принадлежность к органам внутренних дел.

Однако в обоих выделенных вариантах действий сотрудников необходимо создавать уверенность у объекта наблюдения в том, что задержание с личным после совершения преступных действий является случайным, а не заранее спланированным. Это обеспечивается тем, что сотрудник в процессе беседы, получения объяснения после задержания может упомянуть, что к нему привели неосторожные действия самого лица или же его сообщников.

По итогам проведенного наблюдения собранные данные должны быть оформлены в рапорте оперативного сотрудника, сводке наружного наблюдения, справке, акте наблюдения или другом оперативно-служебном документе. В итоговом документе должны быть отражены (в хронологическом порядке) развитие наблюдаемого события (поведение лица), контакты объекта наблюдения с другими лицами и иные имеющие значение обстоятельства. К такому документу могут быть приложены фотографии, аудио-, видеозаписи и иные дополнительные материалы.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, в том числе и проводимого наблюдения, могут в дальнейшем использоваться в целях подготовки и реализации отдельных следственных и судебных действий, проведения дальнейших оперативно-разыскных мероприятий, необходимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступных деяний, выявления и установления лиц, которые их подготавливают, совершают или совершили, а также для розыска лиц, имущества, которое подлежит конфискации, в целях принятия решений о достоверности представленных сведений. Результаты оперативно-разыскной деятельности могут также выступать в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела [6, с. 114].

Объективность и достоверность предоставляемых технических источников информации в дальнейшем могут проверяться в процессе осуществления отдельных следственных действий или судебной экспертизы. Данные, которые были получены в результате наблюдения и направляемые для приобщения к материалам уголовного дела, должны быть оформлены по правилам, которые изложены в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коршунов В.М., Андреев И.А., Свистильников А.Б. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие. – Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права. 2006. – 146 с.

2. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. – Москва, 1999. – 80 с.

3. Шиенок В.П. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел. – Минск, 1995. – 35 с.

4. Синилов Г.К. Правовые, организационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции. – Москва, 1975. – 275 с.

5. Веденин А.В. Вопросы введения в уголовный процесс результатов наблюдения как оперативно-розыскного мероприятия / Проблемы и перспективы развития УИС как элемента правоохранительной системы России и зарубежных стран: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 2008. – С. 126–131.

6. Веденин А.В. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности // Вести Владим. юрид. ин-та. – 2008. – № 2(7). – С. 112–115.

7. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения 08.12.2021).

8. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 116 с.

ПРИНЦИП ПРАВОМЕРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье анализируются вопросы формирования в российской правовой системе принципа правомерной государственности на основе ряда идеологических и материальных предпосылок, что обусловило возможность перехода России к конституционной монархии.

Ключевые слова: Российская Империя, конституционная монархия, Основные государственные законы 1906 г., правомерная государственность.

THE PRINCIPLE OF LAWFUL STATEHOOD AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Bogmatsera E.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: the article analyzes the issues of forming the principle of lawful statehood in the Russian legal system on the basis of a number of ideological and material prerequisites, which led to the possibility of Russia's transition to a constitutional monarchy.

Keywords: Russian Empire, constitutional monarchy, Basic state laws of 1906, lawful statehood.

В конце XIX – начале XX в. Россия одновременно с передовыми капиталистическими странами вступает в новую стадию развития. Это стало результатом бурного капиталистического роста, проходившего в стране в пореформенный период. Следует отметить к тому же, что русские капиталисты, используя накопленный опыт других стран, строили свои заводы и фабрики на новейшей технической основе.

Но стоит отметить, что интенсивное капиталистическое развитие шло на фоне активной противоречивой и неоднозначной политической борьбы, которая стала закономерным следствием перехода от феодально-аграрной направленности социально-экономического развития государства к новым буржуазным отношениям. В новых интенсивных условиях развития страны существующая абсолютно-монархическая форма правления явно уже не отвечала запросам времени.

Очевидно, что конституционно-капиталистическая трансформация в России шла с явным запозданием, в отличие от стран Европы, где на рубеже XIX–XX вв. буржуазные отношения уже давно полноценно сложились, а капиталистический уклад в экономике полностью согласовывался с буржуазными государственно-правовыми моделями, которые сложились в отдельных государствах. В России в данный период только начинают зарождаться основы новой конституционной государственности.

В начале XX в. развитие российской государственности сопровождается глубокими кризисными явлениями, обусловленными прежде всего кризисом абсолютизма, а также иными социальными и национальными факторами. В ситуации, когда самодержавие не предпринимает реальных действий по государственно-правовому переустройству, когда в обществе нарастает социально-политическая напряженность и распространяются экстремистские настроения, когда отсутствуют политические механизмы достижения компромисса между государством и обществом закономерным результатом, как представляется, бу-

дет революция в том или ином виде. Так, например, по поводу нежелания самодержавного правительства воспринимать новые конституционно-правовые механизмы С.А. Котляревский, критикуя Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г., которые регламентировали создание Государственной Думы, говорит о том, что в таком виде, с усеченными полномочиями и функциями, Государственная Дума не сможет функционировать как полноценный представительный орган власти, и в одной из своих заметок он пишет: «за четыре дня до открытия Государственной Думы правительство единолично определило будущее государственное устройство России: чувствовалась мысль заранее обеспечить позицию против новой предполагаемой враждебной силы – народного представительства...» [1].

На фоне этих тенденций в России в начале XX в. широкое распространение получают взгляды российских правоведов, которые предлагали различные варианты конституционной модернизации и дальнейшего развития российской государственности. Среди таковых правоведов можно выделить таких видных деятелей, как С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Муромцев, Н.Н. Трубецкой, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев и др. Прогрессивность их взглядов заключалась в том, что они, опираясь на передовые достижения государственно-правового развития других стран, предпринимали попытки теоретического обоснования новой российской модели государственного развития, которые при этом не выглядели утопичными, поскольку лаконично сочетали в себе законы эволюционного общественного развития, буржуазные достижения мировой цивилизации и механизмы подчинения стихийных общественных процессов общественно-политическому контролю. Тем самым подобные политико-правовые воззрения формировали идеологическую основу принципа правомерной государственности, а ввиду того, что некоторые представители подобного прогрессивного мышления занимали государственные должности, включая выборные, можно говорить и о практической реализации этих идей. Стоит отметить, что работы указанных и других деятелей в рассматриваемом идейном направлении составили теоретическую основу российского государственного права, что также явилось новеллой в развитии российской государственно-правовой науки конца XIX – начала XX вв.

XX век для российского государства начинается с масштабных государственно-правовых преобразований в направлении перехода к конституционно-монархическому типу правления, что сопровождается проведением реформирования государственного аппарата: изменения в системе и структуре государственных учреждений, создание Государственной Думы, реформирование Совета Министров и Государственного Совета. Несомненным достижением явилось внедрение буржуазных механизмов формирования отдельных органов государственной власти, в частности создание общегосударственной избирательной системы, основанной на принципах цензовости, многоступенчатости и куриальности. Можно согласиться с мнением Н.М. Начапкина, который указывает, что «в начале XX в. происходит интенсификация политического процесса, характеризуемая вовлечением в политическую жизнь широкого круга населе-

ния, созданием институтов, оказывающих влияние на процесс принятия политических решений» [2, с. 9].

В начале XX века Россия пошла по пути либерального конституционного реформирования, избрав для себя наиболее оптимальную модель реформирования государственного и общественного строя, основанную на прогрессивных отечественных и западноевропейских государственно-правовых идеях, предполагающих постепенное эволюционное развитие государства, с включением в политическую конкуренцию института парламентаризма, который позволил бы мирно разрешать возникающие противоречия и приходиться к политическому компромиссу. Результатом подобного реформирования, по мнению русских либералов (Н.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, И.В. Михайловского, П.Б. Струве и др.), должно было стать правовое государство, основанное на правомерной государственности, внутри которого сформировалось бы развитое гражданское общество. Русская либеральная модель явилась результатом консолидации идей как отечественной, так и западной политико-правовой мысли. Как представляется, это было абсолютно закономерно, поскольку в России эти идеи уже «вызрели» внутри различных школ и течений, а на западе к тому времени уже давно реализовывались, и в синтезированной форме легли в основу конституционного реформирования российского государства. В.И. Щепетев по этому поводу справедливо указывает, что подобный подход «призван был создать открытую модель социальных преобразований, основанную на общенациональных ценностях, в реализации которой могли принять участие представители различных научных школ и социальных слоев» [3].

Итогом данных преобразований в России явилась новая для российской государственности форма правления, основанная на монархическом конституционализме. Кроме того, можно сказать, что эта форма правления была легально закреплена в первой русской конституции – Основных государственных Законах 1906 года и других актах. Содержание данных законов позволяет понять, что в России фактически был осуществлен переход от абсолютной монархии к дуалистической, поскольку были учреждены государственные институты, ограничивающие и сдерживающие верховную монархическую власть на основе дуализма как в сфере исполнения законодательных предписаний, так и в сфере их создания. В дальнейшем предполагалось поэтапно перейти и к парламентской монархии.

При этом фактическая ситуация во многом отличалась от той теоретической модели, которую предполагалось воплотить, за что действующая власть неоднократно подвергалась критике со стороны представителей русского либерализма, поскольку, например, в Основных законах 1906 года по-прежнему имели место быть элементы феодального права, а буржуазный принцип юридического равенства граждан вообще не нашел своего отражения. Следует добавить, что и на практике зачастую положения данных законов нарушались высшими должностными лицами, органами государственной власти и даже самим монархом. Одной из основных причин подобной ситуации явилось то, что отсутствовал какой-либо правовой механизм обеспечения реализации положений

данных законов, а реализация закрепленных в Основных законах прав вообще регулировалась «временными правилами».

Исходя из содержания Основных законов и сама Государственная Дума не могла полноценно функционировать, поскольку была лишена учредительной инициативы, ограничена в правах в сфере бюджетных отношений, что лишало ее возможности действительного контроля над сбором и расходом народных средств. Кроме того, из ведения Думы были изъяты и другие важнейшие сферы общественно-государственной жизни, что, например, привело к тому, что достаточно обширные районы России еще долгое время находились под постоянным действием исключительных законов и т.п. Кроме того, законы оставляли возможность для произвола со стороны и самих министров.

Все это, безусловно, тормозило процесс становления конституционной монархии в России, но при всем при этом стоит сказать, что идеологическое распространение либеральных идей и попытки легального закрепления принципа правомерной государственности явились важным и исторически необходимым шагом на пути формирования в России монархического конституционализма, что предопределило дальнейшее развитие российской государственности вплоть до революционных событий 1917 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Котляревский С. Правительство и новые законы // НОВЬ. 1906. № 2.
2. Начапкин М.Н. Эволюция российской государственности (XIX – начало XX в.) и ее отражение в консерватизме: автореферат дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2004.
3. Щепетев В.И. Основные тенденции развития российской государственности в XIX – начале XX века и их правовые основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2002. – 50 с.
4. Проблемы российской государственности: отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) / Д.В. Меняйло, М.Г. Чесовская, В.А. Лысенко [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2009. – 173 с.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Буняева К.В.,

кандидат юридических наук, доцент;

Тищенко И.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена процессу модернизации гражданского законодательства. Автором акцентируется внимание на соотношении норм конституционного и гражданского законодательства, которое рассмотрено как основание совершенствования последнего. Также в статье рассмотрены новые направления развития гражданского законодательства в соответствии с современными реалиями.

Ключевые слова: гражданское законодательство, модернизация, общество, гражданско-правовые нормы.

MODERNIZATION OF CIVIL LEGISLATION: HISTORY AND MODERNITY

Bunyaeva K.V.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Tishchenko I.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the process of modernization of civil legislation. The author focuses on the correlation of the norms of constitutional and civil legislation, which is considered as the basis for improving the latter. The article also discusses new directions of development of civil legislation in accordance with modern realities.

Keywords: civil legislation, modernization, societies, civil law norms.

Как известно, отношения в любом обществе – от первобытно-общинного строя и до современного общества – пребывают в подчинении некоторых норм и правил, то есть в рамках подчинения определенным законам.

Эволюция человечества привела к тому, что существенно поменялись нормы, правила отношений внутри общества. Они обрели статус законов. Самые важные правила имеют основополагающее значение в государственной жизнедеятельности и объединены в единый свод законов – Конституцию. С латинского Конституция переводится как «устройство», организация или учреждение [4, с. 33–36].

Конституция выступает в качестве основного закона, который устанавливает основы экономического, политического, правового устройства того или иного государства. Однако всегда конституция имеет наивысшую юридическую силу.

Соответственно, можно отметить, что Конституция – это:

- главный государственный закон;
- основной правовой источник;
- нормативный акт, который имеет наивысшую государственную силу;
- характерный договор между обществом и государством, посредством которого определяются рамки вмешательства государства в общественную жизнь, а также отдельных людей [3, с. 173].

Если анализировать современную конституцию, можно отметить, что в ней закреплены основы государственного строя; Конституция диктует основные свободы и правила. Кроме прочего, этот Документ определяет государственную форму, высшие органы в государстве. Конституция характеризуется стабильностью, то есть меняется очень редко.

Конституционное право устанавливает экономическую систему Российской Федерации, основу которой составляет разнообразие форм собственности и их равную защиту государством. Согласно ст. 34 Конституции Российской Федерации [1] каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

В условиях изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации, происходят изменения в социальной, экономической и политической сферах жизни общества. Поправками Конституции Российской Федерации, определены также новые направления совершенствования и актуализации гражданского законодательства.

Изменения гражданского законодательства последнего периода направлены на актуальные нововведения, позволяющие сделать гражданские правоотношения более современными и развитыми. Так, договорное право обогатилось нормами корпоративного договора, о соглашении по порядку ведения переговоров, рамочного договора, опциона на заключение договора, абонентского договора и др. Нормы особенной части гражданского законодательства закрепили новые договорные конструкции номинального счета и счета эскроу, значительно обновились нормы банковско-финансовых расчетов. В наследственном праве появились такие новшества, как совместное завещание супругов, наследственный договор и наследственный фонд.

В 2019 году мировое сообщество столкнулось с новыми вызовами, связанными с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, что породило острые проблемы, требующие правовой регламентации, в том числе, и в частном праве. Особенно это относится к корпоративным отношениям (относительно приостановления действия некоторых запретов и ограничений, изменения сроков проведения годовых общих собраний, перевод сотрудников в дистанционный формат работы и его правовое регулирование, возможность проведения общего собрания в заочной форме) [5], государственным закупкам, правоотношениям в сфере аренды (касается предоставления арендатором воз-

возможности одностороннего расторжения договоров аренды, рассрочки внесения арендных платежей, уменьшения арендной платы), кредитно-расчетным отношениям (в части предоставления отсрочки или отсрочки возврата полученных кредитов, приостановления начисления штрафных санкций, особенностей изменения кредитных договоров), отношениям банкротства (в части введения моратория на подачу заявления о банкротстве предприятий, работающих в наиболее пострадавших от эпидемии отраслях экономики), отношениям в сфере туристических и транспортных услуг (в части возможности изменения или отказа от договора, обязанности туроператоров возвращать туристам денежные средства за несостоявшуюся туристическую поездку) и др.

Таким образом, можно отметить, модернизация гражданского законодательства напрямую зависит от изменений конституционного законодательства, а также тех социально-экономических условий, которые складываются в конкретный период времени в России. Вместе с тем значительное обновление гражданского законодательства, потребность в выработке правоприменительной практики, появление целого ряда новых институтов гражданского права требуют выработки новых подходов в сфере повышения эффективности правового регулирования рыночных отношений, обеспечения прав и законных интересов участников гражданского оборота. Современные реалии заставляют законодателя принимать быстрые решения в соответствии со складывающимися обстоятельствами в гражданско-правовой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Исмаилова З.Н. Функции и основные черты конституции РФ 1993 г. / Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей студентов юридического факультета. – Махачкала, 2019. С. 173.

4. Галкин Е.Ю. Понятие и сущность конституции РФ // Научно-практические исследования. – 2019. – № 8–5 (23). – С. 33–36.

5. Федеральный закон от 7 апреля 2020 г. № 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части унификации содержания годовых отчетов государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также в части установления особенностей регулирования корпоративных отношений в 2020 году и о приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://consultant.ru>.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АНТИКОРРУПЦИОННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вородюхин С.Е.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрен основной и относительно действенный метод противодействия коррупции среди государственных служащих в нашей стране – антикоррупционное декларирование, то есть представление сведений о своих доходах и расходах, а также о доходах и расходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Данная процедура позволяет обнаружить факты, свидетельствующие о возможном совершении должностным лицом коррупционного правонарушения (индикаторы коррупции), а также выявить конфликт интересов. В статье рассмотрен зарубежный опыт института антикоррупционного декларирования, который активно развивается с течением времени, и декларированию подвергаются довольно специфические объекты.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционное декларирование, индикаторы коррупции, конфликт интересов.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF ANTI-CORRUPTION DECLARATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vorodyuhin S.E.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article considers the main and relatively effective methods of combating corruption among civil servants in our country – anti-corruption declaration, that is, providing information about their income and expenses, as well as about the income and expenses of the spouse and minor children. This procedure makes it possible to detect facts indicating the possible commission of a corruption offense by an official (indicators of corruption), as well as to identify a conflict of interest. The article considers the foreign experience of the institution of anti-corruption declaration, which is actively developing over time, and rather specific objects are subject to declaration.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption declaration, indicators of corruption, conflict of interest.

Борьба с коррупцией в Российской Федерации считается достаточно серьезной проблемой внутривнутриполитических событий страны и очень часто освещается в средствах массовой информации. Также борьба с коррупцией является одним из ключевых направлений укрепления государственности, т.к. ин-

циденты, связанные с коррупцией, способны подорвать доверие граждан к органам правоохранительной власти и самому государству в целом.

Коррупция в деятельности органов внутренних дел создает большую угрозу, поскольку не только способствует развитию преступности, в том числе и организованной, но несет в себе подрыв практически всех государственно-правовых реформ, проводимых в нашей стране, влияет на общественный порядок в целом и режим личной безопасности граждан.

Перманентно растущая коррупция в ОВД заметно снижает престиж службы и устанавливает большой «водораздел» между полицией и гражданским обществом, что прямым образом влияет на отсутствие положительной динамики в развитии принципа взаимодействия между ними. А это является недопустимым, поскольку взаимодействие с гражданами является важнейшим фактором при эффективном достижении служебных задач.

На сегодняшний день коррупция является одной из наиболее сложных и многогранных проблем нашего общества. В современном мире уже не существует государств, полностью свободных от коррупционных проявлений. Многие ученые справедливо отмечают, что полностью искоренить коррупцию нельзя и нет универсальных способов борьбы с ней. «Коррупция является тормозом для ускоренной динамики развития экономики страны, служит причиной углубления социальной дифференциации общества», – отмечает В.П. Алехин [2]. Однако же, несмотря на столь негативный прогноз, в ряде стран с течением времени был накоплен определенный положительный опыт борьбы с коррупцией. Российская Федерация тоже вошла в число таких государств, где противодействие коррупции является одним из приоритетных направлений государственной политики.

С принятием в 2008 году Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] в нашем государстве началась активная борьба с коррупционными правонарушениями. Были приняты различные нормативные правовые акты, определяющие цели и задачи противодействия коррупции. Так, например, Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 утвердил Национальную стратегию противодействия коррупции, в соответствии с которой искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, является главной целью борьбы с данным негативным явлением. Добиться данной цели, по нашему мнению, позволит комплексное использование методов и средств, определенных законодательством, подробная научная проработка проблемных вопросов, связанных с коррупцией, а также широкое взаимодействие государственных органов и общества в вопросах противодействия коррупции.

Основным и относительно действенным методом противодействия коррупции среди государственных служащих в нашей стране является представление сведений о своих доходах и расходах, а также о доходах и расходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Антикоррупционное декларирование выполняется методом заполнения специальной документальной формы о доходах, имуществе, обязательствах должностного лица и членов его семьи с целью создания информационной базы для борьбы с коррупцией. Данная процедура позволяет обнаружить факты, свидетельствующие о возможном совершении должностным лицом коррупци-

онного правонарушения (индикаторы коррупции), а также выявить конфликт интересов. По нашему мнению, необходимо четко обозначить цели внедрения антикоррупционного декларирования в соответствующих нормативно-правовых актах. Так, например, предлагается выделить следующие составляющие:

1. Обнаружение фактов возможного совершения коррупционного правонарушения (индикаторов коррупции).

2. Выявление конфликта интересов.

Это обусловлено тем, что каждая из данных целей выдвигает определенные требования к содержанию заполняемых деклараций. Так, например, для выявления конфликта интересов важнее указать источник дохода, чем его величину или стоимость имущества. Для выявления коррупционных правонарушений, напротив, важнее сосредоточиться на количественной составляющей. Отметим, что ранее антикоррупционное декларирование в большинстве случаев было направлено на выявление индикаторов коррупции. В настоящее время все больше внимания уделяется выявлению конфликта интересов, так как это позволяет получить важные сведения о связях должностных лиц и членов их семей с различными организациями и физическими лицами. Думается, что разделение целей антикоррупционного декларирования послужит повышению эффективности данной процедуры.

Еще одной проблемой антикоррупционного декларирования в Российской Федерации является отсутствие четкого перечня сведений, которые свидетельствуют о возможном совершении должностным лицом коррупционного правонарушения – индикаторов коррупции. По нашему мнению, необходима проработка такого перечня на законодательном уровне и включение его в соответствующие нормативно-правовые акты.

Серьезной проблемой, как считает С.В. Сорокина, также является то, «что в декларации не предусматривается отражение наличных накоплений» [6, с. 317]. Действительно, благодаря этому у должностных лиц появляется возможность оправдать любые дорогостоящие приобретения. Решение такой проблемы видится нам в том, чтобы обязать декларантов хранить наличные накопления, превышающие 50 тысяч рублей, на банковских счетах в безналичной форме.

Во многих государствах, как уже было отмечено, с коррупцией ведется активная борьба. Институт антикоррупционного декларирования активно развивается с течением времени, и декларированию подвергаются довольно специфические объекты. Так, например, в США все госслужащие проходят периодическую проверку на полиграфе, что дает дополнительные гарантии корректного предоставления ранее поданных сведений. В Германии госслужащий должен соблюдать служебную тайну (должен держать в тайне информацию, полученную в ходе выполнения своих служебных обязанностей, а также не разглашать сведения сроком до 5 лет после увольнения со службы), что исключает возможность разглашения какой-либо информации с целью получения дополнительной выгоды. Во многих странах после увольнения со службы запрещено устраиваться на работу в организации, с которыми госслужащий имел дело в течение одного года перед увольнением, что препятствует укреплению связей в одной сфере деятельности.

В Сингапуре применяется метод отслеживания доходов и расходов госслужащих за счет лишения чиновников неприкосновенности. Правоохранительные органы получили право в любой момент (а не только при выявлении неточностей в составленной декларации) проверять банковские счета, имущество не только самих чиновников, но и их детей, жен, родственников, что способствует возможности начинать расследование в отношении госслужащего, как только будет зафиксировано значительное увеличение доходов без видимых на то причин. В.Г. Гетьман пишет, что «в Сингапуре в отношении коррупционеров действует презумпция виновности. Владельцы доходов обязаны доказывать законность источников их происхождения. Если доходы имеют «сомнительное происхождение», то они безоговорочно конфискуются в бюджет, а их владелец привлекается к уголовной ответственности» [5, с. 24].

В Китае и Таиланде за коррупционную деятельность и взяточничество введены пожизненное заключение и даже смертная казнь.

В настоящее время актуальным и по-прежнему не проработанным остается вопрос о взаимодействии с зарубежными организациями, в частности банковскими и кредитными учреждениями, относительно счетов российских государственных служащих, а также имущества, находящегося за границей». Развитие в данном направлении со стороны России осуществляется, но не все зарубежные организации и учреждения такого типа соглашаются на сотрудничество, так как это нарушает политику работы кредитно-банковской системы.

Еще одна проблема антикоррупционного декларирования – это распространение требований о декларировании на родственников. На сегодняшний день российские должностные лица обязаны предоставлять сведения о доходах, имуществе и имущественных обязательствах своих супругов и несовершеннолетних детей. Неоднократно предпринимались попытки расширить круг лиц, о которых необходимо предоставлять сведения. Так, например, предлагалось распространить требование о декларировании сведений на родителей, совершеннолетних детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, бабушек, дедушек и внуков должностных лиц. Многие авторы научных трудов сходятся во мнении, что расширение круга таких лиц воспринималось общественностью крайне позитивно, однако же в настоящее время внесение таких изменений не видится возможным. Во-первых, раскрытие информации о таком широком круге родственников должностного лица может быть использовано в противоправных целях, а во-вторых, получение информации о некоторых из родственников крайне затруднительно в связи с их отказом в предоставлении таких сведений. Решение данной проблемы видится нам в частичном расширении требований о декларировании не на всех вышеуказанных родственников, а только на совершеннолетних детей. Так, например, речь может идти о декларировании лишь источника дохода совершеннолетнего ребенка [4, 6, 7].

Отметим, что еще одной из острых проблем в области антикоррупционного декларирования является недостаток контроля и возложение всех обязанностей по антикоррупционному декларированию на кадровые подразделения государственных органов. В большинстве случаев в таких кадровых подразделениях попросту не хватает сотрудников для корректной реализации всех ключевых

чевых функций антикоррупционного декларирования в отношении большого числа государственных служащих. Мы предлагаем следующее решение данной проблемы. Необходимо перераспределить функции по антикоррупционному декларированию на различные государственные органы, тем самым выстроив систему «сдержек и противовесов». Также необходим взаимный надзор и контроль таких органов друг за другом.

В заключение отметим, что способы противодействия коррупции уже давно известны, осталось только совершенствовать их и повышать эффективность. «Развитие системы антикоррупционного декларирования, безусловно, способствует объективному общественному контролю государственной власти и выявлению фактов незаконного обогащения», – справедливо отмечает Г.Н. Василенко. Мы не можем с ним не согласиться. По нашему мнению, система антикоррупционного декларирования заслуживает самого пристального внимания и требует тщательной научной проработки, так как во всем мире контроль над расходами и доходами является общепринятой нормой. Расходы, как и доходы, имеют большую роль для контроля в антикоррупционной деятельности государства, так как значительное превышение расходов над доходами говорит о том, что у лица имеются незадекларированные средства. Коррупция является одной из основных проблем общества на протяжении всего его развития, но современные методы контроля, которые совершенствуются с каждым годом, позволяют хотя бы немного снизить уровень незаконных действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008, 30 декабря.
2. Алехин В.П., Сильченко Е.В., Пастухов М.М. Актуальные проблемы антикоррупционного декларирования в Российской Федерации и пути их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 5. – С. 105–109.
3. Василенко Г.Н. Административно-правовой субинститут антикоррупционного декларирования // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 502–505.
4. Вородюхин С.Е., Лысенко В.А., Васильев В.В. Профессионально-нравственная деформация как фактор коррупции в органах внутренних дел // Философия права. – 2021. – № 4 (99). – С. 133–139.
5. Гетьман В.Г. Совершенствование правовой базы по борьбе с коррупцией // Бухгалтер и закон. – 2017. – № 4 (184). – С. 19–27.
6. Сорокина С.В. Совершенствование системы антикоррупционного декларирования // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. – 2019. – № 1. – С. 316–320.
7. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 116 с.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Гончаров В.А.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблем квалификации преступлений и правонарушений, рассмотрению такого явления, как «судебный прецедент»: зачем он нужен и в каких случаях применяется. Рассматривается вопрос о том, является ли на самом деле государство гарантом прав и свобод человека и гражданина, и что такое правовые дыры в законодательстве.

Ключевые слова: право, теория, нормы права, отрасль права, международное право, судебный прецедент.

PROBLEMS OF MODERN LEGAL THEORY

Goncharov V.A.

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to the consideration of the problems of crimes and offenses, the consideration of such phenomena as "judicial precedent". The question is being considered whether the State is in fact the guarantor of the rights and freedoms of man and citizen, and what are these legal holes in the legislation.

Keywords: law, theory, rules of law, protection of rights, international law, judicial precedent.

В юриспруденции, как в теории, так и на практике, встречается очень много проблем, которые как освещаются, так и остаются в тени. Стоит отметить, что зачастую проблемы можно сгруппировать по направлениям и отраслям права.

На протяжении исторического развития сменяющая себя формация привела к тому, что сформировалась разносторонняя юриспруденция, которая имеет неразрывную связь с законодательством. Зачастую с применением законодательных норм нередко возникают проблемы, которые обусловлены правовыми проблемами, а именно отсутствием нормы права, которая регулирует конкретные правоотношения.

Следует обратить внимание на то, что общество подразделяется на активных людей, чья правовая культура своей личности стоит не на последнем месте, и граждан, которые обладают ярко выраженным правовым нигилизмом.

Разные ценности и цели людей способствуют, в свою очередь, искусственному развитию несправедливости в обществе и в государстве [2, 3].

Совокупность нормативных правовых актов регулирует и гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина. Поскольку данный принцип является основополагающим, то соответственно он будет приоритетным. Конеч-

но, в правовом государстве все правоотношения расписаны и распределены по отраслям права, но возникает вопрос – всегда ли нормы права действуют во времени и в пространстве?

Конечно же, не всегда, так как существует понятие «судебный прецедент». Данное понятие указывает нам на то, что существуют правовые дыры в законодательстве. Стоит заметить, что даже основной закон государства подвергается сомнениям, а в регионах законодательство в нередких случаях противоречит федеральному.

Безусловно, отсутствие дыр в законе зависит от лиц, стоящих во главе государства, которые занимаются нормотворчеством. Соответственно, эти проблемы требуют взвешенного решения. С одной стороны, пути решения таких проблем уже были изложены в содержании вопроса, но с другой, при принятии какой-либо правовой нормы необходимо учитывать все плюсы и минусы, все за и против [5, 6].

Но нормотворчество является не единственной проблемой современного правового государства, еще существуют проблемы судебной системы. Уголовный кодекс просто не успевает соответствовать современным видам преступлений, что позволяет злоумышленникам какое-то время оставаться безнаказанными, но как только норма подстраивается под этот прецедент, возникают все новые и новые виды преступлений, и эта гонка не заканчивается никогда. И тут к нам на помощь приходит «судебный прецедент» – это решение определенного суда по конкретному делу, имеющее силу источника права. Прецедентом являются решения, вынесенные по аналогичному делу, разрешенному в рамках аналогичного производства.

Закон как институт права предлагает, на наш взгляд, несколько вариантов и типов квалификации, которые включают в себя развитие, наличие субъектов, оконченность (неоконченность преступления (правонарушения)), содержание и точность.

При квалификации преступлений главенствующую роль играет толкование закона, нормы права, которые вследствие некомпетентности правоприменителей могут неверно толковаться и, как следствие, неверно применяться, то есть если речь идет об одном противоправном деянии, а сотрудник правоохранительных органов, в силу своей некомпетентности, неверно толкует ту или иную норму права. Из вышесказанного можно сделать определенные выводы: итог в том, что квалификация преступления – это своего рода юридический диагноз, который содержит оценку содеянного по определенным признакам.

Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью, соблюдение которых государство обязуется выполнять [1, 2].

Стоит указать на то, что соблюдение прав и свобод человека и гражданина зависит в первую очередь от каждого гражданина независимо от религии, цвета кожи и моральных принципов, проживающего на территории как целого государства, так и отдельного региона. В данном случае, человеческий фактор играет непосредственную роль в соблюдении тех или иных норм права. С одной стороны, проблематика защиты прав и свобод человека и гражданина по-

строена на типологии государства (права и свободы либо отсутствуют, либо формально существуют), но, с другой стороны, даже в демократическом государстве выявляются случаи нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Важно отметить, что основная проблема в квалификации правонарушений возникает в тот момент, когда речь идет о смене одной нормы права на другую, исходя из этого можно сделать вывод, что преступление может предполагать как единичное деяние, так и серию противоправных деяний, различных по времени, месту и характеру.

Безусловно, данная проблема влияет как на общество в целом, так и на отдельно взятого индивида, но на пути к достижению личных интересов человек зачастую забывает об общепринятых мерах этики и морали, а также о том, что каждый человек – это прежде всего личность, которая наравне со всеми членами общества имеет равные права и обязанности, про которые мы забываем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев А.В. Предмет, объект и методы теории права и государства // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 9.
2. Керимов Д.А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. – Москва: Астрель, 2007.
3. Кожевников В.В. Проблемы методологии теории государства и права в современной российской юридической науке: Критический анализ // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 3.
4. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. – Москва: Астрель, 2008.
5. Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. – Москва: Городец, 2010.
6. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. – Москва: ИНФРА-М, 2015.

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ В ГОСУДАРСТВЕ

Горячкова Ю.М.,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский университет кооперации, экономики и права)

Аннотация: в статье рассматриваются предпосылки, имеющие, по мнению автора, решающее значение для возникновения и эволюции прокуратуры как органа государственного надзора за соблюдением законности, а также влияющие на формирование системы требований к профессиональным и личным качествам «ока государева».

Ключевые слова: прокуратура, надзор за соблюдением законности, прокурорский надзор, фискалитет, фискал, петровские реформы.

ABOUT THE BACKGROUND OF THE OCCURRENCE INSTITUTE OF PROSECUTOR'S OFFICE IN THE STATE

Goryachkovskaya Y.M.,

Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod University of cooperation, economics and law)

Abstract: the article examines the preconditions, which, in the author's opinion, are of decisive importance for the emergence and evolution of the prosecutor's office as a body of state supervision over the observance of the rule of law, as well as influencing the formation of a system of requirements for the professional and personal qualities of the "sovereign's eye".

Keywords: prosecutor's office, supervision of the observance of the rule of law, prosecutor's supervision, fiscal, fiscal, Peter's reforms.

Провозглашение России правовым государством, проведение судебно-правовой реформы, стремление обозначить приоритет личности и ее интересов в условиях формирования нового типа отечественного социума, а также изменения структуры и сущности взаимоотношений личности, общества и государства в последние десятилетия объективно обуславливает поиск новых и усовершенствование имеющихся способов, средств и механизмов удержания осуществляемых преобразований в русле законности.

Одной из таких важных форм юридического обеспечения правовой государственности является прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов. Вместе с тем, современный прокурорский надзор не может быть осмыслен вне связи с прошлыми этапами его развития, без изучения тех основополагающих, сущностных признаков и черт, которые складывались на протяжении многих лет, оказывали позитивное

влияние на механизм правового регулирования общественных отношений и, несомненно, должны быть сохранены в настоящий период.

Следует учитывать, что реформационные процессы имеют общие особенности: затрагивая интересы всех слоев общества и сопровождаясь серьезной политической борьбой, программы преобразований в результате воплощения в действительность претерпевают значительные изменения и вызывают сложности с управлением процессами реформ. Потому важно четко понимать причины, вызвавшие к жизни конкретную реформу, институт, закон, знать и отслеживать негативные тенденции, сопровождавшие в прошлом аналогичные преобразования, неукоснительно и последовательно реализовывать изначальные цели реформы и добиваясь запланированных результатов.

Вопрос преодоления концептуальной неопределенности относительно места прокуратуры в государственном механизме, сущности прокурорского надзора периодически приобретает в нашем обществе весьма острую социальную значимость и дискуссионность. Так было в начале XVIII века, когда создавалась прокуратура; затем в начале и в середине XIX века, когда в очередной раз решался вопрос о роли и функциях прокуратуры в государственном механизме; в 1917 году, когда отечественная прокуратура прекратила свою деятельность на пять лет; в 1990-х годах, когда споры о статусе прокуратуры вновь вспыхнули с новой силой; в начале уже нового, XXI столетия, когда решался вопрос о приоритетах в ее деятельности и структуре. И мы убеждены, что данная тематика не раз еще станет актуальной в будущем.

При этом в ходе дискуссий и 300, и 150 и 30 лет назад в качестве обоснования предлагаемых трансформаций института надзора за законностью нередко приводится зарубежный опыт в целях его прямого и порой некритического заимствования.

Полагаем, что в подобных преобразованиях более целесообразно опираться на объективные причины возникновения органа надзора в государстве, а при структурировании прокуратуры и определении ее целей, функций и полномочий учитывать отечественные особенности государственного механизма, социально-политические, исторические, культурологические и иные факторы, присущие российскому социуму.

Безусловно, проверка исполнения требований центральной власти (контроль) и соблюдения при этом норм законодательства (надзор) является организационной и неотъемлемой составляющей процесса управления обществом и государством. Причем такой контроль и надзор может осуществляться в различных формах и с применением различных методов в зависимости от исторических и политических условий функционирования аппарата управления и задач такой деятельности в конкретном государстве и в конкретный временной период.

Исторически институт надзора сложился в древнеримском праве, откуда впоследствии был заимствован Византией и государствами романо-германской системы права [12; 15]. Такое заимствование происходило по мере накопления определенных факторов, при которых осуществление постоянного надзора становилось необходимым условием для нормального функционирования госу-

дарственного аппарата, и в число которых полагаем возможным включить следующие:

а) наличие писаного права (законов, указов, инструкций и т.п.);

б) наличие публичной государственной власти, сосредоточивающей в себе управление общественной жизнью посредством ее регламентации и требующей неукоснительного исполнения своих установлений и приказов от каждого, находящегося на ее территории и под ее юрисдикцией;

в) наличие специального государственного аппарата, непосредственно проводящего и реализующего указания верховной государственной власти.

В этом плане историю прокуратуры возможно подразделить на два качественно отличных друг от друга этапа. Первоначально прокурор – это личное доверенное лицо властителя – (цезаря, базилевса, короля, царя), наделенное полномочиями по защите его личных интересов. В дальнейшем, в процессе становления государственности, – интересов государственной власти и интересов ее носителя (так, посягательство на личность, честь и здоровье государя, например, в России XVIII–XIX в., рассматривалось как посягательство на государство и государственный строй. В подобных случаях государь выступал как высшее должностное лицо). В этом случае прокурор выступает уже как юридический представитель этой власти, наделенный соответствующими делегированными ему полномочиями и осуществляющий от ее имени надзор за исполнением и соблюдением законоустановлений в целях защиты государственных и общественных интересов. Представляется, что именно в таком виде институт прокурорского надзора является сформированным органом государственного аппарата.

Некоторые исследователи образование прокуратуры связывают с установлением абсолютизма в государстве [18, с. 166; 12, с. 92]. С нашей точки зрения, это не единственный и далеко не решающий фактор.

К причинам, обуславливающим возникновение института прокурорского надзора, полагаем возможным также отнести и политический мотив, а именно: необходимость противодействия централистским и сепаратистским тенденциям, источником которых является столкновение интересов верховной власти и исполнительной власти, как в центре, так и на местах. Известно, что наиболее ярко эти противоречия проявились в деятельности государственного аппарата, бюрократизм которого и представлял немалую опасность для существования и развития государства. Применительно к Российскому государству вышеуказанные факторы сложились к концу XVII – началу XVIII вв.

В Московский период существования Российского государства, по мнению М.С. Казанцева, проверка исполнения законов осуществляется в двух формах: «прокурорский надзор», осуществляемый выборными лицами от населения («целовальниками»), и «высший надзор», осуществляемый специальными органами или должностными лицами (Боярская Дума как высший орган государственного управления по Судебнику 1497 г.) [11, с. 8–9].

Однако, как показывает проведенный нами анализ источников, систематического наблюдения за деятельностью государственных органов и должностных лиц в этот период не производилось. Надзорное, а точнее сказать, кон-

трольное начало выражалось только в таких мерах, как финансовая отчетность воевод по поступлению в казну различных сборов, назначение к воеводам товарищей для взаимного надзора, посылка дьяков и подьячих за границу для проверки действий послов, поощрение частных доносов и доносчиков и т.п. [9; 15].

Позднее центральной властью предпринимались попытки возложения контрольных полномочий на какой-либо государственный орган. В качестве таковых можно назвать Челобитный приказ, Приказ приказных дел, Приказ тайных дел Алексея Михайловича (1654-1676 гг.) [7, с. 314, 332; 18, с. 290–291]. Но эти учреждения не могли выступить эффективной формой надзора и контроля за органами государственной власти, поскольку в них были сосредоточены не только контрольно-надзорные функции, но и административно-хозяйственные, судебные. Кроме того, в большинстве своем они (например, аппарат Тайного приказа) не обладали самостоятельностью, все проверки и расследования проводились по прямому указанию монарха, деятельность этих органов не носила постоянного характера и распространялась только на некоторые категории дел [18; 13, с. 112; 10, с. 60; 8, с. 39 и др.].

Первая четверть XVIII в. характеризуется бурными изменениями в общественном и государственном устройстве, а также существенным изменением законодательства. Эти изменения затрагивали, а иногда и ликвидировали, сложившиеся основания и порядок взаимоотношений верховной власти и власти на местах, государства и чиновников, населения и государственных органов. Петр I не просто реформировал государство и государственный аппарат. Он насаждал совершенно новые порядки и правила, при этом действовал энергично, без оглядки, что далеко не всем нравилось, порождало, говоря современным языком, активное отторжение новшеств.

Наряду с этим, объективными препятствиями на пути преобразований, по нашему мнению, были:

- отсутствие четкого разделения функций, задач и полномочий между чиновниками, а также рост количества приказов, деятельность которых нередко пересекалась, а то и просто дублировалась;

- нечеткая регламентация процедуры и процессуальной формы деятельности чиновников, в т.ч. в административной и в судебной сферах, где многое традиционно осуществлялось по «усмотрению» и «совести». В результате трудно было определить грань между законным и противозаконным поведением, между умышленным проступком и неосторожностью;

- отсутствие планирования сборов государственных доходов и их распределения;

- отсутствие института личной ответственности должностных лиц за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей;

- система кормлений как способ оплаты государственной службы.

За устранение этих препятствий Петр I берется быстро и решительно, одновременно усиливая законодательную регламентацию государственной службы, реформируя приказную систему управления. Одновременно им фактически ликвидируется Боярская Дума, ужесточаются наказания за должностные пре-

ступления. Однако без должного контроля и надзора за точным и неукоснительным исполнением узаконений позитивных изменений добиться было невозможно.

Поэтому возникла необходимость в органе, который, с одной стороны, осуществлял бы надзор за соблюдением законов центральной власти на местах, не допуская отклонений и объясняя смысл вновь издаваемых указов, а с другой – осуществлял бы от имени государя надзор за деятельностью вновь созданных Сената и других учреждений.

С этой целью указом от 2 марта 1711 года [1] «О деятельности Сената» учреждаются должности фискалов при всех государственных учреждениях (Причем этот пункт был вписан лично царем в последний вариант указа. В нем указывалось, что дальнейшая регламентация деятельности фискалов будет произведена в отдельном указе). Спустя три дня, в указе Сената от 5 марта были изложены обязанности обер-фискала [6, с. 204; 2]. Ему поручалось «над всеми делами тайно надсматривать и прове́дывать про неправый суд, також в сборе казны и прочего», то есть фискалам поручались две значимые функции, сопровождавшие отечественный институт надзора на протяжении трехсот лет – собственно сам надзор за соблюдением законов и уголовное преследование.

Русский фискалитет, по нашему мнению, можно считать первым органом государственного надзора и, в свою очередь, прообразом прокурорского надзора.

Началом следующего этапа в становлении надзорного ведомства можно считать 17 марта 1714 г., когда был принят указ «О фискалах, о их должности и действии» [3], который более четко определил функции, порядок деятельности, структуру, штаты, ответственность и прочие компоненты статуса фискальской службы. Значимым изменением, внедренным данным указом, было расширение методов работы фискалов – с 1714 года они могли осуществлять свои функции гласно («прове́дывать о всех делах не только тайно, но и явно»). Отметим, что это важное обстоятельство нередко упускается из вида авторами, писавшими о фискалитете и прямо противопоставлявшими его органам прокуратуры именно по методу деятельности [16, с. 157; 15, с. 288 и др.].

Основной функцией фискалов являлось «взыскание всех безгласных дел»; в соответствии с этим определялись основные задачи фискалов: а) надзор за исполнением законов и выявление соответствующих нарушений; б) выявление преступлений против интересов государственной власти («что во вред государственному интересу быть может»); в) выявление «волокиты» при рассмотрении дел в государственных учреждениях; г) выявление нарушений, в которых нет «челобитчика». Отметим, что последняя функция фискалов имеет более длительную историю, чем история самих носителей такого полномочия. Известно, что по Уложению царя Алексея Михайловича в случае отсутствия челобитчика (истца) по тяжкому преступлению (например, убийству) преследование проводилось от имени царя, то есть верховной власти [14, с. 161–162].

Территориальная организация фискалитета и порядок внутриведомственной отчетности внутри данной структуры, а также взаимодействия с местными органами государственной власти показывают, что отечественный фискалитет

выступал как централизованная структура, и этот факт роднит его с будущей правопреемницей – прокуратурой.

С 1723 года фискалы были поставлены в двойное подчинение: вышестоящим фискалам и соответствующим прокурорам [16, с. 107; 4].

После смерти Петра I начинается процесс ликвидации, точнее, постепенного свертывания функций фискалитета. Поскольку прокуроры были совершенно новой должностью и не имели опыта, фискалы поначалу стали их помощниками. Впоследствии и эта надобность в них отпала: неудовлетворительность работы института фискалитета была очевидной, развитие прокурорских органов делало его излишним. Тем не менее, фискалы продолжали выполнение своих функций, но постепенно институт утрачивал свое значение, все больше должностей оставались вакантными (к 1729 году доля таких должностей составила 85% [11, с. 25]). Указом 24 декабря 1729 года Верховный Тайный Совет по факту распустил службу [5], а в следующем году все фискальские дела, денежная казна, имущество и функции были распределены между различными учреждениями.

Таким образом, рассмотрение вопросов, связанных с историей создания надзорных структур в государстве, и первого опыта организации таких служб в отечественном государственном механизме позволяет сделать вывод о том, что *предпосылками их создания* выступают наличие писаного права, централизованной публичной государственной власти и специального государственного аппарата. Обобщенно *цель*, которая ставится властью перед надзорными органами, можно определить как обеспечение действия управленческих структур в строгом соответствии с законом и проведение единой государственной политики на местах. Все остальные задачи таких органов вытекают из данной цели. *Принципы* деятельности надзорных органов также неизменны – законность, централизация, независимость, исключение административно-хозяйственных и управленческих функций.

Следовательно, надзорные органы возникают в государстве естественно-историческим путем и по объективным причинам – ввиду усложнения государственного аппарата, наличия задач по преобразованию экономики и властных институтов, а также по мере развития и усложнения действующего законодательства, требующего профессионального толкования и реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ от 2 марта 1711 г. «О деятельности Сената» // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. 4. № 2330.
2. Указ от 5 марта 1711 г. «Об учреждении Правительствующего Сената и персональном его составе» // ПСЗ. Т. 4. № 2331.
3. Указ от 17 марта 1714 г. «О фискалах, об их должности и действии» // ПСЗ. Т. V. № 2786.
4. Указ от 22 февраля 1723 г. «О рангах фискалов» // ПСЗ. Т. VI. № 4170.

5. Указ от 24 декабря 1729 г. «О распределении вызванных из губерний вследствие указа сего 1729 года июня 27 дня провинциал-фискалов и фискалов, годных в военную службу и об отпуске неспособных обратно на место жительства, по внесению их валовой список» // ПСЗ. Т. VIII. № 5431.
6. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I / под ред. Б.И. Сыромятникова. Т. 1-3. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1945. – 602 с.
7. Гурлянд И.Л. Приказ Великого государя Тайных дел. – Ярославль, 1902. – 396 с.
8. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – Москва, 1987. – 225 с.
9. Дмитриев Ф.М. Сочинения. Т. 1. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. – М., 1899. – 588 с.
10. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – Москва, 1983. – 352 с.
11. Казанцев С.М. История царской прокуратуры. – Санкт-Петербург, 1993. – 216 с.
12. Ким Ю.В. Прокурорский надзор в структуре российской правовой государственности: генезис института, функции, тенденции развития (государственно-правовое исследование): дис... канд. юрид. наук. – Кемерово, 1992. – 215 с.
13. Козлов О.Ф. Приказ Тайных государственных дел // Вопросы истории. – 1982. – № 8. – С. 106–113.
14. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – Санкт-Петербург, 1884. – 196 с.
15. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. – Москва, 1889. – 552 с.
16. Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра Великого. – Москва, 1875. – 349 с.
17. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – Санкт-Петербург, 1910. – 680 с.
18. Стешенко Л.А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в.: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1966. – 221 с.
19. Меняйло Д.В., Меняйло Л.Н., Колошина Т.А. Территориальные органы внутренних дел дореволюционной России: учебное пособие. – Белгород, 2014. – 94 с.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Ерыгин А.А.,

кандидат политических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового статуса Государственного Совета Российской Федерации как конституционного государственного органа, исходя из его предназначения, характера принимаемых решений, персонального состава. Отмечается координирующая роль Государственного Совета среди органов федерального, регионального и муниципального уровней, входящих в единую систему публичной власти.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации; Государственный Совет Российской Федерации; конституционный государственный орган; единая система публичной власти.

STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER

Erygin A.A.,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia)

Abstract: the article examines the features of the legal status of the State Council of the Russian Federation as a constitutional state body, based on its purpose, the nature of decisions taken, and its personal composition. The coordinating role of the State Council among the bodies of the federal, regional and municipal levels that are part of the unified system of public authority is noted.

Keywords: President of the Russian Federation; State Council of the Russian Federation; constitutional state body; unified system of public power.

Придание конституционного статуса Государственному Совету Российской Федерации в результате конституционной реформы 2020 года активизировало научную дискуссию по вопросам места и роли указанного органа в единой системе публичной власти, эволюции его правового статуса. Важно иметь в виду, что Государственный совет в различных формах в настоящее время функционирует почти в 40 государствах: на Кубе – это высший законодательный орган, в Египте, Колумбии и Италии – высший административный судебный орган, в КНР и Норвегии – высший исполнительный орган государственной власти. В отдельных странах, как, например, Ирландии и Гане, Государственный совет выполняет функции совещательного органа при главе государства [1, с. 8].

Из истории российского государства известно, что впервые Государственный совет был учрежден в 1810 г. императором Александром I в качестве высшего законосовещательного органа Российской империи. Рассматриваемый орган, ставший частью программы преобразования системы государственных органов М.М. Сперанского, функционировал до 1906 г. В связи с формированием первой Государственной Думы Государственный совет был преобразован в верхнюю палату парламента. 6 октября 1917 г. был издан декрет Временного Правительства о роспуске Государственной Думы и утрате полномочий членами Государственного совета.

В новейшей российской истории Государственный Совет с консультативно-совещательными задачами был создан Указом первого российского Президента от 19 июля 1991 г. № 12 «О Государственном Совете при Президенте РСФСР» и под руководством Б.Н. Ельцина включал государственного секретаря РСФСР, государственных советников, ряд министров и председателей государственных комитетов. Немного позже, в сентябре – декабре 1991 г., решением V Съезда народных депутатов СССР был учрежден Государственный Совет СССР в целях принятия мер по недопущению попытки государственного переворота. В возглавляемый Президентом СССР орган входили главы всех союзных республик, кроме прибалтийских. Однако в декабре 1991 г. Государственный Совет перестал действовать практически одновременно с распадом Советского Союза.

Деятельность рассматриваемой структуры в качестве совещательного органа была возобновлена Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации», которым Государственный совет определен «совещательным органом, содействующим реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти» [2].

Среди причин воссоздания Государственного совета в научных публикациях называется, в частности, предоставление главам российских регионов «альтернативной трибуны после утраты ими статуса членов Совета Федерации», «компенсация» за потерю гарантий неприкосновенности» [3, с. 57]. За 20 лет функционирования Государственного совета его сущность не претерпела принципиальных изменений, и основу этого совещательного органа, работавшего под руководством Президента России, составляли высшие должностные лица российских регионов.

В послании к Федеральному Собранию 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин, раскрывая содержание поправок в Конституцию России, предложил закрепить конституционный статус Государственного Совета, что и нашло отражение в п. «е.5» ст. 83. Глава государства получил новое полномочие по формированию Государственного Совета Российской Федерации «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» [4]. Таким образом, Государственный Совет, ранее действовавший в качестве совещательного органа при Президенте России, был преобразован в конституционный орган.

Более полное представление о правовом статусе рассматриваемого органа можно получить в результате анализа Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [5] (далее – Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ). В ч. 1 ст. 3 Государственный Совет провозглашается конституционным государственным органом. В правовой доктрине и в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации принято разделять понятия «государственный орган» и «орган государственной власти». В частности, государственный орган в отличие от органа государственной власти не имеет права принятия правовых актов внешнего действия, распространяющихся на граждан или их объединения. Следовательно, «орган государственной власти всегда можно определить как государственный орган, но не любой орган государства является органом государственной власти» [6, с. 22].

О месте и роли Государственного Совета в единой системе публичной власти можно судить, исходя из содержания ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ, согласно которому он «участвует в разработке стратегических задач и целей внутренней и внешней политики Российской Федерации, в формировании государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, способствует согласованному функционированию и взаимодействию органов, входящих в единую систему публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод граждан Российской Федерации» [5]. В ч. 1 ст. 2 указанного закона закреплено легальное определение понятия «единая система публичной власти», под которой понимаются «федеральные и региональные органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие ... свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства».

Особенностью Государственного Совета как государственного органа является отсутствие самостоятельных полномочий. Согласно ст. 14 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ по итогам заседаний Государственного Совета оформляются решения, которые подписываются его Председателем, т.е. Президентом России. Если члены Государственного Совета пришли к пониманию необходимости принятия федерального или федерального конституционного закона, федерального закона или внесения в них изменений, внесения поправок в проект федерального или федерального конституционного закона, то проект соответствующего акта вносится в Государственную Думу Федерального Собрания. Так как Государственный Совет не наделен правом законодательной инициативы, то законопроект должен вносить, очевидно, глава государства. Государственный Совет вправе направлять рекомендации в Правительство Российской Федерации, субъект Российской Федерации, муниципальное образование о целесообразности разработки документов стратегического планирования соответствующего уровня.

Значимость государственного органа в немалой степени зависит от его состава. Согласно ст. 9 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ членами Государственного Совета являются по должности Председатель Правительства Российской Федерации, Председатель Совета Федерации, Председатель Государственной Думы, Руководитель Администрации Президента России, высшие должностные лица российских регионов. По решению Президента России как руководителя Государственного Совета в его состав могут быть включены представители политических партий, имеющих фракции в Государственной Думе (таковых по результатам думских выборов 19 сентября 2021 г. пять), представители местного самоуправления и иные лица.

Персональный состав рассматриваемого органа определен Указом Президента России от 21 декабря 2020 г. № 799 «Об утверждении состава Государственного Совета Российской Федерации». Секретарем Государственного Совета назначен помощник Президента России И.Е. Левитин. По состоянию на 1 января 2022 г. членами Государственного Совета являются также Первый заместитель Руководителя Администрации Президента России, полномочные представители Президента России во всех восьми федеральных округах, председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Российского союза промышленников и предпринимателей. В состав Государственного Совета включены также глава Узловского района Тульской области, Глава города Тюмени, что обнаруживает явную диспропорцию между органами государственной власти и органами местного самоуправления. В этой связи следует поддержать предложение о включении в состав Государственного Совета по должности руководителя единого общероссийского объединения муниципальных образований и руководителей советов (объединений) муниципальных образований субъектов Российской Федерации по одному от каждого из федеральных округов, что способствовало бы «координации всех трех ветвей публичной власти» [57, с. 54].

Таким образом, исходя из анализа нормативных правовых актов, определяющих правовой статус Государственного Совета Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что рассмотренный орган не относится напрямую ни к одной из трех ветвей государственной власти, но является своеобразным координатором органов федерального, регионального и муниципального уровней, входящих в единую систему публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградова Е.В., Виноградова П.А., Ключко Е.И., Тулаев А.Н. Эволюция правового статуса Государственного Совета Российской Федерации // Государство и право. – 2020. – № 11. – С. 7–14.
2. Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 36. Ст. 3633 (утратил силу с 21 декабря 2020 г.).

3. Тетерин А.В. Роль Государственного Совета Российской Федерации в профилактике конституционных конфликтов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 6. – С. 56–60.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета. 2020, 11 декабря.

6. Хуснутдинов Ф.Г. Государственный орган и орган государственной власти: соотношение понятий // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 10. – С. 20–24.

7. Бабичев И.В. Конституционные новеллы для местного самоуправления: некоторый анализ // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 51–57.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ерыгина В.И.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина;

Инжиниринговый колледж НИУ «БелГУ»)

Аннотация: объектом исследования в данной статье являются основные нормативные правовые акты, составляющие правовую основу государственной политики в сфере образования в Российской Федерации. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что совокупность правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений в сфере образования, образует комплексную отрасль образовательного права, занимающую важное место в правовой системе российского общества.

Ключевые слова: образование, политика, образовательное право, ценности, право на образование, конституция, законодательство, международные акты, принципы.

LEGAL BASIS OF STATE POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION

Erygina V.I.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia;
Engineering College of National Research University "BelSU")

Abstract: the object of research in this article is the main normative legal acts that form the legal basis of state policy in the field of education in the Russian Federation. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that the set of legal norms aimed at regulating public relations in the field of education forms a complex branch of educational law that occupies an important place in the legal system of Russian society.

Keywords: education, politics, educational law, values, right to education, constitution, legislation, international acts, principles.

Образование – это сфера пересечения интересов человека, общества и государства. В сферу образования вовлечены многомиллионная масса обучающихся (воспитанники, школьники, студенты, аспиранты, докторанты), родители (законные представители), преподаватели вузов и колледжей, школьные учителя, воспитатели дошкольных образовательных учреждений, органы управления, образовательные организации. Все граждане Российской Федерации нуждаются в образовании, в знаниях. Число образованных людей растет, но вместе с тем качество образования падает. Причем эта тенденция характерна не только для России, но и для зарубежных стран. Налицо кризис образования. За последние двадцать лет все развитые страны проводили модернизацию образования, вкладывая в этот процесс огромные средства. Реформы в сфере образования получили название государственной политики или образовательной политики государства [5; 6, с. 85–87]. Прежде всего эта политика проводится в интересах государства для подготовки высококвалифицированных кадров в экономике, для продвижения страны в сторону научно-технического прогресса, для поддержания конкурентоспособности государства на рынке образовательных услуг.

Источниками инноваций в образовании являются, во-первых, социальный заказ, общество, стремящееся к новым знаниям и открытиям; во-вторых, стратегические цели и задачи, сформулированные в многочисленных нормативных правовых актах, составляющих целую самостоятельную комплексную отрасль – образовательное право. Образовательное право стало частью российской правовой системы с начала 2000-х гг. За двадцать лет в данной отрасли было принято более 700 нормативных правовых актов, из которых более половины (400 актов) составляют подзаконные акты: указы, постановления, распоряжения, приказы, положения, инструкции, методические указания исполнительных органов государственной власти, наделенных полномочиями в сфере образования.

Государственная политика в сфере образования – это совокупность нормативных правовых актов и мероприятий, выражающих курс правительства в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, в котором отражаются его приоритеты, основные принципы и основополагающие ценности, общенациональные интересы, учитывая основные тенденции мирового развития.

Основные принципы государственной политики в сфере образования содержатся прежде всего в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Одним из ведущих принципов является признание приоритетности образования, что непосредственно вытекает из конституционной нормы [3, с. 29], в соответствии с которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Конституция также в ст. 43 гарантирует обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования, доступность и бесплатность дошкольного, общего, среднего профессионального образования, бесплатного высшего образования на конкурсной основе. Вместе с тем граждане не только имеют право на образование, но и обязаны получить основное общее образование, при этом ответственность за выполнение этой обязанности возложена на родителей несовершеннолетних.

Принцип гуманизма в образовании предусматривает приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, его свободного развития, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования. Указанные современные ценности, заложенные в ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, формируются у обучающихся в ходе реализации программы воспитания. Принцип единства образовательного пространства на территории Российской Федерации, защиты и развития этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства основан на ст. 71 Конституции Российской Федерации, согласно которой в ведении Российской Федерации находятся вопросы установления единых правовых основ системы воспитания и образования, а также ст. 72, предусматривающей совместное ведение России и субъектов Федерации по общим вопросам образования и воспитания.

Ратифицированные Российской Федерацией международные акты: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г., ч. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., ст. 14 Хартии Европейского Союза об основных правах от 7 декабря 2000 г. являются источниками образовательного права, частью правовой системы Российской Федерации и регулируют отношения в сфере образования, ориентируя их на реализацию универсальных стандартов прав человека. Использование данных актов, а также включение России в систему мировых рейтингов, международных программ исследования качества образования способствуют созданию благоприятных условий для интеграции системы образо-

вания Российской Федерации с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе.

Основополагающие принципы государственной политики в сфере образования заложены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», кроме уже рассмотренных выше, к таковым относятся: светский характер образования в государственных, муниципальных образовательных организациях; свобода выбора получения образования; обеспечение права на образование в течение всей жизни; демократический характер управления образованием; недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования; сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования. Ежегодно Правительство Российской Федерации готовит и публикует доклад о реализации государственной политики в сфере образования для представления Федеральному Собранию Российской Федерации, в котором отражает состояние развития образования как в стране в целом, так и в отдельных регионах [2].

Государство активно участвует в правовом регулировании отношений в сфере образования не только ради реализации конституционного права граждан на образование, но и для развития экономики, от состояния которой зависит будущее всей страны и ее населения, совершенствования социально-культурной сферы жизнедеятельности общества, национальной безопасности. Сфера образования затрагивает в целом значительный объем общественных отношений, на регулирование которых направлены нормы различных отраслей российского права. Правоотношения в сфере образования регулируются нормами таких самостоятельных отраслей права, как конституционное, муниципальное, международное, семейное, гражданское, трудовое, административное, уголовное и др. Все эти нормы связаны с реализацией права граждан на образование, созданием правовых условий для формирования образовательной среды. Их объединяют общие цели и задачи установления государственных гарантий, механизмов реализации и защиты прав и свобод граждан в сфере образования, развитие системы образования и повышение его качества. В связи с этим можно утверждать, что образовательное право выделилось в самостоятельную комплексную отрасль, которая имеет свой обособленный предмет правового регулирования – общественные отношения в сфере образования, совокупность императивного и диспозитивного методов, использует нормы смежных отраслей права для наиболее полного, гармоничного и системного обеспечения баланса образовательных потребностей и интересов человека, общества и государства. В настоящее время сформировалась развитая правовая база образовательной деятельности в России, основу которой составляет Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Вместе с тем огромный массив нормативных правовых актов порождает проблемы их эффективного применения, чрезмерной детализации, бюрократизации, выхолащивающей творческую сущность образования как процесса передачи знаний от учителя к ученику. Следующей проблемой является усложнение текста нормативных правовых актов за счет удлинения статей в законах. Только за один 2020 г. федеральное законодательство удлинилось на 344 тысячи

слов, усложнились предложения, в которых стало больше зависимых слов и причастных оборотов [2, с. 23], что в целом затрудняет процесс его понимания не только гражданами, но и специалистами в сфере образования. На поверхность выходит такая проблема, как несовершенство юридической техники при написании законов, которое приводит к дублированию нормативных правовых актов, противоречиям, сложности и запутанности их содержания. Выход из создававшегося критического положения в системе российского образовательного законодательства видится в дальнейшей систематизации, вплоть до создания единого Образовательного кодекса. В последнее время все большую роль стали играть подзаконные акты в виде долгосрочных программ развития образования, утвержденных Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, тем самым нарушается системность права и иерархический порядок нормативных правовых актов. Проблема заключается в том, что на практике подзаконные акты заменяют по степени важности и актуальности законы, аккумулируют огромные средства и приводят к еще одной серьезной проблеме – нестабильности законодательства. Стоит отметить, что образовательное право находится в постоянном изменении, трансформации, что в целом мешает гармоничному, взвешенному выстраиванию образовательных правоотношений между субъектами образовательного процесса.

Наметилась тенденция возрастания количества нормативных правовых актов в образовании, в результате чего ни руководители образовательных организаций, ни педагогические работники не успевают уследить и разобраться во всех поправках и изменениях законодательства. Часто эти поправки и программы принимаются без широкого обсуждения и учета мнения специалистов, практиков, педагогов. В результате вместо обучающихся и учителей на первое место среди субъектов образовательных отношений выходят менеджеры в сфере образования со своими проектами, которые не имеют опыта работы в образовательных организациях и не видят сути образовательного процесса изнутри. В качестве примера можно привести Государственную программу «Развитие образования», утвержденную Постановлением Правительством Российской Федерации, от 26 декабря 2017 г. № 1642. В данной программе изначально были сформулированы ближайшие цели развития образования до 2025 года: повышение качества, доступности образования, охват онлайн-образованием школьников и студентов ссузов и вузов. Только за четыре года действия этого проекта в него были внесены 40 поправок. И в 2021 году данную программу продлили еще на пять лет до 2030 года, в том числе из-за слишком амбициозных планов, которые практически невыполнимы в короткие сроки, в частности, поставлена задача – стопроцентный охват образованием детей раннего возраста, начиная с двухмесячного возраста. Для выполнения данной программы недостаточно только построить ясли и детские сады, нужно оснастить их всем необходимым, необходимы программы для обучения и развития детей раннего возраста, специально подготовленные воспитатели для работы в дошкольных образовательных организациях с такими детьми. Хотя по официальной статистике уже в 2020 году доступность раннего образования детей с 2 месяцев до 3 лет составила 91,65% [4].

Еще одна глобальная задача поставлена в программе и в Национальном проекте «Образование» – войти в десятку ведущих стран мира по качеству образования. Пока на данный момент Россия по общему уровню образования находится на 39 месте в рейтинге стран мира. Не входит Российская Федерация и в десятку стран мира по качеству образования, где лидируют Китай, Сингапур и Макао. По качеству начального образования Россия находится на 50-м месте. Пока качество образования не улучшается, что, на наш взгляд, связано с внедрением дистанционного обучения и онлайн-образования, при которых снижается уровень контроля за обучающимися со стороны педагогов и ответственность учеников за освоение образовательной программы. Необходимо совершенствовать систему итоговой аттестации обучающихся путем внедрения альтернативных способов проверки знаний учащихся, исходя из планов выпускника школы, оставив ЕГЭ только для тех, кто поступает в вузы.

Наблюдается также противоречие между курсом на индивидуализацию образования и его стандартизацией, которая выражается во введении федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) всех уровней образования. С одной стороны, обучающийся должен освоить программу, содержащую единые государственные требования, с другой стороны, Правительство Российской Федерации планирует учитывать индивидуальные достижения учеников при итоговой аттестации и отборе в образовательные организации среднего профессионального и высшего образования.

Государственная политика выполняется путем реализации в субъектах Российской Федерации единой стратегии, утвержденной указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации. В регионах принимаются свои стратегии развития образования, законы об образовании.

В целом, правовые основы государственной политики в сфере образования включают все нормативные правовые акты, принятые на федеральном, региональном, муниципальном и локальном уровнях. Организационную основу государственной политики Российской Федерации составляют программные документы: Государственная программа «Развитие образования» до 2030 г. и Национальный проект «Образование». В субъектах Российской Федерации принимаются соответственно свои региональные программы в сфере образования с учетом местных условий и традиций. Программные политические документы и законы в сфере образования образуют комплексную отрасль образовательного права, которое занимает значительное место в правовой системе российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гладких О.А. Роль государственной политики в сфере образования // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: социология. – 2017. – № 17. – С. 35–40.

2. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/> (дата обращения: 22.01.2021).

3. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 15–25.

4. Петручак Л.А. Право на образование в современной государственной образовательной политике России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: юриспруденция. – 2017. – № 4. – С. 28–41.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.01.2022)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (ч. II). – Ст. 375.

6. Тусупова Л.А. Всемирный кризис образования и его влияние на казахстанскую образовательную систему // Вестник университета Туран. – 2010. – № 2. – С. 143–145.

7. Шкатула В.И. Образовательное право России: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – Москва: Юстицинформ, 2016. – 774 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗРЕНИЯ

Иваняков Р.И.,

кандидат исторических наук

(Псковский филиал Академии ФСИН России)

Аннотация: статья посвящена формированию антинаркотического мировоззрения и базируется на анализе Стратегии государственной антинаркотической политики на период до 2030 года, обобщении результатов мониторинга наркоситуации на территории Псковской области за период с 2014 по 2021 год и опыте по профилактике наркопотребления. Данная Стратегия содержит ряд новых положений и направлений в развитии антинаркотической политики. Уделяется внимание недостаточно эффективному уголовно-правовому регулированию данной сферы отношений, а также необходимости выявления наркозависимости на ранних стадиях.

Ключевые слова: антинаркотическое мировоззрение, общественное мнение, мониторинг наркоситуации, профилактика наркопотребления.

TO THE QUESTION OF AN ANTI-DRUG WORLDVIEW

Ivanyakov R.I.,

Candidate of Historical Sciences

(Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Abstract: the article is devoted to the formation of an anti-drug worldview and is based on the analysis of the Strategy of the State anti-drug policy for the period until 2030, the synthesis of the results of monitoring the drug situation in the Pskov region for the period from 2014 to 2021 and experience in the prevention of drug use. This Strategy contains a number of new provisions and directions in the development of anti-drug policy. Attention is paid to the inadequate criminal law regulation of this area of relations, as well as the need to detect drug dependence in the early stages.

Keywords: anti-drug worldview, public opinion, monitoring of the drug situation, prevention of drug use.

В ноябре 2020 года Министерством внутренних дел Российской Федерации был представлен проект Стратегии государственной антинаркотической политики на период до 2030 года. И уже 23 ноября 2020 года Указом Президента № 733 Стратегия государственной антинаркотической политики на период до 2030 года была утверждена. Существенным изменениям были подвергнуты положения, имевшие фундаментальное значение в действующей Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, в частности, изменена и дополнена генеральная цель Стратегии. Так, генеральными целями новой стратегии были обозначены:

- сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления;
- снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков;
- формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и к участию в их незаконном обороте.

Изменены и дополнены стратегические задачи, одним из векторов которых стало формирование механизма реализации антинаркотической политики как на уровне субъекта Российской Федерации, так и на муниципальном уровне.

В частности, в новой стратегии зафиксирована необходимость создания условий для обязательного участия обучающихся в мероприятиях по раннему выявлению незаконного потребления наркотиков, это определено в качестве меры, направленной на реализацию одного из основных направлений антинаркотической политики – профилактики и раннего выявления незаконного потребления наркотиков. Вместе с тем вызывавшие дискуссии вопросы введения обязательного медицинского тестирования в учебных заведениях и возрождения системы ЛТП в настоящее время не стоят в повестке обсуждения.

В настоящее время за незаконный оборот наркотиков предусматривается уголовная ответственность 11 статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, наказания по которым, как легко убедиться путем сравнения с уголов-

ными законами стран ЕС и государств бывшего СССР, не отличаются чрезмерной мягкостью. Однако, несмотря на усиление правоохранительной деятельности, кардинального улучшения наркообстановки не происходит. Это указывает на явный дисбаланс между правоохранительной и профилактической составляющими антинаркотической деятельности.

Вместе с тем эффективность профилактики не должна отставать от эффективности уголовного правоприменения. В соответствии с действующей Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации достижение генеральных целей должно достигаться как за счет реализации мер, направленных на сокращение количества преступлений и правонарушений, так и за счет реализации профилактики и раннего выявления незаконного потребления наркотиков.

Исключительно уголовно-правовое противодействие преступлениям является, как показывает отечественный опыт, крайне неэффективным.

Учитывая это, особый интерес представляет осуществление мониторинга общественного мнения относительно отношения населения к проблеме наркопотребления. Подобная работа осуществляется Псковским филиалом Академии ФСИН России с 2014 года в рамках подготовки доклада о наркоситуации в Псковской области, одной из составных частей которого является проведение социологического исследования, позволяющего оценить отношение населения Псковской области к наркопотреблению. Целью исследования является выявление уровня наркотизации общества и отношения населения субъекта Российской Федерации к проблемам наркомании [1].

Среди основных задач исследования следует выделить определение значимости проблемы немедицинского потребления наркотиков в списке социальных проблем среди населения субъекта Российской Федерации и отдельно взятого муниципального образования (городского округа, муниципального района); проведение анализа ценностных установок населения субъекта Российской Федерации; выявление отношения населения субъекта Российской Федерации к проблеме немедицинского потребления наркотиков; анализ уровня распространения немедицинского потребления наркотиков в субъекте Российской Федерации, в том числе динамики числа лиц, употребляющих наркотики; выявление степени наркотизации населения в субъекте Российской Федерации; определение наиболее распространенных на территории субъекта Российской Федерации наркотиков; выявление степени доступности наркотиков; определение наиболее популярных мест и способов распространения наркотиков; Определение причин распространения немедицинского потребления наркотиков; определение мотивов потребления наркотиков среди различных групп населения субъекта Российской Федерации; выявление основных механизмов приобщения к немедицинскому потреблению наркотиков; проведение анализа социокультурных факторов, как способствующих, так и препятствующих возникновению и развитию наркотической зависимости [2, с. 305–309].

Сбор данных проходит в образовательных организациях, а также на предприятиях г. Пскова, г. Великие Луки и в отдельных муниципальных образованиях Псковской области. Анкеты собираются методом «снежного кома»,

раздаются в учебных группах и на предприятиях, заполняются во время учебного процесса или в рабочее время.

Последний опрос был проведен в феврале 2021 года. В ходе исследования было опрошено 2000 респондентов, из них – 40,05% (801 чел.) мужчин (АППГ – 37,7%) и 59,6% (1192 чел.) женщин (АППГ – 62,1%), 0,35% (7 чел.) (АППГ – 0,2%) опрошенных не указали свой пол.

Следует отметить, что в последние годы острота восприятия проблемы наркомании среди населения неуклонно снижается. Так, до 2018 года прослеживалась ярко выраженная динамика снижения восприятия проблемы наркомании населением: в 2016 году – 58,7% считали эту проблему одной из наиболее острых, в 2017 году – 27,65%, в 2018 году – 22,45%, и только по итогам социологического исследования, проведенного в 2019 году, незначительно возросло количество респондентов (24,75%), выбравших ее как наиболее острую.

По итогам исследования 2020 года оценка населением остроты этой проблемы вновь снизилась (22,50%), практически вернувшись к уровню 2018 года (22,45%). По итогам исследования, проведенного в 2021 году, степень остроты этой проблемы продолжила снижение и достигла 20,65%, что является минимальным показателем за последние пять лет.

Особое внимание хотелось бы акцентировать на некоторых моментах, информация о которых была получена в ходе проведения социологического исследования.

Во-первых, анализ социологических исследований на протяжении восьми последних лет позволяет констатировать то, что большую роль в формировании отношения населения к проблеме наркомании играют средства массовой информации. Большая часть респондентов склоняется к тому или иному ответу, основываясь на информации из СМИ.

Во-вторых, очень распространенной проблемой наркоманию воспринимают только 6,75% респондентов (в 2017 году очень распространенной проблему наркомании считали 9,65% респондентов, в 2018 году – 5,9%, в 2019 году – 8%, в 2020 году – 7,55%). Наименьшее количество населения, считающего проблему наркомании очень распространенной, проживает в районах Псковской области (5,54%), больше всего респондентов, выбравших этот ответ в 2021 году, – в городе Пскове (7,81%), где степень восприятия остроты проблемы наркомании по сравнению с 2020 годом уменьшилась на 1,89%.

В-третьих, по мнению большинства опрошенных, причины распространения наркомании кроются прежде всего в «неудовлетворенности жизнью, социальном неблагополучии»; во-вторых, отмечается «моральная деградация общества, вседозволенность»; третьим по популярности ответом стал вариант «влияние наркобизнеса, доступность наркотиков».

В-четвертых, в целом по области 9,65% респондентов (в 2020 году – 11,25%, в 2019 году – 12,6%, в 2018 году – 11%, в 2017 году – 12,4%) для получения сведений о наркотиках или способах их употребления использовали сеть Интернет; за год этот показатель уменьшился практически на полтора процента и является самым низким за последние 5 лет. Особенно хотелось бы акцентировать внимание на том, что в городе Пскове число лиц, прибегающих к услугам

сети Интернет для получения сведений о наркотиках или способах их употребления, составляет 12,19%, что более чем в полтора раза выше, чем в районных центрах (7,42%), и на 26% выше среднеобластного показателя.

В-пятых, самыми действенными факторами, удерживающими от употребления наркотиков, являются осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков (2021 г. – 69,8%, 2020 г. – 71,6%, 2019 г. – 69,15%, 2018 г. – 70,45%, 2017 г. – 55,1%), боязнь умереть в молодом возрасте, страх полного привыкания, а также потеря уважения близких, понимание того, что посредством наркомании передаются ВИЧ-инфекции и вирусные гепатиты, боязнь оказаться в тюрьме, боязнь отлучения от семьи. В большинстве случаев сдерживающим механизмом являются социальные факторы.

В то же время на протяжении пяти последних лет страх уголовного преследования остается слабым мотивом для большинства опрошенных (в 2021 году – 15,4%, в 2020 году – 13,6%, в 2019 году – 14,5%, в 2018 году – 12,55%, в 2017 году – 15,14%, в 2016 году – 16,2%, в 2015 году – 13,2%, в 2014 году – 10%).

В-шестых, менее трети респондентов мало или почти ничего не знают о законодательной ответственности за наркопреступления (29,35%); по сравнению с 2019 годом количество таких респондентов уменьшилось на 2,05%.

Опросы показывают, что, несмотря на все профилактические меры, встречи, беседы, лекции, социальную рекламу, в обществе стабильно сохраняется значительная часть населения, которой мало известно или совсем не известно о законодательной ответственности за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ.

Наркомания – всемирная проблема, и деятельность одного государства, одного субъекта, одной организации не может полностью решить ее. На сегодняшний день существует достаточно много волонтерских, общественных организаций и групп, силу и потенциал которых можно направить на борьбу с этим ужасным явлением – наркоманией [3, с. 153–156].

Далеко не последнюю роль, на наш взгляд, в этой работе должны играть молодежные, волонтерские и добровольческие группы, объединения и отряды, которые могли бы взять на себя проведение аналитической (поиск и выявление групп, тем, блогов или форумов, на которых размещается информация о сбыте, пропаганде употребления либо легализации наркотиков и иных наркосодержащих веществ, с последующей передачей полученной информации в региональные отделения Антинаркотического волонтерского движения молодежи), а также пропагандистской работы в сети Интернет (создание в социальных сетях собственных групп, тем, форумов или блогов, где будет размещаться информация о проводимых волонтерами акциях, мероприятиях, а также ролики и иная информация о вреде наркотиков) [4, с. 138–140].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антинаркотическая комиссия Псковской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://pskov.ru/vlast> (дата обращения: 05.11.2021).
2. Меняйло Д.В., Меняйло Л.Н., Вородюхин С.Е. Эволюция службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации / Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Псков, 5–6 ноября 2020 года. – Псков: Псковский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 305–309.
3. Меняйло Д.В., Семенюк А.Ф. Использование информационных технологий при профилактике наркомании / Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов: сборник статей 5-й Международной научно-практической конференции, 12 октября 2018 года. – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2019. – С. 153–156.
4. Иваняков Р.И., Трубицына Н.С. Привлечение волонтерских движений и организаций к решению задач антинаркотической профилактической работы // Закон и право. – 2015. – № 3. – С. 138–140.

СИМУЛЯКРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Кеменяш Ю.В.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: статья посвящена вопросам возможности отнесения относительно нового философского понятия «симулякр», введенного в широкий обиход в период постмодернизма Ж. Бодрийяром, к элементам правового регулирования общественных отношений. Связано это в первую очередь с тем, что в реальной действительности существуют формально регулирующие правовую сферу жизни общества нормы, которые фактически не реализуются, иначе говоря, «правоподобные» нормы. Актуальность темы исследования автор подтверждает наличием ярких примеров правовых симулякров, которые существуют в различных элементах регулятивной системы права. В статье уясняется смысл данного понятия при помощи обращения к однокоренным словам «симуляция» и «симулировать», значение которых содержится в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Анализ данных понятий позволил автору сформулировать собственное определение симулякров.

Ключевые слова: симулякр, регулятивная система права, современное право, общественные отношения, правоотношения, общество, государство.

SIMULACRA AS ELEMENTS OF THE NORMATIVE SYSTEM OF MODERN LAW

Kemenyash Yu.V.,

Adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to the issues of the possibility of attributing a relatively new philosophical concept of "simulacrum", introduced into wide use during the postmodernism of J. Baudrillard, to the elements of legal regulation of public relations. This is primarily due to the fact that in reality there are norms formally regulating the legal sphere of society's life that are not actually implemented, in other words, "plausible" norms. The author confirms the relevance of the research topic by the presence of vivid examples of legal simulacra that exist in various elements of the regulatory system of law. The article clarifies the meaning of this concept by referring to the same-root words "simulation" and "simulate", the meanings of which are contained in the explanatory dictionary of S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova. The analysis of these concepts allowed the author to formulate his own definition of simulacra.

Keywords: simulacrum, regulatory system of law, modern law, public relations, legal relations, society, state.

На протяжении долгого времени особенности регуляции общественных отношений являются объектом пристального внимания научных деятелей. Это обусловлено важностью регулятивной системы для складывающихся в обществе отношений, благодаря которой происходит упорядочивание повседневной жизни и деятельности людей. При этом нередко ученые указывают, что на сегодняшний день имеется множество правовых норм и понятий, которые существуют на теоретическом уровне, но не применяются фактически.

Так, например, ст. 19 Конституции Российской Федерации закрепляет норму, провозглашающую равенство всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности и т.д. Помимо этого ч. 3 данной статьи устанавливает равенство прав и свобод мужчины и женщины. Однако ч. 2 ст. 57 Уголовного Кодекса Российской Федерации закрепляет неприменение в отношении женщины пожизненного лишения свободы, которое назначается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Иными словами, женщина, совершившая, к примеру, преступление, последствием которого стала гибель большого количества людей, понесет иное наказание, нежели мужчина за аналогичное преступление. Получается, мужчина должен претерпевать более тяжкие лишения и ограничения исключительно из-за своей половой принадлежности. Возникает вопрос о справедливости данного решения и действенности нормы Конституции Российской Федерации.

Помимо этого примером «правоподобных» норм является закрепление в ст. 17 Конституции Российской Федерации основных прав и свобод человека, признаваемых и гарантируемых государством. Что есть гарантия? Она подразумевает под собой обеспечение права, то есть государство должно обеспечивать основные права человека, к которым относится, например, право на жизнь. В связи с чем возникает вопрос: если человека лишили жизни, значит, государство не смогло обеспечить его право на жизнь?

Подобных конструкций норм в законодательстве Российской Федерации множество, усматриваются они не только в Конституции Российской Федерации. И существование их играет неоднозначную роль в жизни общества и государства, потому как недейственность нормы, ее подобие зачастую вызывает негативные последствия – как минимум, это недоверие граждан государственной власти.

Данный феномен получил название «симулякр в праве». При этом убежденность в том, что эффективность урегулирования общественных отношений зависит от количества принимаемых нормативно-правовых актов, также является симулякром. Очевидно, что обычный гражданин не в силах знать всю нормативно-правовую базу Российской Федерации, чтобы применять ее в своей жизни. Именно поэтому можем предположить, что симулякры имеют определенное значение для системы правового регулирования в целом. Следовательно, изучение места и роли их в механизме правового регулирования представляется целесообразным.

В юридической литературе термин «симулякр» конкретного закрепления не имеет, однако усматривается озабоченность членов научного общества вопросом существования в праве так называемой «копии», не имеющей оригинала в реальности» [1, с. 37]. Данные дискуссии связаны в первую очередь с тем, что симулякры играют неоднозначную роль в современной действительности, потому как существующие в правовой сфере общества симулякры оказывают влияние на формирование общественного правосознания. Это может выражаться в закреплении законодателем норм, которые приводят к незапланированным правовым последствиям.

А.Н. Игнатов предлагает понимать под правовым симулякром акт, имеющий знаковую правовую форму, но не порождающий право и не ставший информационной основой правовой коммуникации [2, с. 219].

Чтобы разобраться в правдивости данного определения, проведем исследование, в рамках которого мы сформулируем собственное понимание «симулякра» применительно к правовой сфере общества.

Для уяснения смысла понятия «симулякр» обратимся к однокоренным словам «симуляция», «симулировать». Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под «симуляцией» закрепляет следующее определение: «притворство, ложное утверждение или изображение чего-нибудь с целью ввести в обман, в заблуждение», а под «симулировать» понимают «притворяясь, создать ложное представление о наличии чего-нибудь» [3].

Если «симуляция» – это процесс, «симулировать» – это действие, то можем сделать вывод, что «симулякр» это само «притворство», подобие. Предла-

гаем остановиться на том, что симулякр как элемент, формирующий общественное правосознание, – это характеристика механизма неадекватного понимания (ложного представления о наличии чего-либо), что порождает само явление симулякра, как символизирующего неподлинность понимания определенных вещей, то есть характеристика качества правосознания.

Представляется, что ранее упомянутое определение А.Н. Игнатова является ошибочным, потому что симулякры выступают в качестве механизма неадекватного понимания норм, закрепленных в формально определенных формах выражения. В свою очередь, правовой акт, о котором пишет А.Н. Игнатов, является лишь источником правового симулякра, то есть является способом его закрепления.

Ошибочно утверждать, что правовые симулякры усматриваются исключительно в правовых нормах, потому как регулятивную систему права помимо норм, которые являются первичным элементом регулятивной системы права, составляют правоотношения, правосознание, правовая культура, правомерное поведение и др., где также усматриваются симулякры.

Примером может послужить подписание договора, устанавливающего правовые отношения. Договорные правоотношения строятся на доверии, и его отсутствие в них позволяет назвать такие правоотношения симулякром, иначе говоря, в данной ситуации присутствие права без доверия является лишь симуляцией.

Значение симулякров в современном праве неоднозначно. Их существование приводит как к негативным, так и к позитивным последствиям. Так, например, правовые симулякры опасны, потому как они провоцируют в сознании общества сомнения в отношении справедливости властной деятельности государства. Иначе говоря, применение в законодательстве таких конструкций, которые регулируют наиболее важные, базовые общественные отношения, но не имеют никакой правовой значимости, приводит к иллюзорности права. Закон должен быть средством постижения цели – регулирования различного рода отношений.

Закрепляя принцип равенства граждан перед законом и судом, законодатель применяет данный симулякр с благими намерениями – с целью сдержать противоборство, противостояние в обществе. В позитивном ключе симулякры компенсируют разрушительные силы, свойственные современному праву, иначе говоря, свойственная им иллюзорность является своеобразной формой компенсации.

Ввиду того, что симулякры оказывают воздействие на правосознание людей, детерминируют их поведение, возникает вопрос о возможности их отнесения к элементам регулятивной системы современного права.

Отвечая на данный вопрос, следует констатировать, что правовой симулякр не является прямым регулятором правовых отношений, но так или иначе играет особую роль в их регулировании, потому как формирует неподлинное понимание определенных вещей, сказываясь на качестве правосознания граждан.

На основании вышеизложенного, можно сделать ряд выводов:

– во-первых, симулякры, являясь продуктом сознания, имитируют то, чего на самом деле не существует, создают видимость действительности права, его наличия, существования;

– во-вторых, симулякры по своей природе обладают отличительными чертами в сравнении с иными элементами регулятивной системы в праве – скрытость их истинных мотивов, а также универсальность их применения в любых сферах общества;

– в-третьих, нормы законодательства, которые не реализуются в должной мере, становятся симулякром. Они никуда не исчезают, но действуют другим способом, то есть законодательство с такими нормами становится самодостаточным. Иначе говоря, закон существует ради закона и становится целью, а не средством регулирования отношений, чего не должно быть в действительности, потому что закон, с юридической точки зрения, является регулятором каких-либо отношений между людьми, государством. Целью же он является в религиозном смысле;

– в-четвертых, симулякры, заполняя правовое, культурное и политическое пространство, так же как мораль, право и иные регуляторы общественных отношений, имеют свою специфику и находят свое отражение в различных сферах общества. Применение симулякров в правовом пространстве не всегда имеет отрицательную окраску;

– в-пятых, наличие симулякров в общественной жизни неизбежно, но они позволяют нам осознавать необходимость в формировании реальной действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исаев И.А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 5 (81). – С. 30–40.

2. Игнатов А.Н. Противодействие преступности: симулякры и симуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 215–226.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 28.11.2021).

ЭВОЛЮЦИЯ УЧЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ XIX-XX ВВ.

Комнатная Ю.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы генезиса и эволюции учения об источниках международного частного права, а также выяснению значения этого учения в становлении и развитии самостоятельной отрасли права в правовой доктрине России в XIX–XX вв.

Ключевые слова: история права, история доктрины права, эволюция коллизионного права, коллизионное право, международное частное право.

THE EVOLUTION OF THE DOCTRINE OF THE SOURCES OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE IN THE 19TH-20TH CENTURIES

Komnatnaya Yu.A.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to the problem of the genesis and evolution of the doctrine of the sources of private international law, as well as to clarify the significance of this doctrine in the formation and development of an independent branch of law in the legal doctrine of Russia in the 19th–20th centuries.

Keywords: history of law, history of the doctrine of law, evolution of conflict of laws, conflict of laws, private international law.

Начав свое развитие официально в XII в., а по факту значительно ранее, когда сформировались *jus gentium* и *jus civile*, коллизионное право до сих пор окончательно не обособилось и не определено ни в вопросе его природы, ни в вопросе предмета правового регулирования. Однако, несмотря на спад мобильности населения и мировой экономики в последние годы, конфликты законов по-прежнему требуют пристального внимания. Доктринальная неопределенность затрудняет развитие международного частного права. Это продиктовано и тем, что до сих пор нет согласия в наименовании данной области правовых знаний, так как во многих зарубежных странах популярным остается средневековое наименование «теория статутов», «конфликт законов», «коллизионное право», а в ряде стран – «частное международное право». В доктрине неоднократно звучали идеи о двойственности природы международного частного права, занимающего промежуточное положение между международным и национальным правом.

Между тем и в рамках национального права международное частное право не может найти своего места, не решен вопрос его самостоятельности в качестве отрасли права, при этом не закрыт вопрос о его международной природе, согласно которой международное частное право входит в систему международного права как равновеликий по значимости международному публичному праву элемент. Последние исследования находятся в еще более затруднительном положении, поскольку коллизионное право уже начало обособляться от международного частного права, которое теперь имеет в своем арсенале достаточное количество материально-правовых норм, не нуждаясь в решении коллизионного вопроса, к чему постепенно идет мировое сообщество, поддерживая унификацию норм частного права. Разночтения в определении природы международного частного права и его места в системе права порождают не только доктринальную неопределенность, эта проблема имеет и практические последствия, что, в частности, отражено в статье А.И. Муранова [1].

Несомненным является и тот факт, что особое значение в разрешении указанной проблемы имеет принятый в России состав источников международного частного права, от которого напрямую зависит определение природы последнего.

Стоит отметить, что эти вопросы имеют долгую историю. Истоком возникновения данной проблемы можно считать распространившуюся по всей территории Европы «теорию статутов», благодаря которой в правовой доктрине возникла масса различных концепций, воспринятых российской наукой в начале – середине XIX века.

Однако зарубежные коллизионные теории, проникнув в отечественную юриспруденцию, были подвергнуты достаточно жесткой критике. Российские правоведы представили собственные концепции понимания международного частного права, ведущую роль в которых заняло, в том числе, учение об источниках международного частного права. Стремление мирового сообщества к объединению, решаемое и через унификацию норм частного права, не отвечает интересам нашего государства и принципам отечественного законодательства. Самостоятельность российской позиции в данном вопросе продиктована многими обстоятельствами. В досоветский период это следовало из взаимопроникновения различных теорий о коллизионном праве. Позиции наших ученых были услышаны, и к мнению Б.Э. Нольде, А.А. Пиленко, Ф.Ф. Мартенса в Европе прислушивались. Дореволюционная отечественная доктрина коллизионного права, несмотря на свое зачаточное состояние, уже имела свой стиль и характер. В теории конфликтного права дореволюционного периода были представлены оригинальные авторские концепции, признанные на мировом уровне и существенно влияющие на развитие науки международного частного права.

В XIX в. отечественная правовая доктрина достигла значимых результатов в области изучения источников права. Сама категория «источник права» стала рассматриваться в нескольких смыслах. Г.Ф. Шершеневич отмечал сложность данной правовой категории и рассматривал среди них и юридические памятники, и римское право, и обычаи [2, с. 147]. Раскрывая основание источника права, он так же, как и на современном уровне развития науки, говорил о воле

законодателя и о народном правосознании [3, с. 36; 4, с. 368–369]. Исследователь коллизионных вопросов в рамках цивилистической науки Ю.С. Гамбаров раскрывал источники права как руководящие начала, вышедшие из нравов, обычаев, общественного строя, добавляя к этому перечню письменные документы и правообразующие юридические факты [5, с. 182]. Большинство правоведов дореволюционного периода в своих изысканиях опиралось на основы римского права. Поэтому Н.М. Коркунов говорил об обычаях, одни из которых *jus scriptum*, а другие *jus non scriptum*, при этом раскрывал источник права с позиции его понимания как формы внешнего выражения норм [6, с. 283], А.А. Борзенко склонялся к пониманию источника права лишь в смысле внешне выраженной формы «слов и деяний», подчеркивая их повторяемость и постоянство [7, с. 21]. Большинство представленных исследователей отдельно изучали и вопросы природы международного частного права, исходя из своих воззрений на категорию «источник права». В связи с этим, многие относили коллизионное право к общетеоретической проблеме действия закона в пространстве и по кругу лиц. Исходя из этого, значимая часть теоретиков права пришла к выводу, что коллизионное право исключительно национально.

Коллизионисты подходили к вопросу определения источников международного частного права несколько иначе, раскрывая их, исходя из природы коллизионного права и опираясь на достижения западной науки в понимании его сущности. Так, М.И. Брун, учитывая статуарную теорию и последние исследования о праве международного общения, пришел к выводу, что источники коллизионного права «всецело в воле отдельного государства, от того невозможен конфликт между ними и государством» [8, с. 15–17]. В результате такого подхода ученый сделал заключение, что «международное частное право не есть ни международное право, ни частное право» [8, с. 18]. М.И. Брун отмечал, что коллизионное право – лишь набор правил для выбора нужной нормы, независимо от места ее действия (исключение составляют межобластные коллизии), при этом правила эти отнюдь не правовые нормы, а нормы технические. Отмечая специфику международного частного права и его наднациональный характер, А.Н. Мандельштам в качестве источников коллизионного права рассматривал исключительно международные договоры и обычаи, отвергая любое применение законов и судебной практики отдельных государств [9, с. 212]. Проблематика источников коллизионного права затрагивалась также и исследователями коммерческого (торгового) права. Так, К.И. Малышев обратил внимание на применение иностранного права для международных коммерческих отношений. При решении поставленной задачи ученый выяснил, что международный характер торговых отношений позволяет использовать в качестве источников права практику и законодательство других государств [10, с. 57].

Таким образом, учение об источниках международного частного права к началу советского периода до конца не сформировалось, единство во мнениях не было достигнуто. Однако уровень дореволюционной правовой доктрины позволил к 1917 году решить важные вопросы: первое – сложилась достаточно устойчивая теория о возможности существования самостоятельной науки и отрасли международного частного права; второе – были выработаны основные

направления в определении природы международного частного права. Установить преимущество поколений в праве попытался своей работой А.Н. Макаров [11], однако, подвергнутая жесткой критике по причине подражания западному опыту, она была предана забвению, как и весь пласт научного материала дореволюционного периода.

Советский период, отличающийся спецификой экономики и государственного строя, подразумевающей изолированность, существенно повлиял на доктрину международного частного (коллизийного) права, где все вопросы рассматривались сквозь призму существовавшей идеологии. Наработки отечественной и зарубежной правовой мысли, начиная с глоссаторов, были отвергнуты. С одной стороны, это послужило образованию новых подходов, которые строились на принципиально иных основах, с другой стороны, возникло течение отрицания существования коллизийного права. До 90-х гг. XX в. большая часть работ таких авторов, как И.С. Перетерский, В.М. Корецкий, С.И. Раевич, С.Б. Крылов, Л.А. Лунц, В.Н. Дурденевский, М.М. Богуславский, Л.Н. Галенская и др. подробно не рассматривали достижения западной науки, ориентируясь на специфику государственного строя. О том, какие основные задачи ставились перед доктриной международного частного права, хорошо показано в статье О.Н. Садикова «Развитие советской науки международного частного права» [12]. Во-первых, это отставание от практики, объявленное Л.А. Лунцем; во-вторых, роль международного частного права в организации братского сотрудничества социалистических государств.

Несмотря на это, невозможно отрицать значительный вклад ученых советского периода в формирование отечественной доктрины международного частного права. Однако только сейчас наблюдается заметное разнообразие в предлагаемых подходах понимания и природы международного частного права, и, соответственно, состава его источников. На современном этапе исторического развития государства интерес к коллизийному праву возник вновь. Стремительное развитие внешнеторговых отношений, высокая мобильность граждан порождают большое количество конфликтных ситуаций, осложненных иностранным элементом. Однако решение проблем, возникших в данной сфере правовых знаний еще в XIX столетии, не получено и в первой четверти XXI в. Несмотря на то, что среди источников современного международного частного права перечисляют такие традиционные для международного и национального права, как законодательные акты, международные договоры, обычаи, доктрину, до сих пор нет единого мнения о природе международного частного права. Таким образом, вопрос о составе источников коллизийного права по-прежнему остается открытым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Муранов А.И. Как ЕС и США «переиграли» Россию в ходе переговоров о вступлении России в ВТО применительно к понятию «международное частное право». Вольный или невольный вклад МЭРТ России в отечественную доктрину международного частного права // Законодательство. – 2008. – № 5. – С. 39–55.
2. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Введение. – Казань, 1901. Т. 1. Вып. 1-2. – 474 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – Москва: Бр. Башмаковых, 1911. – 474 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – Москва: Бр. Башмаковы, 1911. – 698 с.
5. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. Издание 1897-1898 года. – Москва, 1899. – 460 с.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – 5-е изд. – Санкт-Петербург: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, 1898. – 354 с.
7. Борзенко А.А. Русское гражданское право. – Ярославль, 1875. – 144 с.
8. Брун М.И. Введение в международное частное право. – Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915. – 79 с.
9. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. – Санкт-Петербург, 1900. – 847 с.
10. Малышев К.И. Об ученой разработке торгового права в России // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – Кн. 6. – С. 44–65.
11. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. – Москва, 1924. – 146 с.
12. Садиков О.Н. Развитие советской науки международного частного права // Ученые записки. – 1971. – № 23. – С. 78–90.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Король А.И.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в современных реалиях развития правового государства, когда подготовка профессионалов правоохранительной сферы приобретает все большее значение, гражданское общество предъявляет к обучающимся образовательных организаций МВД России особые требования по формированию важных профессиональных качеств, таких как инициативность и самостоятельность. Чтобы ориентироваться в постоянно растущем информационном потоке, специалисту правоохранительной сферы необходимо совершенствовать свой служебный, нравственный и правовой уровень, формировать и развивать самостоятельные навыки овладения и обработки информации.

Ключевые слова: формирование, самостоятельность, правовое воспитание, курсант, образовательная организация МВД России.

FEATURES OF THE FORMATION OF INDEPENDENCE IN THE SYSTEM OF LEGAL EDUCATION OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Korol A.I.

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the modern realities of the development of a right wing state, when the training of law enforcement professionals is becoming increasingly important, civil society imposes special requirements on students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the formation of important professional qualities, such as initiative and independence. In order to navigate the ever-growing information flow, a law enforcement specialist needs to improve his official, moral and legal level, form and develop independent skills of mastering and processing information.

Keywords: formation, independence, legal education, cadet, educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

В рамках аудиторной и внеаудиторной работы с молодыми специалистами правоохранительной сферы из-за ограниченности прежде всего временных ресурсов не всегда удается полноценно оказать должную учебную и педагогическую помощь в освоении нового образовательного материала. В итоге акцентируется необходимость развития у курсанта (слушателя) образовательной орга-

низации МВД России навыков именно самостоятельного, активного поиска профессионально значимой информации.

Особая роль в развитии у курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России способностей к планомерному приобретению новых профессионально значимых знаний отводится умению курсантов образовательных организаций МВД России организовать свою работу самостоятельно. Поэтому развитие такого качества личности, как «профессиональная самостоятельность» будет необходимым условием и залогом успешного обучения в образовательной организации МВД России, последующего непрерывного образования и освоения все новых форм профессионального совершенствования [2].

Сам термин «самостоятельность» достаточно широко используется в психолого-педагогической литературе. Прежде всего, «самостоятельность» употребляется как качество или черта личности, общественная ценность которого обусловлена ее целями, а также необходимым уровнем инициативности и активности самого человека как субъекта познавательной деятельности. Также к признакам данной категории, в рамках профессионального аспекта, относят способность организовывать, систематизировать, регулировать свою деятельность без непосредственного руководства и практической помощи со стороны старших начальников (руководителей), что характеризует умственную деятельность и способность к познавательному поиску и процессу.

Именно самостоятельность имеет в своей фундаментальной основе сознательную мотивированность действий. Базовая особенность самостоятельности состоит в том, что подобные действия «не подвержены чужим влияниям и внушениям». Именно этот факт выступает как подлинное проявление самостоятельности воли, «поскольку сам субъект усматривает объективные основания для того, чтобы поступать определенным, а не иным образом» [5, с. 43].

В современных условиях интенсивного роста информационного контента, становления и развития телекоммуникационных технологий, перед образовательной организацией стоит задача полноценного развития творческих способностей курсантов (слушателей), подготовка их как высококвалифицированных специалистов, способных ориентироваться в постоянно меняющейся информационной среде. Это требует систематического совершенствования содержания, форм и методов воспитания и обучения как в самой образовательной организации, так и вне ее пределов.

Как следствие, особую роль при этом играет формирование у курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России навыков самостоятельного, активного поиска профессионально-нравственной, правовой и служебной информации, первоначально стоит задача по формированию навыков самостоятельной работы в рамках образовательного процесса.

Развитие самостоятельности – постоянный непрекращающийся процесс, который протекает в рамках образовательной деятельности в высшем учебном заведении, где учебная и воспитательная деятельность является целенаправленной, обязательной, произвольной, результативной. Включая в нее самостоятельную работу, можно создать условия для развития конкретных навыков у курсанта (слушателя) образовательной организации МВД России.

Проведя анализ самостоятельной работы курсантов (слушателей) образовательной организации МВД России, следует констатировать, что подобного рода деятельность позволяет:

- освоить теоретический материал по изучаемой учебной дисциплине (изучить отдельные темы дисциплины или вопросы);
- расширить приобретенные профессиональные знания, используя необходимый практический инструментарий (к примеру, решив ряд учебно-служебных задач, выполнив контрольные задания или тесты);
- применить приобретенные знания и умения в процессе анализа и решения контрольных «дискуссионных» ситуаций («брей ринг», «олимпиада», «деловая игра», разработка проектов).

Действительно, показателем самостоятельности современного будущего специалиста являются его личностные качества, которые проявляются в способности ставить перед собой цели, находить способы и средства для их достижения путем самостоятельной организации деятельности. А одним из признаков самостоятельности является познавательная деятельность курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России, осуществляемая под руководством субъектов образовательного процесса. По мере развития сформированного профессионально-нравственного качества степень педагогической поддержки может ослабевать, а уровень самостоятельности курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России, в свою очередь, повышаться [4].

Усиление роли самостоятельной работы курсантов образовательных организаций МВД России означает организационное обновление учебного и воспитательного процесса. Однако, как показывает практика, самостоятельная работа, ее планирование, организационные формы и методы, система отслеживания результатов являются одним из наиболее слабых «образовательных мест». И здесь мы сталкиваемся с определенными проблемами педагогической теории и тем более практики. Особенно применительно к современной образовательной ситуации модульно-рейтинговое обучение, внедрение системы педагогического мониторинга и многое другое.

Необходимо отметить, что организация самостоятельности – это двухсторонний процесс. В педагогическом смысле организация понимается, с одной стороны, как действия субъекта педагогического воздействия, направленные на себя внутри педагогических ситуаций, на возможные собственные действия как субъекта, анализ, планирование соответствующих действий, контроль и коррекцию педагогической деятельности, успешное достижение цели. С другой стороны, организация включает в себя действия субъекта педагогического воздействия, направленные на курсанта (слушателя) образовательной организации МВД России как другого субъекта педагогической ситуации, именно педагогической служебной, профессионально-нравственной деятельности.

Организуя самостоятельную деятельность курсанта (слушателя) образовательной организации МВД России, субъект педагогического воздействия таким образом реализует собственные действия, определяется в личных действиях организационного и служебного характера. Курсант (слушатель) образовательной организации МВД России, в свою очередь, также включается в процесс

организации, определяя, в конечном итоге, свое направление профессиональной, правовой и нравственной деятельности.

Руководство процессом самостоятельной работы курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России предполагает понимание всеми субъектами образовательного процесса того, что принципиальным условием их дальнейшего самосовершенствования в правоохранительной профессии является развитие профессионально-нравственных качеств, одним из которых является «самостоятельность», а также развитие умений и навыков самостоятельного образования. При развитии такого профессионально-нравственного качества формируется определенное отношение к себе, к своей собственной служебной деятельности, образуются условия для нравственного и профессионального самосовершенствования будущего специалиста правоохранительной сферы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веряскина А.Н. Организация самостоятельной работы студентов вуза: этапы, принципы, формы / Инновационное развитие науки и образования: сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Г.В. Гуляев. – Москва, 2018. – С. 209–212.

2. Король А.И. Проблема профессионально-нравственных мотивов и эталонов поведения курсантов образовательных организаций МВД России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 226–234.

3. Макаренко А.С. О воспитании. – Москва: Издательство политической литературы, 1990. – 416 с.

4. Олейников В.С. Теоретические основы нравственно-правового воспитания сотрудников органов внутренних дел России: дис. ... д-ра пед. наук. – Санкт-Петербург, 1993. – 250 с.

5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург: Питер, 2015. – 713 с.

6. Щеглов А.В. Воспитание профессиональной нравственной культуры сотрудника органов внутренних дел России: дис. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 1994. – 209 с.

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье рассмотрены технико-юридические средства и приемы, которые используются в договорной работе. Общие требования договорной юридической техники определяют реквизитные требования (правила внешнего оформления); содержательные правила; структурные правила; языковые требования; логические требования.

Ключевые слова: прием юридической техники, средство юридической техники, правило юридической техники, договор, договорная работа.

LEGAL AND TECHNICAL MEANS AND METHODS OF CONTRACTUAL WORK

Kotareva O.V.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article discusses the technical and legal means and techniques that are used in contractual work. The general requirements of the contractual legal technique determine the requisite requirements (rules for external design); meaningful rules; structural rules; language requirements; logical requirements.

Keywords: reception of legal technique, means of legal technique, rule of legal technique, contract, contractual work.

Действующее законодательство не содержит определение понятия «договорная работа», поэтому стоит рассмотреть существующие доктринальные определения договорной работы.

Е.С. Рогачев под договорной работой понимает систему последовательных, взаимосогласованных действий, целью которых является установление, изменение или прекращение договорных правоотношений, контроль исполнения договорных обязательств, а также защита прав и законных интересов стороны договора в досудебном порядке в случае его нарушения [3, с. 22].

Некоторые представители научного сообщества под договорной работой понимают деятельность субъектов хозяйствования, осуществляемую в правовом ключе с целью урегулирования отношений с партнерами путем подписания договоров [4].

Таким образом, договорную работу можно определить как последовательную и согласованную деятельность субъектов гражданских или иных правоотношений, направленную на установление, изменение или прекращение до-

говорных правоотношений путем заключения договоров с целью обеспечения защиты прав и законных интересов участников сложившихся правоотношений и исполнения условий договора.

Основной целью договорной работы является надлежащее юридическое оформление взаимоотношений субъектов гражданского оборота с целью учета интересов сторон договора, обеспечения последующей защиты прав и законных интересов участников рассматриваемых правоотношений в случае нарушения условий договора, а также наступления иных неблагоприятных или непредвиденных обстоятельств, юридическое обеспечение минимизации рисков имущественных потерь сторонами договора в случае неисполнения его условий.

Юрико-технические средства и приемы договорной работы определяют способ и средства, используемые при составлении договоров.

Как отмечают исследователи, при составлении договоров используются приемы как законодательной техники (за исключением нормативного изложения, поскольку договоры носят индивидуальный характер), так и юридической техники, которая имеет относительно самостоятельное значение.

Юридическая техника является показателем уровня правовой культуры в стране. От уровня правовой техники напрямую зависит доступность норм права для общественности, отражение нормами права их интересов, а также обеспечение их рационального использования в повседневной жизни. Как отмечает Н.А. Власенко [2, с. 36], выделяется пять групп общих требований юридической техники: реквизитные требования (правила внешнего оформления); содержательные правила; структурные правила; языковые требования; логические требования.

Применение общих правил юридической техники при составлении разного вида договоров способствует рациональному изложению содержания условий разрабатываемого договора, а следовательно, и повышению эффективности договорного инструмента.

Содержательные правила позволяют соотнести выполнение юридических действий с реальной обстановкой, в условиях которой осуществляется договорная работа. К таковым относятся: однородность правового регулирования, то есть договор должен быть рассчитан на упорядочение однородных общественных отношений; полнота правового регулирования, то есть договорные отношения должны быть урегулированы в полной мере. К примеру, если при составлении договора не был урегулирован вопрос санкционного обеспечения прав стороны договора в случае неисполнения его условия контрагентом, то права субъектов в таком договоре оказываются незащищенными.

Огромное значение в договорной работе приобретают структурные правила. Структура договора представляет собой упорядоченную взаимосвязь составляющих структурных элементов договора. Деление договора на части осуществляется для того, чтобы систематизировать изложение необходимой информации в тексте договора, а также обеспечить объективное усвоение правовой информации той стороной, которой она адресована.

Важно отметить, что договорная работа должна быть систематизирована. При составлении договора нужно следить за тем, чтобы необходимые данные о

сторонах, месте и времени заключения договора были исчерпывающими, и при этом была соблюдена установленная форма договора (ст. 158–165 ГК РФ).

Общие положения, касающиеся структуры договора, определяют, что он обычно состоит из вводной части (в которой содержится название договора, дата и место его заключения); преамбулы (указывающей место сторон в договорных обязательствах, а также определяющей лиц, уполномоченных подписывать договор); основной и заключительной части.

Важнейшей частью договора является основная часть. В ней должны быть отражены следующие элементы:

1) предмет договора. Он должен быть четко определен, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ условие о предмете является существенным. Без определения предмета договора, он будет считаться незаключенным;

2) права и обязанности сторон. Они должны быть указаны в тексте договора в полном объеме. Причем наряду с основными правами и обязанностями, предусмотренными нормами ГК РФ для того или иного вида договора, могут быть указаны и многочисленные дополнительные;

3) цена. В соответствии с законодательством это положение не имеет обязательного значения для всех видов договоров. Но на практике сторонам рекомендуется не обходить это условие. Также стоит отметить, что условие о цене договора фиксируется в специальном документе, прилагаемом к договору (протокол-соглашение о цене или стоимости работ).

Согласно ГОСТу Р 51303-2013: «договорная цена: Цена, зафиксированная в договоре о выполнении работ, оказании услуг, купле-продаже, согласованная между продавцом и покупателем в ходе заключения договора». Соответственно, с обоюдного согласия сторон цена договора может быть установлена выше или ниже средней рыночной цены;

4) срок исполнения обязательств. Указывается конкретная дата или хронологический период, в течение которого сторона должна исполнить обязательство;

5) конкретные условия для определенного вида договора, предусмотренные нормами законодательства. Например, для договора поставки – условия упаковки, отгрузки, транспортировки товара; для договорного соглашения – условие порядка доставки и принятия выполненной работы;

6) специальные и дополнительные условия (например, конфиденциальность);

7) форма оплаты: наличные или безналичные денежные средства, условия оплаты;

8) ответственность. Ответственность по договору может быть установлена в виде возмещения причиненных убытков (ст. 15, 393 ГК РФ); уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ); уплаты неустойки на ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств по договору (ст. 330 ГК РФ). Стороны могут определять вид и меру ответственности за нарушение своих условий независимо друг от друга;

9) форс-мажорные обстоятельства;

10) срок действия договора. Определяется момент начала и окончания действия договора, порядок внесения изменений и дополнений.

Немаловажное значение в договорной юридической технике приобретают языковые требования. Рассуждая о юридической технике как инструменте для создания текста договора, нельзя игнорировать вопрос о том, что такое текст договора и каковы его основные компоненты.

Договор как документ – это разновидность юридического письма. Поэтому договор должен отвечать тем общим требованиям, которые предъявляются к составлению любых юридических документов. Вместе с тем составление договора, с точки зрения юридического языка, обладает определенной спецификой.

Эффективность юридической терминологии зависит от того, как один или другой субъект законодательства имеют ряд правил, налагаемых на юридическую терминологию. Это относится к тому, что юридическая терминология должна отвечать следующим требованиям: точность определения понятия, единство (недвусмысленность, когда термин имеет только одно, а не несколько значений), краткость, ясность и простота.

Некорректное построение предложения, неудачное применение отрицаний, слов-исключений, несогласованность нескольких условий одного договора, а также неверное употребление терминов без дополнительных пояснений могут послужить причинами возникновения неточностей.

Что касается простоты и ясности текста договора, то это не означает, что язык должен быть максимально упрощенным, чтобы его мог понять любой человек, который абсолютно не ориентируется в бизнесе и праве. Специальная терминология, в зависимости от вида договора, для того и существует, чтобы ею пользовались и употребляли в соглашении правовые, коммерческие понятия и термины.

Договор должен быть понятен прежде всего сотрудникам организаций, которые являются сторонами данного соглашения. Также договор может стать предметом для изучения представителями аудиторских фирм, банков, органов, осуществляющих функции государственного контроля, а в случае если во время исполнения обязательств по договору возникают спорные ситуации, договор становится предметом внимания судьи или арбитра.

Существует определенный ряд правил, который, в свою очередь, не является абсолютным, но с учетом конкретной ситуации может быть полезным и позволит сделать договор простым и ясным.

При составлении договора следует учитывать следующее: предложения в договоре должны быть лаконичными; положения, относящиеся к одному и тому же вопросу, должны быть сосредоточены в одном месте для простоты понимания вопроса; во избежание неточностей в толковании договора не следует употреблять безличные предложения, двойные отрицания, а также страдательный залог, избегать слов и фраз, не несущих смысловой нагрузки.

Особое значение в договорной юридической технике приобретают правила логики, к которым относят:

1. Единообразное понимание терминов. Это используется для обеспечения последовательности в структуре договора, а также единого толкования содержания договора.

2. Согласованность частей договора. Все части договора должны быть согласованы между собой, а также необходимо обращать внимание на исключения и дополнения, содержащиеся в пунктах договора.

3. Отсутствие противоречий между частями договора.

4. Последовательность мыслительных операций, используемых при составлении договора. Форма изложения предложений должна сочетаться с построением пункта в целом, перечень обязательств или исключений из основных положений должен быть построен единообразно.

В договорной юридической технике огромное значение придается точному оформлению формальных (реквизитных) требований. В правилах ведения делопроизводства к реквизитам договора относят требования к оформлению документов, разработанные на федеральном уровне и регулируемые ГОСТ Р 7.0.97-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов» (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст) [1]. Эти требования носят рекомендательный характер, а потому применение этих требований – право каждой организации. Несоблюдение этих требований не приведет к недействительности договора.

Название организации, являющейся автором договора, должно соответствовать названию, закрепленному в его учредительных документах. Сокращенное название указывается тогда, когда оно закреплено в учредительных документах организации. Сокращенное имя (в скобках) размещается ниже полного или позади него.

Справочные данные об организации включают почтовый адрес, номер телефона и другие сведения по усмотрению организации (номера факсов, телексов, счетов в банке, адрес электронной почты и т.д.). Датой документа является дата его подписания или утверждения. Документы, выданные двумя или более организациями, должны иметь единую дату. Место составления или издания указывают с учетом принятого административно-территориального деления, оно включает только общепринятые сокращения. В состав реквизита «Подпись» входят наименование должностного лица, подписавшего документ (полное – если документ оформлен не на бланке документа, и сокращенное – на документе, оформленном на бланке), личная подпись; расшифровка подписи (инициалы, фамилия).

Требования к бланкам документов. Устанавливают два стандартных формата бланков документов – А4 (210 x 297 мм) и А5 (148 x 210 мм). Каждый лист документа, оформленный на бланке и без него, должен иметь поля не менее: – 20 мм – левое; – 10 мм – правое; – 20 мм – верхнее; – 20 мм – нижнее. При изготовлении документов на двух и более страницах вторую и последующие страницы нумеруют. Номера страниц проставляют посередине верхнего поля листа.

Процесс договорной работы осуществляется согласно определенной процедуре (процедурные правила) и включает в себя два этапа: заключение договоров и выполнение условий договоров. Эти два этапа являются самостоятельными и разъединенными по времени. Действия, составляющие содержание работы по договору, группируются поэтапно, по каждому из которых сотрудники организации занимаются формированием и исполнением договорных обязательств.

Основные типы и направления договорной работы обычно включают такие этапы, как подготовительный, обосновательный, согласовательный, утвердительный, контрольный и оценочный. Необходимо отметить, что в целом договорная работа должна отвечать следующим условиям: соблюдение требований законодательства; эффективность, актуальность, экономическая осуществимость; юридическая грамотность готового текста договора; финансовая безопасность проектов. Все составленные договоры должны быть подвергнуты юридической и экономической экспертизе. Такие экспертизы могут проводить как сотрудники организации, составившей текст договора, которые обладают специальными познаниями в той или иной области, или же сторонние организации.

При проведении юридической экспертизы проверяется соответствие текста договора действующим законодательным актам, принципам гражданского законодательства, а также соответствие интересам встречной стороны и учет всех прав, обязанностей и ответственности сторон.

Экономическая экспертиза включает в себя экономический анализ (включая финансовый, маркетинговый и бухгалтерский) и планирование (стратегическое и текущее). Результатом экономической и юридической экспертизы заключенного договора является юридически компетентное, финансово обеспеченное и экономически выгодное соглашение сторон.

В заключение следует отметить, что, несмотря на существующую шаблонность, однотипность, похожесть договорных отношений, существует огромное количество юридико-технических средств и приемов договорной работы, которых следует придерживаться субъектам во избежание возможных проблем, связанных с реализацией договорных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов» (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст // Официальные документы в образовании. – 2017. – № 18.

2. Власенко Н. А., Стародубцев С. В. Основы теории юридических документов. – Москва, 2006. – 87 с.

3. Рогачев Е.С. Договорная работа в системе МВД России. – Москва: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017.

4. Ведение договорной работы [Электронный ресурс]. – URL: https://all-sci.net/yuridicheskaya-etika_955/vedenie-dogovornoj-raboty-165319.html (дата обращения: 07.04.2021).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Кравцова Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: экологические права человека носят наднациональный характер, поскольку их реализация возможна только при объединении усилий абсолютного большинства государств. В статье анализируется влияние норм международного права и сложившейся международной судебной практики в сфере обеспечения экологических прав человека и делаются выводы о степени их влияния на российскую правовую систему.

Ключевые слова: конституционное право, экологическое право, экологические права человека, взаимодействие норм.

INTERACTION OF THE NATIONAL SYSTEM OF LAW AND INTERNATIONAL LAW IN THE SPHERE OF ENSURING THE ENVIRONMENTAL RIGHTS OF CITIZENS

Kravtsova E.A.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: environmental human rights are supranational in nature, since their implementation is possible only with the unification of efforts of the absolute majority of states. The article analyzes the influence of the norms of international law and the established international judicial practice in the field of ensuring environmental human rights and draws conclusions about the degree of their influence on the Russian legal system.

Keywords: constitutional law, environmental law, environmental human rights, interaction of norms.

Об экологических правах человека на международном уровне заговорили относительно недавно. Впервые право наций на благоприятную окружающую среду было озвучено на Стокгольмской конференции ООН в 1972 г., где была принята Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Принцип 1 Декларации гласит: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь» [1]. Далее весь текст Декларации посвящен анализу состояния окружающей среды и тех мер, которые необходимо принять государствам для

обеспечения данного права. Во исполнение норм Декларации был принят ряд документов, направленных на обеспечение права на благоприятную окружающую среду, создан Фонд по охране окружающей среды. При этом право на благоприятную среду оставалось единственным нормативно закрепленным экологическим правом до 1992 года.

В 1992 году в Рио-де-Жанейро была принята Декларация по окружающей среде и развитию. Она закрепила право каждого человека иметь на национальном уровне доступ к информации, которая касается окружающей среды, и провозгласила как принцип положение о том, что люди имеют право на здоровую жизнь в гармонии с природой [2].

В 1998 году был принят еще один важный документ в области экологического права – Орхусская Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [3].

Большое количество экологических проблем, носящих глобальный характер, таких как изменение климата, уменьшение биологического разнообразия и других, вызывало необходимость принятия значительного количества документов на международном уровне. Как отмечает Н.Е. Гридчина, на международном уровне в настоящее время действует более 5000 таких соглашений [4, с. 56]. Целью данных документов является регулирование и координация деятельности государств по решению экологических проблем и обеспечению главного экологического права человека – права на благоприятную окружающую среду.

Анализ международных нормативных документов позволяет сделать вывод, что современному международному праву известно 4 вида экологических прав человека:

- на благоприятную окружающую среду;
- на доступ к экологической информации;
- на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей природной среды;
- на участие общественности в принятии решений по вопросам, касающимся окружающей среды.

Первые три из вышеуказанных прав нашли свое закрепление в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Не получившее закрепления в Конституции право, а также ряд дополнительных прав в сфере экологии закреплены в ст. 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [5], который в связи с отсутствием в России экологического кодекса является основным системообразующим законом, на фундаменте которого формируется отрасль экологического права.

Сравнение международного и национального законодательства в сфере соблюдения и защиты экологических прав человека и гражданина позволяет сделать вывод, что российские законодатели следят за развитием экологических норм на международном уровне и успешно имплементируют нормы международного права в национальное законодательство.

Однако, как уже неоднократно отмечалось как российскими, так и иностранными учеными, закрепление любого права в нормах права не гарантирует

его исполнения. Для этого необходимо нормативно закрепить механизм реализации данного права, а также позволить реализовывать его на практике.

И взаимодействие российской правоохранительной системы с международными органами в сфере реализации экологических прав граждан происходит не только на уровне правового регулирования, но и на уровне правоприменения.

Так, в 2005 году в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ) было рассмотрено дело «Фадеева против Российской Федерации» [6]. Обращаясь в ЕСПЧ, Н.М. Фадеева указывала, что она проживает в непосредственной близости от металлургического завода, деятельность которого негативно влияет на окружающую среду в целом и на ее жизнь и здоровье в частности, и просила отселить ее из санитарной зоны завода, в пределах которой она проживает. Основанием для обращения в ЕСПЧ, по мнению Н.М. Фадеевой, послужило нарушение государством ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7], поскольку государством не были защищены ее личная жизнь и жилище от серьезной экологической угрозы, связанной с промышленной деятельностью металлургического завода.

Рассматривая ее дело, ЕСПЧ сделал вывод о том, что заявительница в течение длительного времени подвергалась негативным последствиям деятельности промышленного предприятия, что с большой вероятностью позволяет сделать вывод о том, что ее заболевания вызваны именно негативным воздействием данного предприятия, установил факт нарушения ст. 8 Конвенции и присудил выплату Фадеевой моральной компенсации в размере 6000 евро.

Позиция ЕСПЧ о том, что правомерно причиненный экологический вред подлежит возмещению, нашла свое отражение и в практике российских судов. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 [8], указано, что, исходя из конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, любой вред, причиненный окружающей среде, вне зависимости от того, причинен он правомерными или неправомерными действиями, должен быть возмещен. Аналогичная точка зрения неоднократно высказывалась и Конституционным Судом Российской Федерации. В частности, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13.05.2019 № 1197-О [9] указано, что вред, причиненный животному миру правомерными действиями предприятия в результате лесозаготовительных мероприятий, должен быть возмещен.

Данная точка зрения базируется на том, что любая деятельность, при которой наносится вред окружающей среде, представляет собой деятельность, представляющую повышенную опасность для окружающих.

Кроме того, после 2005 года российские суды, учитывая отсутствие такс и методик расчета экологического вреда, причиненного человеку, а также сложность доказывания причинно-следственной связи между причиненным вредом и действием, которое привело к его причинению, также стали взыскивать в пользу обращающихся за возмещением вреда лиц не физический, а моральный вред, как это сделал ЕСПЧ в деле Фадеевой. Данная позиция нашла отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

13.10.2020 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», в п. 2 которого указано, что путем подачи гражданских исков в уголовном судебном процессе может быть взыскан как имущественный ущерб, так и моральный вред, если заявителем по иску выступает физическое лицо [10]. Как справедливо заметила по данному поводу Ю.А. Случевская, «экономические расчеты не отражают всей полноты картины причиняемого окружающей среде ущерба, ибо такой ущерб влияет на общество в целом» [11, с. 20; 12, с. 39].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что российское законодательство и правоприменительная практика в сфере обеспечения экологических прав человека тесно связаны с международными нормами права и правоприменительной деятельностью в данной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды: принята Конференцией ООН по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 // Официальный сайт ООН. Декларации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml.

2. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.) // Официальный сайт ООН. Декларации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations.shtml.

3. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] // Официальный сайт ООН. Декларации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml.

4. Гридчина Н.Е., Караваев А.О. К вопросу о сближении норм международного права охраны окружающей среды и национального экологического права // Инновационная экономика и право. – 2016. – № 3 (4). – С. 56–59.

5. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

6. Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г. «Дело «Фадеева (Fadeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 55723/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2005.

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2.

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.05.2019 № 1197-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 12.

11. Случевская Ю.А. Экологический вред: проблема определения и оценки // Общество и право. – 2020. – № 4. (74). – С. 19–23.

12. Хрисанов В.А., Михайликов В.Л. О мерах обеспечения экологической безопасности Белгородской области // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2012. – № 1. – С. 38–44.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАНОВЛЕНИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Кутушев Г.З.,

кандидат исторических наук, доцент
(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы становления и развития институтов малого предпринимательства в постсоветской России. Анализируются различные этапы формирования институциональной и нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность российского малого бизнеса в период 1990-х – 2000-х годов. Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что малый бизнес в целом доказал свою жизнеспособность в тяжелых экономических условиях российской экономики переходного типа. В конечном счете, представители малого предпринимательства заняли преимущественно сферу розничной торговли и услуг, а в географическом отношении сконцентрировались в крупных городах и наиболее развитых промышленно-туристических центрах страны.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство в России, институциональное развитие бизнеса, нормативно-правовое регулирование бизнеса, экономика постсоветской России, российская экономика переходного периода.

FEATURES OF THE INSTITUTIONAL AND LEGAL FORMATION OF SMALL BUSINESSES IN RUSSIA AT THE BOARD OF XX-XXI CENTURIES

Kutushev G.Z.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article deals with the formation and development of small business institutions in post-Soviet Russia. Various stages of the formation of the institutional and legal framework governing the activities of Russian small business in the period of the 1990s - 2000s are analyzed. These facts allow us to conclude that small business as a whole has proven its viability in the difficult economic conditions of the Russian economy in transition. Ultimately, representatives of small businesses occupied mainly the sphere of retail trade and services, and geographically concentrated in large cities and the most developed industrial and tourist centers of the country.

Keywords: small business, entrepreneurship in Russia, institutional development of business, legal regulation of business, economy of post-Soviet Russia, Russian economy in transition.

Тема текущего положения и перспектив малого бизнеса в России является одним из самых обсуждаемых вопросов в последние годы, начиная от бытовых пересудов и заканчивая дебатами среди представителей высших деловых и политических кругов. Противоречия развития системы отечественного малого бизнеса в постсоветский период превратились в проблему национального масштаба. Это один из тех нередких, к сожалению, случаев в российской практике, когда намерения власти и желания активной части социума совпадают по вектору своей направленности, но реализовать задуманное не удается в силу целого ряда причин системного характера.

Актуальность рассматриваемой проблемы обосновывается тем, что малое предпринимательство было и остается важнейшим фактором инновационного обновления страны и в силу этих обстоятельств поддержка предпринимателей, особенно в нынешних условиях мировой пандемии, трансформируется в одну из неотложных государственных задач. В качестве хронологических рамок исследования целесообразным представляется взять период 1990-х – 2000-х годов, который и знаменовал собой эпоху бурного формирования структуры нормативно-правовых, институциональных и организационных основ частного предпринимательства новой России.

За последние тридцать лет малый бизнес в нашей стране был вынужден развиваться в условиях постоянного реформирования экономики и во многом оставался заложником подобной ситуации. В этот период произошли значительные изменения в самой структуре предпринимательства малого калибра, связанные как с влиянием со стороны государства и крупного капитала, так и со стремлением самих предпринимателей максимально адаптироваться к постоянно меняющимся условиям рыночной конъюнктуры.

При выделении исторических этапов становления российского малого бизнеса вполне уместным представляется следующая периодизация.

I этап (1988–1991 гг.) – период фактического зарождения легального частного предпринимательства в условиях перестройки в СССР. Первопроходцами в этой области выступили кооператоры. Но институциональные основы для малого бизнеса были заложены лишь в 1990 году, после принятия Постановления «О мерах по созданию и развитию малых предприятий». В последние два года существования Союза малые предприятия росли как грибы после дождя.

II этап (1992–1995 гг.) – период шоковой терапии, выразившийся в максимальной экономической либерализации и массовой приватизации в условиях галопирующей инфляции. Темп роста малых предприятий несколько замедлился, но именно этот сектор экономики помог тогда миллионам обнищавших жителей хоть как-то остаться на плаву. Число малых предприятий к 1995 г. достигло 877 тысяч, на которых трудилось 8,5 млн человек (12% занятых в экономике) [7, с. 10]. При этом 65% предприятий в России относились к разряду малых [5, с. 64].

III этап (1996–2000 гг.) – период относительной стабильности и структурного оформления малого предпринимательства. Под малый бизнес стали подводить новую институциональную базу, пытаясь упорядочить отношения в этой области. При этом количество малых предприятий сократилось вследствие введения (с 1996 г.) новых критериев отнесения субъектов бизнеса к малому предпринимательству: допустимое число работающих на малом предприятии снижалось с 200 до 100 человек в основных отраслях. К 2000 г. число малых предприятий составляло порядка 890 тыс., с числом работников оценивалось примерно в 6,5 млн человек [6, с. 154].

IV этап (с 2001 г. и по 2010 гг.) – период медленного, но стабильного роста числа субъектов малого бизнеса. Характеризуется попытками государства реформировать сложившуюся систему предпринимательства на федеральном и региональном уровнях.

В процессе рассмотрения развития малого бизнеса на последнем этапе в 2000-е годы мы можем выделить несколько заметных тенденций:

– во-первых, некоторое укрепление позиций субъектов малого предпринимательства в общей структуре российской экономики. В первую очередь это относится к показателям роста (по крайней мере, до мирового финансового кризиса 2008 года): количество малых предприятий за период с 2000 г. по 2008 г. возросло с 891 тыс. до 1 млн 136 тыс. (прирост на 27,5%), при среднем ежегодном приросте на 3,4%. За этот же отрезок времени доля занятых на малых предприятиях поднялась с 10 до 18,8% в общей среднесписочной численности занятых в Российской Федерации. Но, надо заметить, что вклад российского малого бизнеса в ВВП в том же 2008 г. составил всего 17%, тогда как во всех развитых странах этот показатель составлял не менее 50% [4, с. 234].

– во-вторых, происходило дальнейшее формирование институционально-правовой базы малого бизнеса. Так, уже в 2001-2002 гг. вступил в силу пакет законов так называемой «1-й волны дебюрократизации», реальную отдачу от которого многие почувствовали не сразу, а только по прошествии пяти–шести

лет. Кроме того, с 1 января 2008 г. начал действовать новый Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», который подкорректировал категории малого предпринимательства, обозначенные в законе 1995 г. Теперь выделялись в отдельные группы: микропредприятия, в которых трудились от 1 до 15 человек, малые предприятия с числом рабочих от 16 до 100 человек, а также категория индивидуальных предпринимателей. На количественный рост малых предприятий оказали влияние и другие законодательные инициативы федерального правительства: изменения в Таможенном кодексе, реформа земельно-имущественных отношений и т.п. [1, с. 182].

В-третьих, малый бизнес доказал, что имеет определенный запас прочности даже при неблагоприятных изменениях макроэкономического климата. Тот же кризис 1998 г., подкосивший средний и крупный капитал, не вылился в мгновенное массовое банкротство мелких предпринимателей. По ряду причин кризисная ситуация в малом секторе экономики произошла лишь в 2001 году, когда обвального закрытия предприятий удалось избежать лишь путем значительного сокращения штата сотрудников. И лишь с 2003 г. ситуация стала выравниваться. Но все колебания рынков, происходившие в федеральном и региональном масштабах, показали, что малый бизнес, в силу своей мобильности, научился быстро приспосабливаться к самым тяжелым ситуациям.

– в-четвертых, происходил отток малого бизнеса из реального сектора экономики. Так, если в 1992 г. в промышленной сфере было занято 34% работающих на малых предприятиях, строительной – 33%, в торговле – 20%, то в 2008 г. эти показатели перераспределились следующим образом: в производстве – 13%, в строительстве – 13%, в наукоемких технологиях и инновациях – 3%, в здравоохранении – 2%, в юридических компаниях – 2%, а остальные (67%) – в общественном питании и розничной торговле [7, с. 10]. Главной причиной такого явления можно назвать неспособность малого бизнеса в тех условиях конкурировать на равных с крупными игроками в этих прибыльных отраслях. Вдобавок, сказалась изношенность тех производственных мощностей, которые достались малым предприятиям в период приватизации и дробления крупных государственных промышленных объектов в конце 1980-х-первой половине 1990-х гг.

– в-пятых, мы можем отметить неравномерность развития малого бизнеса по территории России. К примеру, только в Москве и Санкт-Петербурге к концу 2000-х годов было сосредоточено соответственно 20% и 12% всех малых предприятий страны. Одновременно в 2008 году доля малых предприятий в общем числе предприятий не превышала 30 %, что не соответствовало существующим мировым стандартам [6, с. 154].

Таким образом, развитие российского малого предпринимательства первое десятилетие XXI века можно охарактеризовать как результат сочетания двух процессов: количественный рост, стимулируемый мерами государственной поддержки на фоне локальности развития, и неразвитость конкуренции в наиболее важных отраслях экономики.

Отдельного внимания заслуживает анализ проблемных точек становления и функционирования малого бизнеса в общественно-экономических условиях 1990-х – 2000-х годов.

Проблемы у начинающих свое дело бизнесменов появлялись с самого старта своей деятельности. Для согласования предпроектной и проектной документации на строительство, получения разрешения на ввод в эксплуатацию, аренду и приобретение земли и помещений необходимо было пройти не менее 25 различных инстанций. Возникло такое явление, как неформальные платежи, средний размер которых в 2008-2009 году превышал 150 тыс. рублей [3, с. 83].

Перед начинающим предпринимателем вставала также проблема изыскания оборотного капитала. В России традиционно сложно найти дешевые кредитные ресурсы. Банки крайне неохотно предоставляют кредиты малому бизнесу, опасаясь рисков. Да и сами предприниматели не горят желанием брать долгосрочные займы под предлагаемые проценты и высокие залоговые требования. Особенно часто данное препятствие вставало на пути индивидуальных предпринимателей и потенциальных фермеров. Данные социологических опросов 2009 года говорили о том, что в качестве стартового капитала 74% предпринимателей среднего и малого калибра использовали собственные сбережения [2, с. 56].

В качестве профессиональной проблемы у многих мелких бизнесменов недавнего прошлого выступал низкий уровень базовых знаний в области менеджмента, а также недостаток государственных и частных консалтинговых, консультационных, юридических фирм, которые бы предоставляли начинающим бизнесменам нужную информацию и советы о тактике поведения на рынке.

При этом потеря бизнесменами времени и денег приводила к целому ряду негативных экономических последствий, которые ощущали на себе потребители.

В первую очередь, стремясь покрыть перечисленные издержки, производители товаров и услуг завышали цену на свою продукцию. Так, только в 2006 г. непроизводственные издержки малых предприятий составили (по официальным данным) 10% [7, с. 11].

Вторым следствием притеснения малого бизнеса стало сокрытие реального объема доходов или полный уход его «в тень», то есть нелегальное существование [8]. Последний вариант был наиболее распространен в сфере розничной торговли и бытовых услуг населению. Такие предприниматели-нелегалы объясняют нежелание регистрировать свой бизнес тем, что не видят особых преимуществ, которые бы им дала легальная деятельность.

Таким образом, столкнувшись с диктатом монополий, неповоротливым государственным механизмом и общими финансовыми затруднениями, российский малый бизнес сумел в 1990-е и 2000-е годы найти свою нишу в экономической структуре с помощью трансформации на двух уровнях: экономическом и географическом.

В экономическом плане – уйдя из производственной сферы в сферу розничной торговли и услуг и оставив реальный сектор экономики на откуп крупному капиталу.

В географическом плане – сумел крепко закрепиться и найти перспективы для деятельности только в крупных городах и наиболее развитых промышленно-туристических центрах.

Тем не менее, малый бизнес доказал свою жизнеспособность в тяжелых экономических условиях российской экономики переходного типа. Во многом благодаря малому бизнесу миллионы россиян сумели пережить непростые времена дефицита, инфляций и безработицы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданкин В.А. Становление и развитие малого предпринимательства в России // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 2 (62). – С. 182–186.
2. Елисеев А.Н. Тенденции развития малого предпринимательства в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 9 (77). – С. 56–61.
3. Елисеев А.Н. Основные проблемы становления и развития малого бизнеса в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10 (78). – С. 83–87.
4. Мироседи С.А. Малое предпринимательство – стратегический ресурс российской экономики // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – Т. 2. – № 1 (38). – С. 233–241.
5. Никитина Л.Н., Худилайнен М.И. Становление малого бизнеса в России // Инновации. – 2006. – № 9 (96). – С. 63–67.
6. Орехов С.А., Девяткин Е.А. Малый бизнес в России: этапы становления, тенденции развития // Транспортное дело России. – 2009. – № 8. – С. 151–154.
7. Федулова Е.А. Поддержка малого бизнеса в России на современном этапе // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2009. – Т. 9. № 1. – С. 10–13.
8. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 116 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА Б.П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Липич Д.В.,

аспирант

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в статье рассматривается становление традиции формирования антропологии права в русской философии права. Одним из основателей этого направления в конце XIX – начале XX вв. был П.И. Новгородцев. Юриспруденция, по его мнению, должна быть наделена «человеческим измерением». И этот главный принцип он провозглашал в своей теории как «категорический императив». Представители его школы, в том числе и Б.П. Вышеславцев, считали, что антропологический подход в построении правовой концепции, анализе законодательного акта давал возможность комплексного и многоуровневого ее решения. В статье рассматриваются с позиций антропологии права взгляды Б.П. Вышеславцева о соотношении естественного и позитивного права, вопросы моральных границ применения права и соотношение Закона и Благодати.

Ключевые слова: закон, мораль естественное право, позитивное право, антропология права, свобода, норма, ценность.

CONCEPTUALIZATION OF THE FORMATION OF VYSHESLAVTSEV'S LAW ANTHROPOLOGY

Lipich D.V.,

Postgraduate

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the article examines the formation of the tradition of the formation of the anthropology of law in the Russian philosophy of law. One of the founders of this direction in the late XIX – early XX centuries was P.I. Novgorodtsev. Jurisprudence, in his opinion, should be endowed with a "human dimension". And he proclaimed this main principle in his theory as a "categorical imperative". Representatives of his school, including B.P. Vysheslavtsev, believed that the anthropological approach in building a legal concept, analyzing a legislative act made it possible to solve it comprehensively and multilevel. The article examines B.P. Vysheslavtsev's views on the relationship between natural and positive law, the issues of moral boundaries of the application of law and the relationship of Law and Grace from the standpoint of the anthropology of law

Keywords: law, morality, natural law, positive law, anthropology of law, freedom, norm, value.

В последнее время правоведы все чаще обращаются к анализу творческого наследия мыслителей начала XX века, дореволюционной правовой традиции, когда формировались идейно-политические предпосылки для крутых революционных изменений в общественном сознании. Особенно это касается философско-правовых концепций. Но многие проблемы, которые были поставлены в то время юридической наукой, оставались во многом не разрешенными и требующими сегодня нового осмысления и поиска новых подходов в их решении.

Для того чтобы не повторять ошибок прошлого, необходимо внимательно изучать историю собственного государства, становление правовой культуры.

К примеру, проблематика философии права, и в частности, антропология права, в этот период претерпевает серьезные изменения.

П.И. Новгородцев и его соратники Л.И. Петражицкий и Б.А. Кистяковский создают в конце XIX – начале XX века три направления в изучении философии права: естественно-правовое, плюралистическое и психологическое. Но при всех разногласиях они выступают в защиту права как ценности против нигилизма, позитивизма и правового абсолютизма.

Можно отметить сформировавшуюся в начале XX века школу философии права профессора П.И. Новгородцева, которая получила название «возрожденного естественного права». К представителям этой школы можно отнести И.А. Ильина, Б.П. Вышеславцева, Н.Н. Алексева, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка и др. Учитель и его ученики исходили из основного принципа преобразования права в соответствии с нормами нравственности.

В силу определенных обстоятельств, после революции, многие из них покинули большевистскую Россию и составили интеллектуальную элиту представителей русского зарубежья. Их работы по антропологии права во многом рассматривались в русле богословско-философской методологии, получившей широкое распространение в эмигрантской научной мысли.

Например, еще преподавая в России, П.И. Новгородцев смог объединить вокруг себя единомышленников, многие из которых позже получили международную известность. Один из его учеников – Н.Н. Алексеев отмечал: «у него был талант привлекать и собирать вокруг себя молодых людей – способность, которой обладают далеко не все даже выдающиеся ученые» [1, с. 148]. Другой его современник И.А. Ильин вспоминал: «Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним соглашались, ему возражали; раздраженно выступали “материалисты”, энергично смыкали свои ряды “философы”. Слагалось идейное бродило, закладывались основы духовного понимания жизни, общественности и политики» [2, с. 6]. Свое духовное понимание жизни, свое мировоззрение учитель передавал своим ученикам. Особенностью его учения был антропологизм, т.е. во главе угла стоял человек, стремящийся к идеалу, «человек мечтающий», как он провозглашал.

Он рассматривал право как часть культуры и этим он расширял границы юридической науки. Юриспруденция, по его мнению, должна быть наделена «человеческим измерением». И этот главный принцип он провозглашал в своей теории как «категорический императив». Один из его учеников и соратников Алексеев Н.Н (и в этой оценке все его ученики были солидарны) этот главный

принцип своего учителя характеризовал таким образом: «Он настойчиво внушал нам мысль, что человеческая личность есть высшая ценность и что человеком нельзя пользоваться как средством, т.к. он есть “цель себе”... Это было его высшей моральной нормой – “категорическим императивом”» [3, с. 149]. Другими словами, он предлагал подходить к анализу вопросов права исключительно исходя из «человеческого измерения». Антропологический подход в построении правовой концепции, анализе законодательного акта давал возможность комплексного и многоуровневого ее решения.

Внимание к антропологической философии права П.И. Новгородцева объясняется тем, что в русском зарубежье особый интерес вызывали такие вопросы, как, например, что есть право, как соотносится мораль и право, каковы границы правового принуждения. В силу того, что многие из них решали возникающие вопросы в религиозно-философском ключе, то особый смысл приобретали вопросы соотношения Закона и Благодати. Причем многие проблемы философии права рассматривались в эмигрантской среде сквозь призму сравнительного анализа соотношения государства и права в европейской и русской традиции. Об этом очень ясно выразился П.И. Новгородцев, отмечая, что для европейцев высшей целью является государство и право, а для русских эта цель носит второстепенный характер: «Русская идея утверждает, во-первых, что не эти формы суть высший цвет культуры, и далее, что, предоставленные сами себе, они не освещены высшим светом религиозной идеи, а скорее обречены на вырождение и упадок» [4, с. 376]. Он выступал за создание правового государства, имеющего духовные основания, и в качестве доминирующих – нравственные начала. Эти идеи разделяли многие его соратники и ученики: Л. Петражицкий, Б. Вышеславцев, И. Ильин и другие.

Личность Б.П. Вышеславцева очень образно охарактеризовал известный русский философ С.А. Левицкий: «По тонкости его мысли, по богатству ее оттенков Вышеславцева можно назвать Рахманиновым русской философии. Без его яркой фигуры созвездие мыслителей русского религиозно-философского Ренессанса было бы неполным» [5, с. 416]. Биография его была весьма трагична для представителя русской интеллигенции, т.к. ему и еще многим философам, в том числе и Н. Бердяеву, И. Ильину, пришлось покинуть в 1922 г. Родину, т.к. они были высланы из Советской России.

Главными темами его религиозно-философской концепции были учение об Абсолюте, о богочеловечестве, о личности, нравственности и законе. Основные работы, которые посвящены этой проблематике – «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» (первая его работа, которую он написал в 1914 г.), а также более поздние работы «Гарантия прав гражданина», «Христианство и социальный вопрос», одна из основных работ – «Этика преображенного Эроса», «Философская нищета марксизма», «Кризис индустриальной культуры», «Вечное в русской философии».

В своей работе «Этика преображенного Эроса» Б.П. Вышеславцев обращается к вопросу о соотношении закона и морали, рассматривая его как соотношение Закона и Благодати.

Подробный анализ антитезы Закона и Благодати можно найти в статье И.Д. Осипова [6, с. 44–50]. Б.П. Вышеславцев как представитель русского зарубежья с позиций антропологии права рассматривает соотношение естественного и позитивного права, вопросы моральных границ применения права. Причем многие представители русских эмигрантских кругов, в том числе и Б.П. Вышеславцев, внимательно изучая западный опыт в решении этих проблем, все-таки искали свои, уникальные пути решения проблемы соотношения государства и права, считая, что в русской мысли идеал права приобретает нравственно-религиозные основания [7]. Уже в первых своих работах Б. Вышеславцев особое внимание отводит соотношению свободы и права у Фихте. В частности, он выделил противоречие права, которое, с одной стороны, отрицает властное принуждение, а с другой – реализуется при его же помощи. Эту антиномию он в более поздних трудах разрешает в своей антропологии права при помощи перенесения проблемы соотношения закона и благодати в сферу психологии и личной духовности.

Необходимо отметить, что Б.П. Вышеславцев весьма успешно применял психологическую науку в выявлении сущности права. Он часто обращался к «глубинной психологии» К. Юнга и психоанализу З. Фрейда с религиозно-философских позиций, считая, что именно с этих позиций и нужно изучать коллективное бессознательное, коллективные архетипы, в том числе и правовые. В своей работе «Внушения и религия» Б. Вышеславцев приходит к очень интересному, на наш взгляд, выводу о том, что закон по своей сути обладает значительно меньшей возможностью к «внушению», чем аскетика. При этом закон обращается в большей степени к разумной воле человека, в то же время не обращая внимания на глубинные пласты личности, которые сопротивляются этому внешнему принуждению, в сравнении с этикой Благодати, которая предполагает иной путь развития человека, связанный с прощением, спасением, любовью. Это достигается при непосредственном обращении человека к Богу. Благодаря религии, культуре, творчеству, по мнению Б.П. Вышеславцева, происходит «обожение» человека, происходит его перерождение, или «сублимация». Религия обладает огромной силой, способной изнутри поставить запреты, оградить человека от греха. Исходя из этого, для Б.П. Вышеславцева важно найти некое единство внешней правовой (Закон) и внутренней этико-религиозной (христианская идея спасения, прощения и любви) нормы. При этом, отмечает философ, несовершенная природа человека, не реагирующая на нравственно-религиозные нормы, должна быть ограничена внешними законными предписаниями. Необходимо создавать внешние условия приближения правовых законов к требованиям справедливости в обществе для возможности духовного развития личности. Исходя из этого, можно констатировать, что антропология права Б.П. Вышеславцева, представленная в виде анализа проблемы совершенствования права и преображения личности, должна решаться в рамках создания правового государства и гармоничного общественного развития, где свобода слова, совести «вырастает прямо из христианства» [8, с. 46]. Уже позже, в одной из своих последних работ он писал: «Организация власти и права обусловлена сверху религией и этикой, но она обусловлена и снизу материаль-

ными потребностями человека, природой его органической и психологической жизни» [9, с. 127]. Право в государстве должно играть преобразующую, «сублимирующую» роль. Только в этом случае возможно решение морального оправдания закона и права.

Совершенно справедливы слова Б.П. Вышеславцева: «Задача всякого права и государства в том, чтобы подданные и граждане сами не хотели убивать и красть, сами соблюдали собственность и договора» [10, с. 354]. Таким образом, разрабатываемая Б.П. Вышеславцевым антропология права является важным аспектом уже сегодняшнего анализа отечественной философии права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. – 1958. – № 54. – С. 148.
2. Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин: историко-биографический очерк / Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. – Москва: Русская Книга, 1993–1999. Т. 1.
3. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. Сочинения. – Москва, 1995.
4. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. Сочинения. В 2 т. – Москва, 1996. Т. 1. С. 416.
5. Осипов И.Д. Антитеза закона и благодати в антропологии права Б.П. Вышеславцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2008. – Выпуск 2. – С. 44–50.
6. О русской философии права / Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания / под ред. И.Д. Осипова, В.Ю. Перова. – Санкт-Петербург, 2007.
7. Вышеславцев Б.П. Социальный вопрос и ценность демократии // Новый град. – 1932. – № 2. – С. 46.
8. Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. Сочинения. – Москва, 1995.
9. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Сочинения. – Москва, 1995.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.Д. ТРОЦКОГО

Малахов А.Г.

(Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина)

Аннотация: в научной статье автор анализирует взгляды Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина на построение социалистического государства в отдельно взятой стране в контексте октябрьских событий 1917 года и Гражданской войны, а также их дальнейшее значение для истории России.

Ключевые слова: социалистическая революция, партия большевиков, диктатура пролетариата, Л.Д. Троцкий, троцкизм, буржуазия.

THE ROLE OF THE STATE IN THE HISTORICAL CONCEPT OF L.D. TROTSKY

Malakhov A.G.

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the scientific article, the author analyzes the views of L.D. Trotsky and V.I. Lenin on the construction of a social state in a particular country in the context of the October events of 1917 and their further significance for the history of Russia.

Keywords: socialist revolution, Bolshevik party, dictatorship of the proletariat, L.D. Trotsky, Trotskyism, bourgeoisie.

У истоков формирования советского государства и его правовой системы во времена Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны 1918–1920 годов в сознании советских граждан происходили кардинальные изменения в понимании государства и права, которые характеризовались постепенным формированием пролетарского (классового) права, выраженного в деятельности народных судов, деятельность и руководство которых основывалось исключительно на правосознании народных масс [1, с. 44].

При разработке Конституции РСФСР 1918 года весомый вклад внес ведущий юрист того времени П.И. Стучка, именно он ввел понятие «государство переходного периода» [2, с. 3–26]. Диктатура пролетариата являлась основой нового государства, установление которого было жизненно необходимо в целях подавления буржуазии как господствующего класса [3, с. 21]. При этом не существовало единства мнений в понимании сущности диктатуры пролетариата, что способствовало разворачиванию ожесточенных дискуссий, в числе которых были и радикальные точки зрения, выразившиеся в распространении анархистских идей и представлений о государстве. Анархисты, чье влияние в государственных учреждениях было достаточно сильным, считали, что им нужно организовать производство, а власть рабочему классу не нужна, ведь она и есть «буржуазная выдумка» [4, с. 188].

Высокая популярность анархистских идей, которые заключались в полном уничтожении государственного аппарата, в первую очередь была связана с низким уровнем грамотности рабочих и крестьянских масс. Л.Д. Троцкий вспоминал, что анархистскими организациями в апреле 1918 года в Москве целые улицы обкладывались данью, а хулиганы под маской революции взрывали здания, захватывали броневые машины и пулеметы [5, с. 332].

Путь создания законодательства в Советской России Л.Д. Троцкий охарактеризовал так: «Все приходилось делать сначала. Прецедентов нельзя было отыскать, ибо история таковыми не запаслась. В горячке законодательного творчества допускалось немало промахов и противоречий». Само понятие права после Октябрьской революции и Гражданской войны вызывало неопределенность, так как выражалось в формальной воле господствующего класса. Однако существование права после укрепления государства в связи с окончанием Гражданской войны все же признавалось.

Воззрения «вождей Революции» приобретали особое значение в усвоении новых политических и правовых ценностей, идеи которых послужили фундаментом для противодействия анархизму и подготовки декретов Советской власти – новых законодательных актов. Большое влияние на формирование государственно-правовых взглядов того периода оказал В.И. Ленин. Основы классовой концепции государства были впервые изложены в его работе «Государство и революция», которая была написана осенью 1917 года. Сопrotивление буржуазии, по мнению В.И. Ленина, должен был подавить рабочий класс, используя аппарат государственного принуждения. Что же касается Л.Д. Троцкого, которого воспринимали вторым человеком в Советском государстве в период с 1917 – начала 1920 годов, то одной из его ключевых заслуг является разработка концепции диктатуры пролетариата как переходной формы государственного устройства.

В осуществлении Октябрьской революции Л.Д. Троцкий сыграл огромную роль. Он не только поддержал В.И. Ленина относительно захвата власти в стране, в отличие от других влиятельных политических деятелей партии, таких как Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, но и предложил реализацию лозунга «Вся власть Советам!», вместо концентрации власти в руках большевиков и партийного переворота, что планировал В.И. Ленин. Также Л.Д. Троцким был спланирован раскол, который должен был случиться в рядах эсеров и меньшевиков, для реализации данной идеи он предложил провести II Всероссийский съезд Советов с 25 по 26 октября 1917 года, в результате которого все были вынуждены определиться и занять четкую позицию относительно поддержки захвата власти большевиками.

На протяжении всего периода СССР творческое наследие В.И. Ленина подробно изучалось, чего нельзя сказать о наследии Л.Д. Троцкого, которое подвергалось критике на протяжении долгого времени [6, с. 84]. Уже стало классическим при изучении воззрений Л.Д. Троцкого, которого обвиняли в «левом уклоне», противопоставление его концепции «перманентной революции» выдвинутой В.И. Лениным и поддержанной И.В. Сталиным идеи «построения социализма в отдельно взятой стране». К концу 1930-х годов появляется термин

«троцкизм», под которым понимается цельное учение социал-демократии, противостоящее марксистской теории государства и права [7, с. 80].

Все труды Л.Д. Троцкого были обобщены в 20-томном издании, которое публиковалось в СССР на протяжении 1925–1927 годов. Нельзя не заметить, что, как и многие политические деятели того периода, Л.Д. Троцкий намеренно не уделял внимания проблематике государства. Только в условиях ожесточенного противостояния во время Гражданской войны, когда было не понятно, смогут ли Советы удержать государственную власть, Л.Д. Троцкий начал интересоваться вопросами государственного строительства и формирования советского права.

Первой работой Л.Д. Троцкого, посвященной проблематике диктатуры пролетариата и функционирования государства, стала работа «Терроризм и коммунизм». В его представлении диктатура пролетариата понималась как переходный период на пути к коммунизму и политическому господству рабочего класса [8, с. 23].

Основным элементом в понимании Л.Д. Троцкого относительно диктатуры пролетариата являлась армия, строительство которой должно осуществляться по «милиционному» принципу вооружения народа. Подготовка армии, по его мнению, должна была проходить без отрыва граждан от обычных условий жизни, а военное обучение должно быть тесно переплетено со школьным обучением. Принципы субординации и единовластия должны лежать в основе новой армии. Выборные должности начальников и военных командиров следовало отменить, так как солдаты не обладали необходимыми знаниями, чтобы их выбирать. С точки зрения Л.Д. Троцкого, неорганизованная масса солдат должна была управляться комиссарами, которые назначались из числа партии большевиков [9, с. 23].

Диктатура пролетариата не могла существовать как переходная форма государства постоянно, по мысли Л.Д. Троцкого, по причине ослабления революционных настроений в обществе. Именно поэтому укрепление советского строя было возможно только при условии мировой революции в Европе.

В заключение перечислим основные политико-правовые идеи Л.Д. Троцкого, которые сыграли ключевую роль в укреплении государственного аппарата Советской России:

1. Именно Л.Д. Троцким была выработана и обоснована политика «военного коммунизма» и применение различных форм насилия относительно свергнутых классов в период Гражданской войны.

2. Пытался отстаивать свои взгляды на диктатуру пролетариата и революционной мысли, которая и была законодательным пунктиром на этапе Октябрьской революции и Гражданской войны.

3. Развивал ленинскую концепцию государства и права.

4. Л.Д. Троцким были заложены основные традиции понимания права и государства в советской юридической науке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Курский Д.И. На путях развития советского права: статьи и речи (1919–1926 гг.). – Москва: НКЮ РСФСР, 1927.
2. Стучка П.И. Государство и право в период социалистического строительства // Революция права. – 1927. – № 2. – С. 3–26.
3. Сталин И. В. Об оппозиции: статьи и речи 1921–1927 годов. – Москва: Партийное изд-во, 1928.
4. Троцкий Л.Д. Слово русским рабочим и крестьянам о наших друзьях и врагах и о том, как уберечь и упрочить Советскую республику: сочинения. Т. 17: Советская республика и капиталистический мир. Ч. 1: Первоначальный период организации сил. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926.
5. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. – Москва: Панорама, 1991.
6. Челяпов Н. Учение Карла Маркса о государстве и праве: к 50-летию со дня смерти Карла Маркса. – Москва: Сов. законодательство, 1933.
7. Маньковский Б.С. Против троцкистской клеветы в теории государства и права // Социалистическая законность. – 1937. – № 8. – С. 80.
8. Троцкий Л.Д. Красная памятка для воинов рабоче-крестьянской Красной армии и Красного флота об основных вопросах военного дела. – Москва: Красная звезда, 1924.
9. Малахов А.Г. Насилие в теории перманентной революции / Будущее науки – 2021: сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции. – Курск, 2021. С. 133–136.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Меняйло Л.Н.,

кандидат политических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье раскрывается сущность профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел, такие ее необходимые составляющие, как профессионально-нравственная культура, правовая культура и культура общения, которые непосредственным образом влияют на эффективное осуществление профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная культура, профессионально-нравственная культура, правовая культура, культура общения.

PROFESSIONAL CULTURE OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS AS A BASIS FOR EFFECTIVE PERFORMANCE

Menyaylo L.N.,

Candidate of Political Science

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article reveals the essence of the professional culture of employees of the internal affairs bodies, such its necessary components as a vocational and moral culture, a legal culture and a culture of communication, which directly affect the effective conduct of professional activities.

Keywords: professional culture, vocational and moral culture, legal culture, culture of communication.

Культура пронизывает все сферы жизни общества, а в современных условиях такие понятия, как профессиональная культура, нравственная культура, правовая культура, культура поведения, культура общения сотрудников органов внутренних дел приобретают новое звучание. Исследователи данной проблематики понятие «профессиональная культура» рассматривают в следующих аспектах:

– во-первых, в рамках определенной сферы профессиональной деятельности, например, профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел, со всеми присущими ей особенностями формирования и проявления;

– во-вторых, как комплексное понятие, включающее культуру мышления, культуру общения, культуру поведения, культуру внешнего вида, духовно-нравственную культуру представителей тех профессий, которые имеют наибольшую социальную значимость.

Отметим, что сегодня профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел находится под пристальным вниманием общественного контроля и ее формирование занимает одно из приоритетных направлений в учебном процессе в образовательных организациях системы МВД России. Повышение уровня профессиональной культуры сотрудников направлено на развитие кадрового потенциала, повышение престижности и привлекательности профессии [1, с. 136], эффективное обеспечение прав, свобод личности, а также на обеспечение безопасности общества и государства.

Что касается профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел, то мы рассмотрим ее в совокупности наиболее важных аспектов, а именно в совокупности таких ее проявлений, как профессионально-нравственная культура, правовая культура и культура общения сотрудников органов внутренних дел.

Профессионально-нравственная культура сотрудников органов внутренних дел всегда высоко оценивалась в российском обществе, а требования к моральному облику служителя правопорядка имели первостепенное значение. Как правильно заметили А.С. Душкин, С.Н. Трипутин, М.Е. Гурьев, – «... развитие

стратегии нравственного поведения, навыков профессиональной культуры является основой при решении важнейших социально-профессиональных задач...» [2, с. 168]. И сегодня эта позиция как никогда актуальна. Современный сотрудник органов внутренних дел в совокупности своих профессионально-значимых характеристик должен соответствовать запросам общества и государства и в уровне духовно-нравственного развития, и в уровне профессионально-нравственной культуры.

Профессионально-нравственная культура сотрудников органов внутренних дел не может существовать обособленно от интересов конкретного общества в определенный период времени, ведь именно существующие нравственные проблемы в обществе являются лакмусовой бумагой для проявления профессионально-нравственной культуры конкретной личности. Как правильно заметил А.В. Симзяев, «...личность каждого человека – это феномен культуры, так как формируется при воздействии разнообразных культурных явлений: традиций, форм общественного сознания, образа жизни, содержания деятельности, воспитания, образования» [3, с. 12]. Кроме того, достойное поведение сотрудника органов внутренних дел в различных ситуациях, выдержка, самообладание, демонстрация высокой нравственной культуры и профессионализма только способствуют формированию правомерного поведения граждан.

Как правильно отметил Д.В. Деккерт, «проявление профессионально-нравственных качеств тем ценнее, когда происходит не по обязанности, а является естественным проявлением определенных личностных черт и качеств сотрудника» [4, с. 85]. Вот почему важно, чтобы на службу приходили достойные во всех смыслах сотрудники.

Что касается правовой культуры, то поддержим авторитетное мнение С.С. Алексеева, который указывает, что правовая культура «представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, правовому прогрессу» [5, с. 11]. Таким образом, правовая культура включает в себя все те достижения общества, которые существуют в правовой сфере, носят положительный характер и представляют собой ту или иную ценность. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел является одной из сторон, составляющей общую правовую культуру граждан.

Стоит отметить, что на правовую культуру сотрудников, ее уровень влияют как положительные факторы (получение образования и правовой подготовки, правовое воспитание, положительные примеры деятельности коллег и в целом субъектов правоохранительной деятельности, формирование положительных правовых установок и ценностных ориентаций и т.д.), так и отрицательные факторы (общение с преступными элементами и сложные условия службы, сопряженные с риском для жизни и здоровья, зачастую ненормированный рабочий день, профессиональная деформация и т.д.). Все это определяет и структуру правовой культуры сотрудников.

Как отмечалось выше, одной из составляющих профессиональной культуры, оказывающих влияние на эффективность деятельности сотрудников органов внутренних дел, является также культура общения. Успешность результатов деятельности сотрудников во многом определяется способностью грамотно и культурно строить общение с гражданами. Для этого у сотрудников органов внутренних дел должны развиваться коммуникативные способности и культура общения. Среди них можно указать, например, умение находить нужные слова и тон в зависимости от ситуации и категории гражданина-собеседника; способность руководить разговором и выводить собеседника на интересующие проблемы; умение устанавливать контакт со всеми гражданами; уметь располагать к себе и слушать людей; уметь использовать психологические приемы в общении.

Таким образом, культуру общения можно рассматривать как необходимую для осуществления профессиональной деятельности способность сотрудника органов внутренних дел к коммуникации, способность к убеждению, коммуникативную толерантность, сопереживание собеседнику, способность к бесконфликтному общению.

Подводя итог, отметим, что профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел представляет собой соответствующий уровень реального усвоения сотрудником профессионально-этических принципов, норм и идеалов, а также требований и правил служебного этикета, и их практическая реализация во взаимоотношениях с гражданами и коллегами в процессе реализации функций правоохранительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хуснетдинов Г.Р., Карамельский Р.В. Проблемы формирования профессиональной культуры курсантов вузов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 3. – С. 136–140.
2. Душкин А.С., Трипутин С.Н., Гурьев М.Е. Профессионально-нравственная культура сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4 (76). – С. 168–171.
3. Симзяев А.В. Профессионально-этическая культура сотрудника ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 3 (38).
4. Деккерт Д.В. Деонтологическая готовность как важный элемент профессиональной культуры сотрудников полиции // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2018. – № 35 (54). – С. 81–89.
5. Алексеев С.С. Цит. по: Вопленко Н.Н. Правовая культура современной России / Правовая культура в России на рубеже столетий, 16–17 февраля 2001 года. – Волгоград, 2001. – 240 с.
6. Меняйло Д.В. Русский правовой менталитет и правовая культура // Правовая культура в России на рубеже столетий. – Волгоград, 2001. С. 69–71.

КОНЦЕПЦИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

Напольских И.М.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье сделан акцент на взаимосвязи права и общественной жизни. Обозначается, что эффективность права является критерием, позволяющим оценить правовую форму, качество действия правоприменительной системы, а также охарактеризовать систему правовых средств в целом. Являясь общенаучным термином, эффективность обладает множеством междисциплинарных оттенков. Вариативность его трактовки существенно затрудняет определение тех условий, при которых право можно считать эффективным. В статье рассмотрены основные концепции эффективности права. Проанализированы различные подходы к ее определению и оценке. В числе условий эффективности права выявлены определенные противоречия и обозначены пути их преодоления. Особое внимание уделено социальным характеристикам, влияющим на эффективность права.

Ключевые слова: эффективность права, правовое регулирование, эффективность механизма правового регулирования, условия эффективности права.

CONCEPTS OF THE EFFECTIVENESS OF LAW

Napolskikh I.M.

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article focuses on the relationship between law and public life. It is indicated that the effectiveness of law is a criterion for assessing the legal form, the quality of the law enforcement system, as well as to characterize the system of legal means as a whole. Being a general scientific term, efficiency has many interdisciplinary shades. The variability of its interpretation makes it significantly difficult to determine the conditions under which the law can be considered effective. The article discusses the basic concepts of the effectiveness of law. Various approaches to its definition and evaluation are analyzed. Among the conditions for the effectiveness of the law, certain contradictions are identified and ways to overcome them are outlined. Special attention is paid to the social characteristics that affect the effectiveness of law.

Keywords: effectiveness of law, legal regulation, effectiveness of the mechanism of legal regulation, conditions for the effectiveness of law.

Выполняя функцию социального регулирования, право воздействует на различные сферы общественной жизни. В то же время содержание права, его цели и функции предопределяются социальной действительностью [3; с. 211]. Взаимосвязь между данными категориями, степень их влияния друг на друга активно изучаются учеными различных отраслей науки.

Реализация норм права, с одной стороны, направлена на достижение социально-значимых целей, а с другой – на установление в обществе моделей правомерного поведения. Повышение уровня жизни и успех в решении проблемных вопросов в государстве взаимосвязаны с качеством реализации нормативных предписаний. Эффективность права является критерием, позволяющим оценить правовую форму, качество действия правоприменительной системы, а также охарактеризовать систему правовых средств в целом.

Являясь общенаучным термином, эффективность обладает множеством междисциплинарных оттенков. В современной теории права данная категория является предметом особого внимания исследователей, однако остается во многом неразработанным и дискуссионным понятием. Вариативность его трактовки существенно затрудняет определение тех условий, при которых право можно считать эффективным.

Как отмечает В.П. Малахов, «спектр условий и критериев эффективности права достаточно широк. Причем соответствуя показателям эффективности в одном аспекте, правовые предписания могут обнаруживать неэффективность в другом. Связь между условиями эффективности прослеживается далеко не всегда, системность между ними, как правило, отсутствует. Критерии эффективности права в определенной степени контрастны показателям, демонстрирующим неэффективность права» [8, с. 139].

Общенаучный подход к анализу феномена эффективности в число базовых характеристик включает источник, цель и результат [6, с. 22]. Следуя рассматриваемому подходу, соответствие результата правоприменительной деятельности изначальной цели издания той или иной нормы – важнейшее условие эффективности права.

Другое условие вытекает из кельзеновской позитивистской теории права, которая в вопросе эффективности в целом не противоречит общенаучному подходу. В качестве основного условия эффективности в данном случае рассматривается соответствие поведения субъектов права той модели, которая предусмотрена нормой права, то есть, чем больше актов правомерного поведения и меньше использованных санкций, тем эффективнее право [5, с. 197].

В советской науке вопрос эффективности права рассматривался в более широком смысле. Утверждалось, что обеспечение желаемого для государства поведения не является главной целью правового регулирования, «это лишь средство для достижения более глубоких социальных целей, имеющих классово-партийный, общественно значимый смысл» [4, с. 894]. При таком подходе норма может считаться эффективной, если в результате ее действия достигнута социальная цель ее введения.

Для измерения эффективности в других науках, к примеру, экономике, оцениваются издержки, потребовавшиеся на реализацию той или иной цели. На наш взгляд, подобный подход частично применим к праву: чем меньше административного ресурса необходимо задействовать для достижения того или иного результата в обществе, тем эффективней действие правовых предписаний. Таким образом, баланс социальных и государственных интересов также можно отнести к условиям эффективности действия права.

Ошибки, возникающие в результате применения или использования права, подмена требований норм также снижают эффективность правового регулирования. Кроме того, имеют место случаи, когда на практике та или иная правовая норма не применяется либо применяется ограниченно. Так, одним из условий эффективности права является совершенство правоприменительной системы, которое позволит избежать несоответствия целей введения тех или иных правовых норм фактическому результату их применения.

Эффективность действия норм права определяется, в том числе, системой взглядов, убеждений, оценок, представлений о праве и законности, свойственных обществу в целом или конкретной личности. Из этого следует, что одним из условий эффективности права является правильность его толкования субъектами. В то же время стоит понимать, что не менее важным является отношение общества к действующим правовым предписаниям, их одобрение со стороны субъектов права. В данном контексте справедливо рассмотрение доверия как условия эффективности права.

Также важно обеспечить научную обоснованность любых изменений в законодательстве и их соответствие интересам государства и потребностям общества. Так, в числе условий эффективности права стоит выделить целесообразность и научную обоснованность введения, изменения и прекращения действия правовых предписаний.

Особое внимание стоит уделять стабильности правовой системы и рассматривать ее как условие эффективности права. Как отмечает Е.М. Шульман, «...принятие большого числа новых законов с большой скоростью само по себе не является общественным благом. Более того, общественный интерес скорее состоит в поддержании, насколько это совместимо с меняющимися потребностями социума, правовой стабильности» [2, с. 83]. Устойчивость и неизбежность правовых предписаний создает в правосознании граждан уважение к источнику законодательства. Однако взаимосвязь права и общества обуславливает изменения нормативных предписаний в связи с социальным развитием, появлением новых видов правоотношений, отсутствием необходимости в дальнейшем применении тех или иных норм, а также многих других факторов. По этой причине соответствие права постоянно изменяющимся социальным условиям выделяют в качестве условия эффективности права.

Так, В.В. Лапаева обращает внимание, что «...когда задача правового регулирования видится уже не в достижении заданных сверху целей, а в выражении и согласовании социальных интересов, способствующих нормальному, свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом пересмотрены и положения теории эффективности законодательства» [9, с. 130]. Видится противоречие данного условия рассмотренному ранее – стабильности правовой системы. На наш взгляд, очень важно в данном вопросе сохранить определенный баланс между этими критериями. С одной стороны, не допустить постоянного изменения законодательных норм, с другой – своевременно реагировать на социальные изменения, приводить законодательство в соответствие с государственными и общественными интересами. В данном контексте справедливой видится позиция В.Н. Кудрявцева, отметившего, что

изучение эффективности права «невозможно проводить в рамках самого права, так как эффективность, в конечном счете, выражается именно в воздействии на неправовые явления, на фактические отношения людей» [7, с. 59]. Необходимость оценки эффективности права с применением социологического подхода осознается законодателем. Об этом свидетельствует то, что на протяжении значительного количества времени он применяется Советом Федерации при оценке результативности своей деятельности [1].

На наш взгляд, социальные аспекты эффективности норм права нуждаются в дальнейшем научном осмыслении и практической реализации. На сегодняшний день ведутся дискуссии о правилах и нормах, причинах их соблюдения либо нарушения, факторах, влияющих на противоправное либо правомерное поведение. Рассмотрение вопроса эффективности права в данном контексте позволяет изучить его в статическом состоянии. Как нам видится, в дальнейшем вопросы эффективности права следует преимущественно рассматривать в динамике, то есть с учетом реакций общества на количество, качество и сущность изменений в праве. Отдельное внимание стоит уделить эффективности механизма действия права, который, на наш взгляд, является понятием более узким и существенным образом влияет на эффективность права в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Методология изучения эффективности действия законодательства в процессе правового мониторинга. – Москва: Совет Федерации, 2008.
2. Законотворчество как политический процесс. – Москва: Московская школа гражданского просвещения, 2014. – 183 с.
3. Ибрагимова С.В. Социальная эффективность права // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 210–215.
4. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2004. – 944 с.
5. Кожокарь И.П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 48. – С. 196–225.
6. Лустова О. С. Понятие, критерии и условия эффективности правовых норм // Вестник ЧелГУ. – 2004. – № 1. – С. 22–29.
7. О структуре марксистской социологической теории: материалы дискуссии / редкол.: П.А. Рачков и др. – Москва: Моск. ун-т, 1970. – 90 с.
8. Малахов В.П. Общая теория права и государства: курс лекций. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 271 с.
9. Лапаева В.В. Социология права (краткие учебные курсы юридических наук). – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 336 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Нерубенко А.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена проблеме рассмотрения исторических аспектов развития правовой системы России в свете ее самобытности, основанной на многовековой истории и географическом расположении, имеющей присущие только ей характерные черты. Рассмотрен вопрос об основании российского права в исторической ретроспективе, а также об этапах развития правовой системы России.

Ключевые слова: история права, история правовой системы России, источники права, правовая система, система правосудия

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Nerubenko A.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: article is devoted to the problem of considering the historical aspects of the development of the Russian legal system, in the light of its originality, based on centuries of history and geographical location, which have characteristic features inherent only to it. The issue of the foundation of Russian law in a historical retrospective, as well as the stages of development of the Russian legal system is considered.

Keywords: history of law, history of the Russian legal system, sources of law, legal system, justice system.

Приступая к изучению исторических аспектов развития правовой системы России, мы должны рассматривать их сквозь призму принципа историзма [2]. Российское право является самобытным явлением, основанным на многовековой истории. Так, развиваясь от древнего права к средневековому, российское право обрело своеобразные черты, среди которых необходимо выделить наиболее характерные аспекты русского права:

- население России имело неразвитые юридические традиции, порой отрицая ценность и необходимость права;
- на содержание правовых норм оказывало существенное влияние государственная власть, которая с их помощью продвигала государственную идеологию, таким образом можно сказать, что вторым основным аспектом русского права является идеологизация правовых норм;
- слияние в русском праве азиатских и европейских начал, сформированных географическим положением русского государства.

Основывалось русское право на восточнославянских и немного на скандинавских (норманнских) и финно-угорских юридических обычаях, которым были присущи основные признаки древнего права. К XII вв. под влиянием межгосударственных отношений между Русью, Византией и другими европейскими государствами Русь перешла к средневековому праву.

Одними из первых источников права на Руси являлись юридические обычаи, самые важные из которых – своды устных норм обычного права – именовались «Закон Русский». Впоследствии под влиянием княжеской власти возникло законодательство, которое называлось «Русская Правда», которая вобрала в себя, во-первых, нормы процессуального и уголовного права, а во-вторых, нормы других отраслей права. «Русская Правда» являлась итогом деятельности государственной власти и означала определенную систематизацию права, которой были подчинены светские дела, подведомственные государственным органам [3].

Позднее в XIII–XV вв. в период средневековой раздробленности основным источником русского права стали княжеские грамоты, однако эти грамоты имели местное значение и дополняли нормы «Русской Правды».

С принятием христианства церковь участвовала в издании церковных уставов, являющихся специальными актами княжеской власти, в которых устанавливались льготы для церкви, ее правовое положение и перечень дел, подсудных церковным инстанциям.

В связи с объединением русских земель необходимо было кодифицировать имеющееся законодательство. Стали появляться процессуальные кодексы, которые назывались судебниками и по сути являлись общегосударственными сборниками законов.

В 1649 году было принято Соборное уложение царя Алексея Михайловича, которое явилось результатом развития и переработки прошлых указов, грамот и судебников. Соборное уложение стало основным кодексом допетровской России и было основой русского права в течение двух веков, пока при Николая I не был издан Свод законов Российской империи [1].

В Российской империи правовая система утверждала государство как основной правотворческий орган. В середине XIX века в России начинают развиваться правовые начала для правовой реформы [1].

В императорскую эпоху обычаи потеряли значение правообразующего фактора в правотворчестве и единственным источником русского права считался закон. При Петре I произошел реформаторский характер имперского законодательства, заключавшийся в том, что источниками законодательства были заимствования из иностранного права и соображения целесообразности.

В дальнейшем все нормативные акты, включая Соборное уложение и указы Александра I, были включены в полное собрание законов Российской империи, которое в 1830 г. было опубликовано.

Следующее издание полного собрания законов Российской империи включало в себя около 62 тысяч актов правления Александра II и Николая I, из которых были по отдельным вопросам составлены специальные исторические

своды (законодательства), далее из сводов убиралось все, потерявшее силу, остальное сводилось в систему, разработанную М.М. Сперанским [5].

Россия под влиянием революционных событий 1905–1917 гг. должна была принять новые кодексы, соответствующие образцам западноевропейского права.

Развитие правовой системы России можно разделить на два этапа:

- 1) от реформ Петра Великого до утверждения Судебных уставов 1864 г.;
- 2) от утверждения Судебных уставов 1864 г. протяженностью полвека [2].

На первом этапе в результате реформ были смягчены средневековые черты российского правосудия, что заключалось в том, что:

- 1) специальные органы во главе с прокуратурой установили контроль за юстицией;
- 2) судебная функция стала автономной частью административно-управленческой деятельности;
- 3) судебные учреждения получили коллегиальное устройство [4].

На втором этапе правовой реформы были учреждены:

- 1) устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями;
- 2) устав гражданского судопроизводства;
- 3) устав уголовного судопроизводства.

Таким образом, в России появилась оригинальная система правосудия:

- 1) защиту обвиняемого обеспечивала впервые созданная в России адвокатура;
- 2) от административной власти отделился суд;
- 3) учрежден суд присяжных;
- 4) предварительное следствие было передано суду от полиции;
- 5) законодательство установило презумпцию невиновности.

Подводя итог, можно сказать, что историческими аспектами развития правовой системы России является восприятие ею византийской культуры, северо-европейских влияний, влияние поздне-римского права, христианства, что позволило ей войти в романо-германскую семью правовых систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2015. – 385 с.
2. Барциц И.Н. Правовая система России: вызовы времени и тенденции развития // Право и жизнь. – 2000. – № 26.
3. Левгеева Т.Б. Исторические аспекты развития правовой системы России // Новый юридический вестник. – 2019. – № 7 (14). – С. 1–4.
4. Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Москва, 2010. – 672 с.
5. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – Москва, 2002. – 472 с.

ЭКСТРЕМИЗМ: ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Римский А.В.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье анализируется история правоприменительных практик борьбы с экстремизмом в дореволюционной России, раскрываются основные моменты, связанные с экстремизмом в целом, и приводится множество различных примеров преступлений, связанных с экстремистской деятельностью.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, общество, современное общество, история, политика, политический характер, государство.

EXTREMISM: THE HISTORY OF LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AND MODERNITY

Rimskiy A.V.,

Candidate of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the history of law enforcement practices in the fight against extremism in pre-revolutionary Russia, reveals the main points related to extremism in general and provides many different examples of crimes related to extremist activity.

Keywords: extremism, extremist activity, society, modern society, history, politics, political character, state.

Современное законодательство большое значение придает проблеме распространения экстремизма как антиобщественного явления, детализируя его смысл в дефинитивных нормах и нормативных актах, устанавливающих юридическую ответственность за деяния, связанные с ним. Согласно лингвистическому толкованию под экстремизмом понимается «приверженность крайним взглядам». Берет свое начало данное явление еще в Древнем Риме, а наиболее явное развитие получает во времена Великой буржуазной революции во Франции, хотя сам термин «экстремизм» появился на несколько лет позже [1, с. 178].

Федеральное законодательство дает довольно широкое определение экстремизму, охватывающее ряд антиобщественных действий, таких как, например, насильственное изменение основ конституционного строя, публичное оправдание терроризма, возбуждение розни по различным основаниям и т.д. [2]

В 70-е года XVIII века в Российской империи сложилось тяжелое положение, которое было связано с волнениями нижних слоев населения: в это время произошло и наиболее важное общественно-политическое событие, а имен-

но восстание крестьян под предводительством Е.И. Пугачева. Ряд бунтов крестьян, которые некоторые историки приравнивают к «крестьянской войне», имели в своих целях и схожую с экстремистской направленность, исходя из современного толкования данного явления, так как хотели этим повлиять на деятельность органов государственной власти, изменить их решение по наиболее важным вопросам страны, а также воспрепятствовали их деятельности. Именно поэтому стоит рассмотреть деятельность правоохранительных органов в указанный период, чтобы оценить деятельность правоохранительных органов и их роль в борьбе с экстремизмом. Пугачевское восстание сыграло большую роль в дальнейшей модернизации структуры полиции, более детальной законодательной регламентации ее полномочий и функций, упрочении правоохранительной системы России.

Вошедшим в силу в 1782 году «Уставом благочиния и полицейским» устанавливались рамки компетенции полицейских органов [3, с. 31]. В результате изучения данного документа надо сказать, что в нем не содержится конкретных указаний на деятельность по противодействию экстремизму, формам его проявления. Хотя прослеживается ряд полномочий, которые так или иначе способствуют пресечению актов экстремистской деятельности, по крайней мере, они направлены на борьбу с предпосылками и истоками данной деятельности. К таким полномочиям, например, относится наблюдение за повседневной жизнью граждан, пресечение выступлений, направленных против церкви и веры, что, по сути, является возбуждением розни по религиозному признаку.

Также полицейские органы должны были пресекать деятельность незарегистрированных общественных организаций и тайных собраний, пресечение сопротивления решениям властей. Что касается мер, которые использовали полицейские органы для реализации юридической ответственности, то их можно характеризовать как жесткие в силу того, что использовались как телесные наказания, так и смертная казнь. Таким образом, правоохранительные органы в конце 18 века должным образом не уделяли внимание противодействию проявлениям экстремизма по причине отсутствия его как такового, хотя осуществленная регламентация их деятельности с установлением рамок компетенции сыграло важную роль в создании предпосылок для дальнейшего развития данной функции у полиции [4, с. 112].

Важное значение для рассмотрения данной темы имеют первые десятилетия после 1861 года в Российской империи. Несмотря на отмену крепостного права и ряд других важнейших реформ, направленных на стабилизацию положения нижних слоев населения, проведенных в рамках «народоориентированной» политики Александра II, в стране активно развиваются экстремистские движения, формируются общества и кружки, деятельность которых направлена на оказание влияния на государственные органы. В это же время деятельность этих движений, по сравнению с восстаниями и бунтами прошлых лет и веков, по-настоящему приобретает характер экстремистской, и его можно рассматривать в значении, данном французскими учеными и просветителями – крайнее проявление политических, социальных или религиозных взглядов. Как отмечают некоторые авторы научных статей, «российская база экстремизма зарождалась на зарубежном опыте» [5, с. 25].

Следует полагать, что на данном историческом этапе правоохранные органы должны были уделять много внимания проявлениям экстремизма и активно осуществлять борьбу с ними. Еще в первой половине XIX века по Указу № 449 от 3 июля 1826 г. было создано III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – СЕИВК), которое просуществовало до 1880 года. По Указу в его функции входил тайный политический сыск, борьба с инакомыслием, общественными и революционными движениями, наблюдение за распространением нелегальной литературы и оппозиционными настроениями различных общественных групп и т.д. [6, с. 5]. Помимо указанных функций, орган также осуществлял наблюдение за деятельностью чиновников и иных органов власти. По сути, данный орган являлся центром борьбы с экстремизмом, его основной задачей оставался контроль за слоем общества, представленным молодыми образованными людьми, которые были приверженцами европейских просвещенских, либеральных идей и настроений. Стоит сказать, что проблемой 3-го Отделения СЕИВК было то, что за ним закреплялось множество функций, в которое входила не только борьба с экстремистской деятельностью. Разнородность задач у одного органа при ненадлежащей его структуризации понижает эффективность деятельности по всем направлениям работы. Хотя необходимо отметить, что ряд историков, исследовавших тексты ежегодных отчетов А.Х. Бенкендорфа, первого руководителя 3-го Отделения, отмечают результативность наблюдения за органами власти, так как каждый отчет содержал слова о ненадлежащем исполнении обязанностей чиновниками. К тому же, фактически, данный орган лишь собирал сведения и докладывал о них императору, что должным образом не создавало противодействия экстремизму. Важно сказать об органе, который был создан в 1898 году – Особый отдел, занимавшийся политическим розыском (в составе Департамента полиции в МВД) – основные задачи которого были схожи с полномочиями 3-го Отделения СЕИВК. У данного органа прослеживается более детальная регламентация полномочий, их направленность на пресечение экстремистских настроений путем сбора информации, политического сыска, слежки за высшими учебными заведениями, организация работы агентуры и т.д. [7, с. 56]. Говоря о политических органах по противодействию экстремистской деятельности в 19 веке, необходимо учитывать общественно-политическую обстановку, в которой они осуществляли свою деятельность.

Таким образом, борьба с экстремизмом для страны в тот период имела крайне важное значение, но по результатам рассмотрения компетенции и деятельности можно сделать вывод, что противодействие этому явлению не имело достаточной эффективности вследствие наличия множества разнородных областей, в которых проводилась работа, постоянных структурно-организационных перестановок, а также малодейственности принимаемых мер.

В рамках данной статьи стоит упомянуть и об органах, функционировавших в 20 веке. Особенность их деятельности обусловлена большим количеством перемен в обществе и государстве, изменением формы правления, политическими замыслами руководителей страны и силовых ведомств, революциями, войнами.

Важно отметить, что основным направлением деятельности в довоенное время был именно политический экстремизм (контрреволюционная деятельность), в послевоенное к этому прибавляется еще и проявление или попытки возрождения фашизма, возбуждение розни по расовому признаку. Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК было реорганизовано в Главное политическое управление при НКВД РСФСР, а на местах образованы политические отделы. Основной задачей данного органа стало «подавление открытых контрреволюционных выступлений» [8, с. 14], но помимо нее в ст. 2 Декрета перечислены еще несколько задач, которые были возложены на ГПУ. Преобразование Всероссийской чрезвычайной комиссии в новый орган повлекло за собой сужение рамок его компетенции, в том числе частично и полномочия на вынесение внесудебных решений, сокращение числа органов специального назначения. В общем и целом, данное решение ВЦИК было обусловлено сменой политической обстановки в стране, а именно окончанием Гражданской войны.

В 1923 году на базе ГПУ образовывается Объединенное Государственное Политическое Управление при НКВД РСФСР, а уже в 1934 году ОГПУ входит в состав НКВД как Государственное Управление Государственной Безопасности. Одной из задач ОГПУ также оставалась борьба с контрреволюционными проявлениями, выявление которых осуществлялось посредством контроля за общественными объединениями, а также участием сотрудников ОГПУ в комиссиях по утверждению уставов обществ, имеющих целью извлечение прибыли. По мнению С.Е. Матвеева, если во время Гражданской войны органы ВЧК использовали жесткие методы борьбы с контрреволюционными проявлениями, то органы ГПУ и ОГПУ осуществляли свою деятельность в более мирное время, что объективизировало необходимость применения менее жестких методов [9]. Агентурная работа в парторганах стала основным средством борьбы с антисоциалистическими проявлениями. Она была направлена на сбор информации тайным путем, слежку и преследование контрреволюционных идей и мнений. Несмотря на условное смягчение проводимой органами государственной безопасности политики, методы их деятельности часто нарушали основные права человека, имели место и проявления жестокости.

Стоит отметить, что в случае рассмотрения экстремизма как «крайних форм проявления» тех или иных взглядов, то в данное время, как и в ближайшие несколько десятилетий, карались любые антисоциалистические настроения и идеи, о чем свидетельствуют многочисленные репрессии по политическим мотивам, в том числе и авторов художественной литературы, которые тем или иным образом касались вышеуказанной тематики. В военное время ситуация обострилась, что объясняется сложившейся обстановкой. В условиях боевых действий меры ужесточились, их полномочия расширились. Так, необходимо сделать вывод, что в первые четыре десятилетия 20 века органы, которые занимались противодействием экстремизму, не раз терпели структурные изменения, реформы, состояли из большого количества низкоквалифицированных сотрудников, что обуславливалось уходом Российской империи вместе с ее органами и кадрами и приходом новой страны, которой приходилось использовать тот кадровый резерв, который был более доступен, к тому же сам экстремизм по-

нимался отлично от нынешнего его толкования. Если абстрагироваться от различных исторических фактов, свидетельствующих о жестокости применяемых органами мер, то можно говорить об эффективности их деятельности в существующей в тот момент общественно-политической обстановке.

Схоже сложилась ситуация и во второй половине XX века в СССР. 13 марта 1954 года образовалось новое ведомство с правами министерства – Комитет Государственной Безопасности (далее – КГБ). Наряду с осуществлением контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности органы КГБ осуществляли также борьбу с антисоветскими проявлениями, инакомыслием, вели активную агентурную работу. Данный орган государственной безопасности также претерпел ряд реформ, но их значение не имело принципиального характера, не меняло сущности их деятельности. Важно сказать, что борьба с экстремизмом была лишь частью тех функций, которые осуществлял Комитет, поэтому нельзя однозначно судить о должном ведении противодействия данному антиобщественному явлению, хотя ряд авторов отмечают факты, свидетельствующие об активной борьбе с проявлениями инакомыслия [10, с. 112].

Современная политическая ситуация как во всем мире, так и в России вызывает необходимость активизации борьбы с различными проявлениями экстремизма. Проводимую в Российской Федерации антиэкстремистскую политику стоит рассматривать с разных позиций. Во-первых, был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который определяет, что относится к экстремизму, формы его проявления, очерчивает основные направления противодействия, указывает на ответственность различных субъектов общественных отношений. Такое законодательное оформление борьбы с экстремизмом играет роль поддержки, также повышает эффективность деятельности правоохранительных органов. Во-вторых, необходимо непосредственно отметить органы, которые ведут противодействие экстремистской деятельности. В научной литературе крайней формой экстремизма признается терроризм, борьбу с которым осуществляют органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации [11] (далее – ФСБ). В средствах массовой информации, социальных сетях регулярно публикуется информация и кадры оперативной съемки деятельности ФСБ, сотрудники которой активно борются с проявлениями терроризма, пресекают готовящиеся преступления террористической направленности. Согласно информации из доклада А.В. Бортникова, руководителя ФСБ России, только за 2020 год было пресечено 61 преступление террористической направленности, в том числе 41 террористический акт, прекращена деятельность 55 международных террористических организаций, не допущен въезд на территорию России 149 человек, причастных к экстремистской и террористической деятельности. Статистика говорит об эффективности проводимой сотрудниками ФСБ работы. Органы внутренних дел МВД России также осуществляют деятельность, направленную на противодействие экстремизму, в том числе привлечение лиц к административной ответственности по делам, связанным с экстремизмом (например, по ст. 20.29 КоАП РФ) [12].

К тому же на официальном сайте МВД России размещена подробная информация об экстремизме, способах противодействия ему, также прочие полезные рекомендации. Указом Президента Российской Федерации № 988 от 2011 года была образована Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации, основной задачей которой является совершенствование законодательства в области противодействия экстремизму, разработка мер, направленных на совершенствование деятельности, координация правоохранительных органов по указанному вопросу [13]. Данный орган, реализуя свои задачи, играет важную роль для повышения эффективности деятельности органов по противодействию экстремистской деятельности.

Стоит отметить, что субъектами противодействия экстремизму также являются иные федеральные и региональные органы государственности власти Российской Федерации, органы местного самоуправления, которые активно участвуют в совершенствовании законодательной базы в данной сфере, и Президент Российской Федерации, который определяет основные направления указанной деятельности. Нельзя умалять роль прокуратуры Российской Федерации, которая осуществляет надзор за соблюдением законодательства в сфере борьбы с экстремизмом.

Таким образом, в современной России правоохранительные органы наиболее эффективно реализуют меры по противодействию этому антиобщественному явлению при поддержке иных органов, осуществляющих нормативное регулирование в указанной сфере.

Резюмируя все вышесказанное, представляется наиболее целесообразным говорить о том, что на протяжении нескольких веков в России правоохранительные органы тем или иным образом осуществляли борьбу с проявлениями экстремизма. В ходе истории органы неоднократно реформировались, менялась их компетенция, которая отвечала требованиям той или иной общественно-политической ситуации в стране и на международной арене. Сегодня, в XXI веке, сформировалась эффективная система правоохранительных органов, активно взаимодействующая с иными ветвями власти, которая осуществляет квалифицированную и действенную борьбу с экстремизмом, имеющую своей главной целью сохранение общественного порядка и общественной безопасности, а также обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бредихин А.Л. III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в истории российского политического сыска // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 5–11.
2. Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Инакомыслие в советском обществе: этапы становления и развития (с середины 1950-х до начала 1990-х годов) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 112–119.

3. Камалова Г.Т. Подразделение ВЧК – ГПУ – ОГПУ в системе органов государственной власти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 7 (266). – С. 14–19.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 3 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 17.05.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Организация городской полиции по «Уставу благочиния или полицейскому» 1872 года // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 2. – С. 31–37.
6. Матвеев С.Е. Некоторые аспекты деятельности органов ОГПУ – НКВД на северо-западе России в 1920-1930 годы // Вестник РУДН. Серия История России. – 2009. – № 5.
7. Погорельцев В.И. Зарождение и развитие экстремизма в мире и России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3–2 (42). – С. 178–184.
8. Романова А.В. Становление и развитие компетенции МВД Российской империи в начале XIX – начале XX в. (на примере исполнительной полиции) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 4. – Ч. 1. – С. 56–63.
9. Синцов Г.В., Первушкин А.В. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 25–29.
10. Спиридонов А.П. Особенности развития уголовного права в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29). – С. 112–117.
11. Указ Президента Российской Федерации от 26.07.2011 № 988 (ред. от 17.02.2016) «О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 31. – Ст. 4705.
12. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О федеральной службе безопасности» // Российская газета. 1995. № 72.
13. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

МЕСТО И РОЛЬ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Салтык Г.А.,

доктор исторических наук, профессор
(Курский государственный университет)

Аннотация: в статье на материалах Государственного архива Курской области рассказывается о деятельности околоточных надзирателей губернского центра в конце XIX – начале XX в. Введены в научный оборот биографические данные участковых уполномоченных г. Курска, составленные автором на основании их формулярных списков.

Ключевые слова: Курская губерния, полиция, околоточный надзиратель, правоохранительные органы.

THE PLACE AND ROLE OF DISTRICT COMMISSIONERS IN THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF THE KURSK PROVINCE POLICE

Saltyk G.A.,

Doctor of Historical Sciences, Professor
(Kursk State University)

Abstract: the article, based on the materials of the State Archive of the Kursk region, describes the activities of the district supervisors of the provincial center in the late XIX – early XX century. Biographical data of the district commissioners of Kursk, compiled by the author on the basis of their form lists, have been introduced into scientific circulation.

Keywords: Kursk province, police, district supervisor, law enforcement agencies.

В 1862 г. были приняты «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний», согласно которым городская полиция Российской империи претерпела существенную реорганизацию. Прежде всего, город был разделен на участки, а те в свою очередь – на околотки, во главе которых были поставлены околоточные надзиратели. Им подчинялись городовые (рядовые полицейские) и дворники, которые в то время выполняли и полицейские функции. Непосредственным начальником околоточного надзирателя являлся участковый пристав [1].

Обязанности околоточного надзирателя были изложены в «Инструкции околоточным надзирателям городского полицейского управления», принятой в 1867 г. Он должен был предупреждать и пресекать преступления на «вверенной ему территории», где проживало 3–4 тысячи жителей [2].

Примечательно, что полицейский должен был знать всех жителей своего околотка, и прежде всего – владельцев гостиниц и меблированных квартир, постоялых дворов, их поверенных и конторщиков, а также извозчицких старост и даже всех лошадей околотка. В его непосредственные обязанности входило наблюдение за тем, чтобы в гостиницах, меблированных квартирах и частных домах «никто не останавливался и не проживал без паспортов или прописки в участковом управлении» [2].

Под особым контролем околоточных находились лица, за которыми было установлено наблюдение губернского жандармского управления. Они не только должны были помогать сыскной полиции осуществлять розыск «политических преступников», но и обязаны были принимать участие в их задержании.

На околоточных также возлагалась ответственность за поддержание порядка на улицах и площадях. Особое внимание они должны были уделять сохранению правопорядка «во время проведения разного рода массовых мероприятий», недопущению уличных ссор и драк, а также обязаны были следить за тем, чтобы «кому-либо из проходящих» и в первую очередь женщинам и детям, «не наносились насмешки, и оскорбления» [2].

Среди обязанностей околоточных важное место занимала забота о «чистоте нравственности». В поле их зрения находились трактирные заведения и другие публичные места. Околоточный не только следил за тем, чтобы они открывались и закрывались «в установленное время», но и контролировали соблюдение их владельцами правил вывоза нечистот из мусорных и выгребных ям, «дабы не допустить зловония».

В «Инструкции...» были прописаны и действия надзирателя во время пожара. Именно он должен был организовать оцепление загоревшегося здания городскими и обеспечивать порядок свободного проезда бочек с водой к месту происшествия, а также помогал погорельцам спасти их имущество и не допустить его разграбления.

И все же одной из важных обязанностей околоточного считалось «своевременное пресечение воровства, разбоя и других преступлений. При этом «Инструкция...» предписывала ему «следить за освещением лестниц, опасных мест на улицах и т.п.» [2].

Каким же был внешний облик участкового уполномоченного Российской империи? Прежде всего, это был человек «приятной наружности» и физически развит. Его обязательными атрибутами являлись шашка, револьвер и свисток, с помощью которого надзиратель наводил порядок на своем участке, а также в случае надобности вызывал подкрепление. А еще частью имиджа околоточного был портфель. В нем хранились документы, которые он заполнял, посещая «свидетелей» и «нарушителей правопорядка». По закону эти документы следовало оформлять на месте, а не в полицейском участке.

На государственную службу в должности околоточного надзирателя принимались лица не моложе 21 года и не старше 40 лет. Зачастую увольнялись по прошению за выслугу лет, иногда переводились на службу в другие губернии. Заработная плата курских околоточных была не более 500 руб. из которых –

400 рублей в год составлял оклад и 100 рублей выдавались городским отделением полиции на содержание квартиры.

Итак, околоточный надзиратель являлся очень важной фигурой в структуре городского полицейского управления. Что нам известно о лицах, занимавших эту должность в полицейском управлении г. Курска – одного из губернских провинциальных городов Российской империи?

Заметим, что на рубеже XIX – XX вв. в управлении числилось от 10 до 14 околоточных надзирателей, так как губернский центр был разделен на 4 части, в каждой из которых имелось 3–4 околоточных надзирателя.

В 1913 г. в этой должности числились не имеющие чина (далее – н.ч.) А.Н. Митропан, И.М. Кузнецов и Н.П. Мануйлов, отставной хорунжий С.П. Анофриев, коллежский регистратор (далее – кол. рег.) В.С. Силаков (1-я часть); н.ч. Н.Н. Чеботарев, губернский секретарь (далее – губ. сек.) Н.А. Коршунов-Осмоловский, кол. рег. П.Г. Шевченко, н.ч. В.А. Лихач (2-я часть); кол. сек. П.Ф. Маляров, н.ч. М.К. Лохвицкий, н.ч. В.К. Емельянов (3-я часть); кол. рег. П.М. Сальников и И.В. Морозов, н.ч. В.П. Ковалевский (4-я часть) [3, с. 78–79].

В 1914 г. курскими околоточными были следующие лица: н.ч. И.М. Кузнецов, Ф.П. Амелин и В.А. Аверин, отставной хорунжий С.П. Анофриев, кол. рег. В.С. Силаков, (1-я часть); н.ч. В.П. Ковалевский, К.Д. Жуков, М.К. Лохвицкий, кол. рег. Т.Я. Мигай (2-я часть); н.ч. П.С. Моляров, В.К. Емельянов и Н.Н. Чеботарев, заурядный военный чиновник П.Т. Пенкин, (3-я часть); н.ч. В.А. Лихачев, В.И. Бондалетов и А.В. Панькевич (4-я часть) [4, с. 80].

В 1915 г. околоточными надзирателями 1-й части города (пристав Евгений Октавианович Шмидт) являлись коллежские регистраторы П.В. Ставицкий и Д.И. Морозов, а также канцелярский служащий А.М. Ландышев; 2-й части (пристав – кол. ассессор В.Т. Воинов) – кол. сек. И.А. Мухин, губ. сек. В.Г. Волков, н.ч. чина В.К. Агафонов; 3-й части (пристав – кол. ас. В.М. Шеффер) – кол. рег. С.А. Батюта, губ. сек. Н.В. Жильцов, н.ч. чина Ф.В. Поляков; 4-й части (пристав – кол. рег. П.П. Бартенев) – н.ч. Ф.Я. Локтионов, М.М. Никифоров и губ. сек. Н.А. Филиппов [5, с. 83–84].

И, наконец, в 1916 г. в этой должности служили н.ч. Н.В. Малышев, губ. сек. Н.А. Филиппов, Дм. Анд. Гордишев (1-я часть); губ. сек. Н.В. Жильцов, кол. рег. С.В. Реутовский и Я.И. Смежский (2-я часть), кол. сек. И.А. Мухин и Ф.В. Поляков (3-я часть), губ. сек. В.Г. Волков, Ф.Я. Локтионов и Т.С. Иванищев (4 часть). Примечательно, что в 1916 г. околоточные надзиратели появились и в слободе Ямская. Ими были губернский секретарь П.В. Ставицкий и не имеющий чина И.И. Чередниченко [6, с. 82–83].

В фонде «Курского губернского правления» нами были обнаружены формулярные списки околоточных надзирателей, находящихся на службе в Курской городской полиции. Один из них – Афанасий Васильевич Аверин. Он родился в крестьянской семье. Вступил добровольно в войска, действовавшие против Японии в апреле 1904 г. До окончания войны служил санитаром 4-го Санкт-Петербургского летучего отряда. Приказом командующего Маньчжурской ар-

мией от 21 мая 1905 г. за № 390 «за самоотверженный уход за ранеными в период боев в августе и сентябре 1904 г.» был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте для ношения на груди с надписью «За храбрость». 19 января 1906 г. приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии, от 8 августа 1905 г. № 1634 «за мужество и храбрость, высказанные при выносе раненных из окопов под деревней Маэтунь в ночь с 18 на 19 августа 1904 г. во время Леоянских боев» был награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени (ЗОВО). В 1913 г. ему также была Высочайше пожалована медаль Красного Креста «В память участия в деятельности общества во время русско-японской войны» и медаль «В память царствования 300-летия Дома Романовых» [7, л. 7].

В феврале 1913 г. при педагогическом совете Курского реального училища «выдержал испытания в науках на право получения классного чина». До поступления на службу в городскую полицию А.В. Аверин являлся урядником Фатежской полицейской стражи 4-го участка 2-го стана Смородинской волости. 31 июля 1913 г. «ввиду открывшейся вакансии околоточного надзирателя 1-й части г. Курска», Фатежский уездный исправник ходатайствовал перед губернатором о том, чтобы определить на эту должность А.В. Аверина. При этом исправник заявлял, что «урядник Аверин по своим служебным и нравственным качествам соответствует назначению на прочимую должность...» [7, л. 8].

В этой должности он прослужил до 10 ноября 1914 г., а затем был направлен курским губернатором Н.П. Муратовым в Львовское городское полицейское управление, где возглавил один из околотков. Однако вскоре А.В. Аверин вернулся на службу в полицию Курской губернии. Сохранилась его докладная записка на имя Курского губернатора, датированная 9 апреля 1915 г., в которой, в частности, он просил предоставить ему должность полицейского надзирателя в одном из уездов Курской губернии. С лета 1915 г. Аверин исполнял обязанности пристава, а затем полицейского надзирателя 2-й части г. Путивля. Уволен со службы приказом исполняющего обязанности курского губернского комиссара от 12 апреля 1917 г. [7, л. 9–10].

Из немногочисленных формулярных списков околоточных надзирателей г. Курска удалось выявить следующее: практически все они пришли служить в городское полицейское управление или имея за плечами опыт военной службы, или же – гражданской. Так, Александр Митрофанович Ландышев – сын коллежского советника «в службу вступил» в числе канцелярских служителей Керенского уездного полицейского управления Пензенской губернии писцом 3-го разряда в 1901 г. С 1903 по 1906 г. он находился на действительной военной службе в штабе 7-й кавалерийской дивизии. Приказом курского губернатора от 16 мая 1904 г. назначен околоточным надзирателем 4-й части г. Курска. Однако в декабре того же года уволен со службы «по прошению». В сентябре 1915 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству А.М. Ландышев был произведен в коллежские регистраторы со старшинством [8, л. 7].

Зачастую «за плечами» у курских околоточных были годы службы в полицейских органах других губерний. Так, И.М. Горностаев в 1905–1907 гг. служил в Екатеринославской городской полиции в должности околоточного

надзирателя, затем помощником пристава в Таганрогской полиции Области Войска Донского (1908 г.). В ходатайстве генерал-лейтенант Таубе с места службы И.М. Горностаева, направленного на имя курского губернатора М.Э. Гильхе, отмечалось: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что коллежский регистратор И.М. Горностаев, состоя на службе в Таганрогской городской полиции с 9 апреля 1907 г. по 14 марта 1908 г., был поведением и нравственных качеств хороших и от должности помощника пристава был уволен по прошению». В 1909 г. приказом курского губернатора он был назначен околоточным надзирателем пригородной слободы Ямской г. Курска. Был награжден медалью «В память царствования Александра III». Как отмечается в его формулярном списке – «за время службы ни в чем предосудительном замечен не был, служебные свои обязанности исполнял безукоризненно, и поведением, и нравственности хорошей» [9, л. 3–8].

Многие околоточные г. Курска были направлены в городскую полицию из других регионов страны. Так, Михаил Михайлович Никифоров до того, как его назначили околоточным надзирателем 4-й части г. Курска в 1914 г., служил в полиции Тамбовской губернии: в марте 1909 г. был зачислен в штат Тамбовского городского полицейского управления кандидатом на полицейскую должность. В июле того же года направлен в штат Кирсановского полицейского управления. В послужном списке надзирателя имеются сведения о том, что 7 июля 1914 г. приказом курского губернатора за № 14572 ему была объявлена благодарность за «отличную усердную службу и деятельность, благодаря чему был образцовый порядок во время выноса святой иконы «Знамение Божьей матери» из г. Курска в Коренную пустынь» [10, л. 17].

Заметим, что награды имели многие околоточные исследуемого периода. Среди них – надзиратель 3-й части г. Курска (1910 г.) Николай Павлович Мишин. Он был награжден двумя бронзовыми медалями: «В память Отечественной войны 1812 г.» и «В память 300-летия царствующего дома Романовых» [11, л. 3–7].

В целом, нами были проанализированы десятки формулярных списков служащих полицейского управления г. Курска. В большинстве своем это были честные и порядочные люди, преданные своему делу, о чем свидетельствуют их послужные списки. Они действительно являлись главными защитниками интересов жителей вверенной им территории, первыми приходили к ним на помощь, первыми получали известие о происшедшем преступлении, беспорядке или несчастном случае, восстанавливали «всеми находящимися в их распоряжении способами порядок и спокойствие», задерживали виновных, а также оказывали защиту и помощь тем, кто в этом нуждался.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых (Извлечения) // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20406 [Электронный ресурс]. – URL: intrestinghistory.ru/ihs-792-7.html (дата обращения: 24.11.21).

2. Инструкция околоточным надзирателям. 1867 г. [Электронный ресурс]. – URL: cyberpedia.su›3x2003.html (дата обращения: 24.11.21).

3. Курский адрес-календарь. 1913-й год. – Курск: Тип. Курского губ. правления, 1913. – 439 с.

4. Курский адрес-календарь. 1914-й год. – Курск: Тип. Курского губ. правления, 1914. – 490 с.

5. Курский адрес-календарь. 1915-й год. – Курск: Тип. Курского губ. правления, 1915. – 487 с.

6. Курский адрес-календарь. 1916-й год. – Курск: Тип. Курского губ. правления, 1916. – 369 с.

7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 2894. 38 л.

8. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 3022. 31 л.

9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1518. 55 л.

10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 3027. 54 л.

11. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 3099. 84 л.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВА В КОНЦЕПЦИИ В.Н. ЛЕШКОВА

Трофимова С.А.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье отражено становление концепции общественного права Василия Николаевича Лешкова в контексте полицейско-правовой науки во второй половине XIX – начале XX века, обозначены ее особенности. Общественное право рассмотрено с точки зрения науки: определены сущность, предмет, система, субъект, объект. Приведены различные взгляды ученых на концепцию общественного права.

Ключевые слова: отечественная политико-правовая мысль второй половины XIX – начала XX века, полицейское право, государственное управление, взаимоотношения общества и государства, В.Н. Лешков, общественное право, народ, сущность, предмет, система, субъект, объект.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF PUBLIC LAW IN THE CONCEPT OF V.N. LESHKOVA

Trofimova S.A.,

Adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article reflects the formation of the concept of public law by Vasily Nikolaevich Leshkov in the context of police-legal science in the second half of the 19th – early 20th centuries, and outlines its features. Public law is considered from the point of view of science: the essence, subject, system, subject, object are determined. Various views of scientists on the concept of public law are presented.

Keywords: domestic political and legal thought of the second half of the 19th – early 20th centuries, police law, public administration, relations between society and the state, V.N. Leshkov, public law, people, essence, subject, system, subject, object.

В современных условиях продолжающегося строительства правового государства и развитого гражданского общества в России вопрос обеспечения баланса личного, общественного и государственного интересов выходит на первый план. При формировании новых подходов к проблемам государственного управления и определению оптимальных моделей организации общества необходимо уделить особое внимание изучению исторически сложившихся концепций и накопленному научному опыту отечественных правоведов. Российское теоретико-правовое наследие несомненно богато своим содержанием. Кроме того, его отличает собственная самобытная постановка многих значимых вопросов правовой теории и оригинальные подходы к их разрешению.

В этом контексте интерес представляет теория общественного права. Учение об общественном праве стало развиваться в правовой мысли ученых Российской империи в XIX веке. Автором данного направления в отечественной науке является декан юридического факультета Московского университета (1863–1872), председатель Московского юридического общества (1865–1881) Василий Николаевич Лешков.

XIX век в правовой истории России знаменуется становлением и развитием науки благоустройства и благочиния, именованной позже наукой полицейского права. Основные вопросы этой научной области касались проблем внутреннего управления и взаимоотношений общества и государства. И если одни ученые-правоведы развивали «прозападные» взгляды, основной субъект в которых представлен государством, то В.Н. Лешков разработал теорию общественного права, где сделал акцент на исконно-русских исторических началах, а в качестве субъекта представил народ.

Несмотря на то, что общественное право развивалось из права полицейского, и во многих исследовательских трудах его зарождение выделяется в рамках третьего этапа развития отечественной полицейско-правовой теории, это учение существенно отличается от ключевых идей, высказываемых полицейстами.

В полицейском праве народ был представлен в качестве объекта управления, прерогатива отдавалась исключительно вертикальным управленческим отношениям. Согласно концепции общественного права центр управления обществом находится не в «верхних этажах власти» (не в правительстве и губерниях), а «внизу» – в общине, которую он называл «мир», приходе, селе, городе. Именно посредством местного самоуправления, по мнению В.Н. Лешкова, люди могут компетентно решать свои насущные проблемы [1, с. 91].

Согласно воззрениям ученого «развитие не совершается насильем», и «не отвлеченные проекты законов должны управлять народом, а законы, возбужденные нуждами и развитием народной жизни». И взгляд на историю именно «снизу вверх, с земли и почвы» он считал «последним словом исторической науки» [6, с. 2].

Кроме того, в своих фундаментальных трудах «Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии» (1855 г.), «Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII в.» (1858 г.), «Общественное право» (1871 г.), «О праве самостоятельности» (1871 г.), «Общественное право народонаселения» (1875 г.) все процессы, связанные с регулированием общественных отношений, он старается осмыслить с точки зрения исторического прошлого народа. Объясняется это тем, что без анализа специфики народной организации в историческом контексте, без определения основных реализуемых им функций, нельзя назвать субъекта, определяющего правила поведения в обществе [9, с. 230].

Этот подход преобладает не только в рассмотрении вопросов внутреннего управления государством, но и касается внешней политики. В.Н. Лешков неоднократно подчеркивал, что сила русской дипломатии «в удержании отечественных исторических начал» [5, с. 155].

Особенность учения В.Н. Лешкова об общественном праве заключается и в том, что в рассуждениях о взаимоотношениях общества и государства он использует «самобытный» взгляд, выраженный в рассмотрении явлений и процессов с позиций национальной русской государственности. «Образование государственного союза в нашем отечестве имело свой особенный путь и свои особенные условия» [8, с. 1], – именно с этой мысли ученый начинает размышлять о предмете и значении общественного права. Он призывал обращаться «к установлению тех различий, которые существуют между нами и Западом, и тех особенностей, которые достойны развития, достойны стать общечеловеческим достоянием, как плоды русского ума и труда» [7, с. 4].

Суть общественного права В.Н. Лешков усматривает в праве частных лиц и общества на ту деятельность и на те средства, которыми совершается в государстве развитие и обеспечение цивилизации или благосостояние народа [10, с. 427]. Поэтому и предметом полиции, по мнению ученого, является не что иное, как благосостояние народа, причем как физическое, так и нравственное, духовное [4, с. 89], а само общественное право охватывает всю внутреннюю жизнь государств и народов [3, с. 314].

Общественное право В.Н. Лешков позиционирует как связующее и необходимое звено между частным (гражданским) и публичным (государственным) правом. Исходя из этого, он выделяет в государстве три интереса: политический, гражданский, общественный.

Политический интерес выражается в вопросах внешней самостоятельности, а также внутреннего устройства и управления государства. Гражданский интерес заключается в обеспечении личной безопасности, имущественных прав, законности правоотношений. Общественный интерес, в концепции В.Н. Лешкова, включает все то, что не принадлежит ни государству, ни личности, а принадлежит в целом населению и состоит в вещественном и духовном благосостоянии народа [8, с. 7].

Поэтапное восхождение от частного к общественному, а общественного к государственному обеспечивает, по мнению В.Н. Лешкова, гармоничное слияние частного с общим. Именно в таком виде участие закона и государства теряет значение патронатства и принимает характер управления [8, с. 17].

Права обществ относительно государства и частных лиц с их взаимными обязанностями формируют систему общественного права [8, с. 16].

Субъектами в общественном праве являются семейства, общины, в целом народ, население. Частные лица, входя в общество, приобретают определенные права, которые единолично им недоступны. Специфичной чертой является и то, что общественное право восстанавливает в правах различные слои населения, в том числе неблагополучные, которые по гражданскому праву либо в них ограничены, либо вообще не имеют.

Объектами в общественном праве выступают в целом природа и все народные средства (дороги, каналы, почты, школы и другие учреждения, создаваемые для удобства, развития и просвещения). Субъекты используют объекты с обязательным условием сохранения прав для будущих поколений [8, с. 17].

Таким образом, в отечественной полицейско-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века появляется новое видение вопросов государственного управления, взаимоотношения общества и государства. В.Н. Лешков на основании историко-правового национального подхода разработал уникальную науку общественного права, с собственными предметом, субъектом, объектом, системой. Его воззрения были поддержаны и другими учеными, среди которых М.М. Шпилевский, Е.В. Спекторский.

Однако следует отметить, что концепция получила неоднозначные оценки. К примеру, И.Е. Андреевский, как убежденный полицейист-административист, критиковал многие положения общественного права. В то же время такой же сторонник полицейского права в его классическом виде – А.И. Елистратов отзывался о В.Н. Лешкове как об ученом, «который, опережая опыт Рёзлера, в конце пятидесятых годов попытался выработать особую систему общественного права взамен полицейского», признавая тем самым дальновидность своего современника и перспективность его идей.

А среди историков права были сделаны такие выводы: «...концепция «общественного права» В.Н. Лешкова в идейно-политическом плане опережала своё время», «в научно-историческом плане концепции историков и историков

права славянофильского толка были намного ближе к реальной действительности, чем концепции западников...» [2, с. 72].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дергилева С. Государственно-правовые воззрения А.И. Елистратова: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 450 с.
2. Емельянова И. «Общественное право» В.Н. Лешкова // Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение». – 1987. – № 6. – С. 66–73.
3. Лешков В. // Москвитянин. – 1843. – № 1. – С. 314.
4. Лешков В. // Москвитянин. – 1843. – № 5. – С. 89.
5. Лешков В. Еще о русском воззрении на науку и начале общинности в древней России // Москвитянин. – 1856. – №3. – С. 153–159.
6. Лешков В. Общинный быт древней России. – СПб., 1856. – С. 137 с.
7. Лешков В. Русские основы права. – М.: Тип. Бахметева, 1863. – 29 с.
8. Лешков В. Русский народ и государство: История рус. обществ. права до XVIII в. / Соч. В. Лешкова. – Москва: Унив. тип., 1858. – 613 с.
9. Нижник Н. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы международной научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.). В 2-х т. Т. II. – Санкт-Петербург: СПб ун-т МВД России, 2016. – С. 228–235.
10. Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX век: Хрестоматия / сост. и вступит. ст. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. – 624 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ В СССР

Трошкина Д.Э.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье отражены предпосылки становления законодательства о борьбе с контрреволюцией в советский период. Рассмотрены первые нормативно-правовые акты, содержащие элементы понятия и видов контрреволюции, проанализировано первоначальное советское уголовное законодательство в контексте борьбы с контрреволюционной деятельностью.

Ключевые слова: контрреволюция, СССР, РСФСР, Конституция РСФСР (1918 г.), Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.), советское законодательство, контрреволюционная деятельность, государственные преступления, контрреволюционные преступления, Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF LEGISLATION ON THE FIGHT AGAINST COUNTERREVOLUTION IN THE USSR

Troshkina D.E.,

Adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article reflects the prerequisites for the formation of legislation on the fight against counterrevolution in the Soviet period. The first normative legal acts containing elements of the concept and types of counterrevolution are considered, the original Soviet criminal legislation is analyzed in the context of the fight against counterrevolutionary activities.

Keywords: counterrevolution, USSR, RSFSR, Constitution of the RSFSR (1918), Criminal Code of the RSFSR (1922), soviet legislation, counterrevolutionary activities, state crimes, counterrevolutionary crimes, All-Russian and local emergency commissions for combating counterrevolution, speculation and ex officio crimes.

В современной отечественной историографии особое внимание уделяется исследованию правовых аспектов развития российского общества в разные исторические эпохи. Одним из важнейших и интереснейших событий отечественной истории является становление и развитие советского законодательства о борьбе с контрреволюцией. Исследование и анализ правоприменительной практики советского периода о контрреволюционных преступлениях имеет особое значение для современного правотворческого процесса.

С приходом советской власти совершился исторический переворот перехода от капитализма к социализму. Назрел вопрос об обновлении законодательства и принятии новых нормативных актов, которые закрепляли бы цели создания советского государства, статус граждан, их права и обязанности, правовое положение государственных органов власти. Первыми актами на пути реформирования общества и установления советской власти были: декрет от 26 октября 1917 г. «О мире», декрет от 27 октября 1917 г. «О земле», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» от 13 января 1918 г., декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении актов состояния», декрет от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака», декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [2, с. 289–290] и другие.

Данная нормативная база послужила основой для подготовки и разработки Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР). На V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г. была принята, а 19 июля 1918 г. официально опубликована Конституция РСФСР [6], закреплявшая основные положения об устройстве государства и государственных органов, о равенстве всех граждан, их правах и обязанностях, ликвидации классов, избирательном пассивном и активном праве. Основными обязанностями согласно принятой Конституции РСФСР провозглашались труд граждан и защита Отечества. Несмотря на положительный момент

разработки и принятия Основного закона страны, одним из его недостатков является классовый подход при наделении граждан правами, так, например, права в основном принадлежали классу трудящихся, то есть рабочим и крестьянам, а представители капиталистического класса, таким образом, ущемлялись в политических правах.

Нормотворческая деятельность советской власти реформировала основные институты и отрасли права и способствовала появлению новых норм. Так, изменения произошли в гражданском, трудовом, семейном и уголовном праве. Особое внимание советской власти заслуживала борьба с контрреволюционной деятельностью. Первые нормативные акты содержали некоторые элементы понятия контрреволюции и ее отдельных видов. Так, декрет «О суде № 1» [6], принятый 24 ноября 1917 г., содержал тезисы о создании революционных трибуналов по борьбе с контрреволюционной деятельностью. Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» [6] предусматривает создание специализированных трибуналов по борьбе с контрреволюцией, совершенной посредством печати. К преступлениям и проступкам антисоветского характера, совершенных путем использования печати, относятся любые ложные сообщения или сведения о явлениях в общественной жизни, потому как они посягают на права и интересы революционного народа. Постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» [6] гласит, что к любому, кто не согласен с государственным устройством советского государства, будут применяться все имеющиеся средства подавления, в том числе вооруженные силы. Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне» [6], в соответствии с которым человек или группа лиц привлекались к ответственности за созыв людей набатным звоном, тревожными гудками или иными действиями к совершению контрреволюционных деяний.

Виды контрреволюционных преступлений изменялись в зависимости от смены форм классовой борьбы. На первоначальном этапе распространенными контрреволюционными общественно опасными деяниями были контрреволюционные заговоры и саботаж [5, с. 173].

Особое значение в борьбе с контрреволюцией имеет уголовное законодательство советского государства. Первым актом, который систематизировал положения общей части уголовного права и обобщил судебную практику, было постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» [6]. В качестве основной задачи советское уголовное право определяет охрану общественных отношений путем репрессий. В данном акте закреплялись положения об обстоятельствах, определяющих вид наказания, понятиях преступления, невменяемости, субъекта преступной деятельности, формах вины, стадиях совершения преступления и видах соучастия, институте наказания [3, с. 30–31]. «Руководящие начала» содержали основные принципы уголовной политики советского государства, служили предпосылкой для создания кодифицированного Уголовного кодекса. Стоит отметить, что «Руководящие начала» были неполноцен-

ными, так как включали в себя нормы только Общей части, Особенная часть с видами преступлений и предусмотренными за их совершение санкциями отсутствовала. Поэтому судьям при отправлении правосудия приходилось руководствоваться исключительно революционным правосознанием и существовавшими декретами.

Понятие контрреволюционного преступления было сформулировано в уголовном советском праве. Советская юридическая мысль впервые столкнулась с необходимостью дать исчерпывающее определение государственным преступлениям и сконструировать дефиницию «контрреволюционных преступлений», а также классифицировать их по определенным основаниям. Целая глава Особенной части Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) от 1 июня 1922 г. была посвящена государственным преступлениям, в том числе контрреволюционным. Согласно статье 57 УК РСФСР контрреволюционным преступлением признается «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [1, с. 12]. Человека, совершившего данное общественно опасное деяние, называли контрреволюционером, под которым понимали «человека, восстающего против революции, против масс, создавших и проводивших эту революцию, против порядка, установленного этой революцией, против государства, созданного этой революцией» [4, с. 275].

Для борьбы с контрреволюцией ВЦИК принял 2 ноября 1918 г. декрет «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (положение)». В соответствии с декретом Всероссийская Чрезвычайная Комиссия объединяла деятельность местных Чрезвычайных Комиссий и вела непосредственную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями. Стоит обратить внимание на тот факт, что Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем не являлась официально судебным органом власти, в ее обязанности входило проведение предварительного расследования по данным преступлениям и направление их на рассмотрение в Революционные трибуналы, а на практике указанный орган власти выносил приговор самостоятельно и приводил его в исполнение. Это свидетельствует о том, что в советском государстве нарушался принцип отправления правосудия только судом, что приводило к произволу и местному волюнтаризму.

Таким образом, контрреволюция представляет собой общественное явление, направленное на реставрацию или сохранение отжившего общественного или государственного строя. Контрреволюционная деятельность в России возникла в ответ на революцию, совершенную большевиками. Поэтому возникла потребность в подавлении капиталистического класса, проведении репрессивной политики, установлении диктатуры пролетариата.

Данная необходимость имеет место быть, так как к 1917 году в обществе сформировались все необходимые условия для перехода к следующему историческому этапу. Устаревшие порядки, экономические трудности, нерешенный аграрный вопрос, безграмотность общества, трудные условия жизни рабочих, изжившее себя самодержавие. Все это свидетельствует о закономерности исторического перехода от буржуазного общества к построению социалистического государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственные преступления: учебник / А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. – Москва: НКЮ РСФСР, 1938. – 159 с.
2. Данилевская И.Л. Первые советские законодательные акты в формировании советского конституционализма // Образование и право. – 2021. – № 1. – С. 287–292.
3. Иванов А.Б. История отечественного государства и права (советский период): учебное пособие и права (советский период): учебное пособие. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2013. – 168 с.
4. Энциклопедия государства и права. – Москва: Коммунистическая академия, 1925–1927. Т. 2. – 746 с.
5. Юрминимум: учебное пособие / под ред. Н.В. Крыленко. – Москва: Сов. законодательство, 1935. Ч. 1. – 216 с.
6. Законодательство СССР: Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик / Полное собрание 20 000 документов с 1917 по 1992 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).

**ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
ОПЫТА ДОЛГОСРОЧНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Трусов Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России)

Аннотация: в статье анализируются и приводятся критические суждения об отечественном опыте долгосрочного планирования социально-экономического развития России на современном этапе ее истории. Делается вывод о том, что в эволюции стратегического планирования современной России можно выделить несколько этапов, появление которых является правовым последствием критического осмысления опыта долгосрочного планирования социально-экономического развития России. По мнению автора, в настоящее время Россия находится на седьмом этапе эволюции – этапе построения системы долгосрочного стратегического планирования социально-экономического развития России.

Ключевые слова: план, планирование, стратегическое планирование, развитие России, национальная безопасность, критика, правовые последствия.

**STAGES OF THE EVOLUTION OF STRATEGIC PLANNING IN MODERN RUSSIA
AS LEGAL CONSEQUENCES OF CRITICAL COMPREHENSION
EXPERIENCE IN LONG-TERM PLANNING OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Trusov N.A.,

Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes and provides critical judgments about the domestic experience of long-term planning of socio-economic development of Russia at the present stage of its history. It is concluded that there are several stages in the evolution of strategic planning in modern Russia, the appearance of which is a legal consequence of a critical understanding of the experience of long-term planning of socio-economic development of Russia. According to the author, Russia is currently at the seventh stage of evolution – the stage of building a system of long-term strategic planning of socio-economic development of Russia.

Keywords: plan, planning, strategic planning, development of Russia, national security, criticism, legal consequences.

История становления стратегического планирования в современной России берет свое начало с момента образования современного российского государства, т.е. с 25 декабря 1991 года. К этому моменту советская система долгосрочного планирования была разрушена, а само понятие «планирование» исчезло из официального употребления. Федеральные власти занимались вопросами стабилизации государственности как таковой. Предпринимаемые ими усилия были направлены на стабилизацию экономического и социального положения в стране, однако в это же время началось финансирование сначала федеральных программ развития отдельных территорий (например, для Сахалинской области была разработана федеральная программа развития Курильских островов), затем – программы развития целых регионов: республик Саха (в 1995 году) и Башкортостан (в 1996 году) [1, с. 5]. Поэтому данный период развития стратегического планирования в России скорее следует назвать *этапом регионального планирования*.

Этап возрождения федерального планирования мы связываем с принятием Федерального закона от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [2]. Существенным дефектом данного закона было то, что он не устанавливал ни перечень «программных документов», ни требования к ним, ни иные процедурные вопросы. Впрочем, именно он создал правовую основу для разработки документов стратегического планирования, появление которых в период разгула преступности, разрастающейся коррупции и экономического кризиса было далеко не первоочередной задачей. Тем не менее, 1 апреля 1996 года Президент Российской Федерации утверждает «Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [3] (в настоящее время действует), а 17 декабря 1997 года – первый документ стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности России – Концепцию национальной безопасности [4] (утратила юридическую силу 12.05.2009).

Уже в начале 2000 года Центр стратегических разработок внес в Правительство Российской Федерации «Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2010 года» (далее – «Стратегия 2010»). В Правительстве Российской Федерации были подготовлены «Основные направления социально-экономической политики Правительства на долгосрочную перспективу», которые в урезанном варианте были одобрены Правительством Российской Федерации в июне 2000 года [5], но в виде нормативного акта так приняты и не были [6]. Причина этого видится в массе критических замечаний, высказанных в отношении «Стратегии 2010». В частности, Л.И. Абалкин прямо указывал на то, что исходные тезисы «Стратегии 2010»: «...противоречит реальной практике и не подкреплено никакими расчетами...», «...полностью противоречит данным Всемирного банка...», «...противоречит намерению Владимира Путина создать в стране сильное, эффективное государство...» [7, с. 34]. По мнению С.Ю. Глазьева, «Стратегия 2010» по своему духу «больше подходит слаборазвитому африканскому государству, не имеющему ни собственного научно-промышленного и интеллектуального потенциала, ни каких-либо перспектив самостоятельного успешного развития» [7, с. 36].

Таким образом, к началу нулевых годов XXI века стратегическое планирование социально-экономического развития России реализовывалось в виде программ развития на среднесрочную перспективу (2002–2004, 2003–2005), утвержденными Правительством Российской Федерации [8, 9], а основные направления внутренней и внешней политики на очередной год определялись Президентом Российской Федерации в его ежегодных посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации.

Очередной этап развития стратегического планирования в современной России можно назвать *проектным*. Впервые термин «национальный проект» публично прозвучал в ежегодном послании Президента Российской Федерации В.В. Путина 25 апреля 2005 года [10], а уже 5 сентября Президент Российской Федерации объявил о начале реализации в стране приоритетных национальных проектов [11]. Были разработаны и начали реализовываться три приоритетных национальных проекта: «Здоровье», «Образование», «Жилье», которые фактически реализовывались вплоть до 2018 года. Дело в том, что 7 мая 2018 года Президент России подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [12], которым были утверждены уже 12 новых национальных проектов, среди которых: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; наука; цифровая экономика и другие.

Сегодня национальные проекты рассматриваются как важнейшие инструменты достижения национальных целей развития, хотя надо признать, что у разного рода специалистов есть много вопросов как к их разработке, так и к их осуществлению. В частности, С.С. Горохова справедливо отмечает, что нормативная неопределенность, выраженная в нерешенности ответа на вопрос о восприятии национальных проектов как подпрограмм государственных программ Российской Федерации или же разновидности ведомственных целевых программ, или же отдельных мероприятий органов государственной власти «существенным образом затрудняет выявление места национальных проектов в системе стратегического планирования и программирования, усложняя восприятие их организационно-правовой роли в процессе достижения исполнения национальных целей» [21, с. 43–44]. Счетная палата Российской Федерации в своих докладах указывает на отсутствие системы мониторинга и контроля реализации национальных проектов [14].

Важнейшим этапом в стратегическом планировании развития отечественной экономики и обеспечения национальной безопасности России стало *утверждение 17 ноября 2008 года Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года* [15] (далее – «Концепция 2020»). Она стала первым долгосрочным документом стратегического развития российской экономики и государственности в целом современного периода отечественной истории. Однако с содержательной точки зрения документ оказался слабо проработанным. Целевые показатели в нем сформулированы не единообразно, их комбинационная последовательность по документу часто спутана, используются разные временные сроки достижения целевых показателей, кроме перспективного используется ретроспективное

планирование (т.е. плановый срок уже истек), встречаются разные формулировки одного и того же целевого показателя, как и формулировки разных целей одних и тех же показателей и иное [16]. При этом достижение национальных целей и задач лежит не только в области эффективного планирования, но и в области исполнения и контроля за выполнением намеченных планов и достижения целевых показателей в разных сферах. К тому же системное использование имеющихся у государства ресурсов требовало строгой увязки «Концепции 2020» с последующими документами стратегического планирования, чего сделано не было, а разразившийся мировой финансовый кризис вообще не вселял уверенности в исполнимость документа.

Все это в совокупности и привело в целом к невосприятию «Концепции 2020» как обязательного к исполнению документа. Однако руководство страны в его стремлении развивать стратегическое планирование это не останавливало. 24 марта 2009 года Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, выступая на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, заявил: «Стратегическое планирование – это важнейший фактор устойчивого развития страны и обеспечения ее национальной безопасности. Мы ... должны внедрять такого рода планирование в нашу повседневную жизнь и в дальнейшем просто не сможем обходиться без единого порядка в подготовке такого рода основополагающих документов» [17]. Уже 12 мая 2009 года Д.А. Медведев одновременно подписывает два указа: «О стратегическом планировании в Российской Федерации» за № 536 (документ опубликован не был) и «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» за № 537 [18] (утратил юридическую силу 31.12.2015).

Согласно утвержденным документам концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости «Концепции 2020» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. При этом не только «Концепция 2020», как было показано ранее, но и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года подвергалась критике. Так, Д.Ш. Халидов прямо указывал, что она «живет» собственной жизнью, слабо связанной с реальной стратегией и текущими решениями в оборонной и социальной сфере, экономике и финансах, информационно-культурной политике [19, с. 62].

7 мая 2012 года, в день своей третьей по счету инаугурации, Президент России В.В. Путин подписал 11 указов за номерами от 596 до 606, в которых в общей сложности содержалось 218 поручений Правительству Российской Федерации по совершенствованию экономики, здравоохранения, образования, демографии, науки, внешней политики, Вооруженных Сил и пр. со сроками исполнения до 2018–2020 годов. В публицистике, а затем и деловом обороте, данная серия указов Президента Российской Федерации получила наименование «майские указы». Это событие, безусловно, можно рассматривать как следующий этап развития стратегического планирования в России, который условно можно назвать *этапом майских указов*.

К сожалению, с исполнением «майских указов» у Правительства Российской Федерации возникли проблемы. Так, по материалам Правительства Российской Федерации по состоянию на 30 апреля 2016 года из положенных 162 «майских поручений» Правительству Российской Федерации удалось выполнить и снять с контроля 154. Однако активисты Общероссийского народного фронта считают, что в действительности полностью выполненными можно признать лишь 24 поручения Президента России из 162, то есть около 15% [20].

Следующим этапом развития стратегического планирования в России следует признать принятие Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [21], которым был признан утратившим силу Закон 1995 года [2]. Новый закон упорядочил процесс стратегического планирования на разных уровнях публичного управления, установил перечень «программных документов» и отдельные требования к ним и пр. Однако и он не избежал критики. Так, К.Н. Андрианов среди недостатков указанного закона отмечает отсутствие предусмотренных процедур выработки и согласования стратегических целей развития, отсутствие документа, предназначенного для фиксации стратегических целей и приоритетов развития России, неопределенность органов власти, ответственных за вовлечение профильных органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов в процесс стратегического планирования и иные [22, с. 11].

Как бы то ни было, новый Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [21] создал необходимую правовую основу для формирования системы стратегического планирования в России, что повлекло за собой обновление всей системы документов стратегического планирования.

Так, 31 декабря 2015 года Президент России утверждает новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [23] (утратила юридическую силу 02.07.2021).

Очевидно, что не решенными еще были проблемы методологии стратегического планирования и его инструментария, а также отсутствия механизма мониторинга и оценки выполнения планов и программ. Именно поэтому вполне закономерным является факт того, что, несмотря на наличие документов стратегического планирования (на этот период их насчитывалось более 500, среди которых федеральные стратегии, концепции, государственные целевые программы и планы, программы развития и пр.), они зачастую не претворяются в жизнь [24, с. 23].

1 марта 2018 года в ходе своего ежегодного послания Федеральному Собранию Российской Федерации В.В. Путин заявил: «...Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов... На основе Стратегии пространственного развития необходимо подготовить комплексный план модернизации и расширения всей магистральной инфраструктуры страны» [25].

С принятием Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [26], впоследствии скорректированного обновленным перечнем национальных целей развития Российской Федерации на

период до 2030 года [27], мы связываем начало следующего этапа стратегического планирования в России – *этап построения системы долгосрочного стратегического планирования социально-экономического развития России*.

В развитии указанных актов Правительством Российской Федерации принимается целый пакет документов стратегического планирования, среди которых:

– 29 сентября 2018 года – Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года [28];

– 7 мая 2019 года – Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года [29];

– 1 октября 2021 года – Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [30] и ряд иных.

В это же время, 13 февраля 2019 года, принимается упомянутая Президентом России в послании 1 марта 2018 года Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [31], а 2 июля 2021 года Президент Российской Федерации утверждает новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [32].

27 сентября 2021 года, выступая на заседании Совета Безопасности Российской Федерации, Президент России особо обратил внимание, что в настоящее время основными документами, лежащими в основе стратегического планирования России, являются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Указ Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». «Вместе с тем сложившаяся практика не обеспечивает комплексного подхода в стратегическом планировании. ... нам нужна сбалансированная, единая и целостная система стратегического планирования, чтобы создавать современные, выверенные, нацеленные на конкретный результат планы и программы, ... решению названных задач должны послужить подготовленные Основы государственной политики в сфере стратегического планирования» [33]. 8 ноября 2021 года Президент России утвердил соответствующие «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» [34].

Таким образом, к концу 2021 года в России был принят полный пакет основополагающих документов долгосрочного стратегического планирования социально-экономического развития России:

1) Указ Президента России от 21.06.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;

2) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400;

3) Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации 08.11.2021 № 633.

По сути, это основа для формирования единого генерального плана национального развития России, с одной стороны, а с другой – организационная и инструментальная основа для всей системы документов стратегического пла-

нирования. Закономерной перспективой развития стратегического планирования на данном этапе его развития видится утверждение Стратегии долгосрочного социально-экономического развития России, например, Стратегии 2035 или Стратегии 2050.

Таким образом, исследование эволюции стратегического планирования в современной России показало, что в соответствующем процессе отчетливо проявляются самостоятельные этапы. История становления стратегического планирования в современной России берет свое начало с момента образования современного российского государства и в настоящее время Россия находится на седьмом этапе соответствующих процессов. Каждый из этапов является закономерным следствием учета критики и опыта стратегического планирования, его документального сопровождения, выстраивания системы документов стратегического планирования, их мониторинга и исполнения. В этом смысле можно признать, что интенсивная практика стратегического планирования в современной России за относительно короткий исторический период позволила пройти большой путь в своей эволюции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Николаев И.А., Точилкина О.С. Аналитический доклад «Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ)». – Москва: ФБК, Департамент стратегического анализа, 2006. – 29 с.

2. Федеральный закон от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 30. – Ст. 2871.

3. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 15. – Ст. 1572.

4. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997, 26 декабря.

5. Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу (проект), 03.06.2000 [Электронный ресурс]. – URL: https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129236 (дата обращения: 28.11.2021).

6. История проектов долгосрочных стратегий развития России. Досье // [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/> (дата обращения: 28.11.2021).

7. Мнения экспертов о правительственной программе стратегия для России / Л. Абалкин, С. Глазьев, О. Доброчеев, Н. Римашевская, А. Клепач // Экономические стратегии. – 2000. – № 5. – С. 34–42.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.07.2001 № 910-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 31. – Ст. 3295.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.08.2003 № 1163-р «Об утверждении Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 34. – Ст. 3396.

10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 года // Российская газета. 2005, 26 апреля.

11. Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного Совета (Президент Российской Федерации В.В. Путин, 5 сентября 2005 года, Москва, Большой Кремлевский дворец) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (дата обращения: 01.12.2021).

12. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

13. Горохова С.С. Национальные проекты Российской Федерации как инструмент достижения стратегических целей и задач государства // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 41–44.

14. Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь–сентябрь 2019 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-3/index.html> (дата обращения: 30.11.2021).

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

16. Трусов Н.А., Морин А.В. «Концепция 2020»: критика целеполагания / Актуальные вопросы конституционализма: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции по актуальным вопросам конституционализма (г. Н. Новгород, 3 декабря 2020 г.) / под общ. ред. Н.А. Трусова. – Н. Новгород, 2021. С. 91–116.

17. Начало заседания Совета Безопасности по вопросу «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и комплексе мер по ее реализации» (Президент России Д.А. Медведев, 24 марта 2009 года, Москва, Кремль) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/3529> (дата обращения: 01.12.2021).

18. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.

19. Халидов Д.Ш. Вопросы миссии и стратегии России и что мешает: конфликт интересов или когнитивный диссонанс? / Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России: материалы научного семинара. Вып. 5 (43). – Москва: Научный эксперт, 2011. С. 61–66.

20. Обещания третьего срока: как исполняются майские указы Президента [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/> (дата обращения: 01.12.2021).

21. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

22. Андрианов К.Н. Развитие стратегического планирования социально-экономического развития в Российской Федерации: анализ состояния и направления развития / Государственное стратегическое планирование: состояние, перспективы и пути развития: сборник аналитических материалов фракции Политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. – Москва: Издание Государственной Думы, 2020. С. 5–18.

23. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.

24. Заверский С.М., Киселева Е.С., Кононова В.Ю., Плеханов Д.А., Чуркина Н.М. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России // Вестник ИЭ РАН. – 2016. – № 2. – 2016. – С. 22–40.

25. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (Президент России В.В. Путин, 1 марта 2018 года, Москва, Центральный выставочный зал «Манеж») [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/> (дата обращения: 01.12.2021).

26. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

27. Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: содержание и целевые показатели» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

28. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года: утверждены Правительством Российской Федерации 29.09.2018 № 8028п-П13 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

29. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года: утвержден Председателем Правительства Российской Федерации от 07.05.2019 № 4043п-П13 // (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

30. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года: утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 № 2765-р (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

31. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 7 (ч. II). – Ст. 702.

32. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

33. Заседание Совета Безопасности (27 сентября 2021 года, Московская область, Ново-Огарево) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/> (дата обращения: 10.12.2021).

34. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 46. – Ст. 7676.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА В СООТВЕТСТВИИ С ТЕОРИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА Ф.Ф. КОКОШКИНА

Устюжанина Н.А.

(Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности взаимоотношения личности и государства на основании теории государственного права, разработанной в начале XX века Ф.Ф. Кокошкиным. Рассматриваются особенности содержания правового статуса граждан (подданных), которые и обуславливают специфику взаимодействия государства и личности.

Ключевые слова: Кокошкин Ф.Ф., государственное право, подданные, граждане.

RELATIONSHIP BETWEEN THE INDIVIDUAL AND THE STATE IN ACCORDANCE WITH THE THEORY OF STATE LAW OF F.F. KOKOSHKIN

Ustyuzhanina N.A.

(Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Abstract: the article considers the peculiarities of the relationship between the individual and the state on the basis of the theory of state law developed at the beginning of the twentieth century by F.F. Kokoshkin. It considers the peculiarities of the content of the legal status of citizens (subjects), which determine the specifics of the interaction of the state and personality.

Keywords: Kokoshkin F.F., state law, subjects, citizens.

Концепция правового государства в России до 1917 г. развивалась в том же направлении, что и на Западе, но со своей спецификой.

Революционизирующее влияние на идеи о правовом государстве оказали буржуазно-демократические реформы в России середины XIX в. (отмена крепостного права, земская, судебная реформы). Целая плеяда блестящих русских ученых-юристов (А.А. Алексеев, В.М. Гессен, А.Д. Градовский, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кокошкин, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Н.П. Палиенко, В.М. Хвостов, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др.) отстаивала и разрабатывала различные аспекты теории правового (конституционного) государства.

Одной из центральных проблем социально-политического развития России конца XIX – начала XX в. стал конституционный вопрос. В иерархии правовой системы демократического государства особое место принадлежит *конституции* как основному акту высшей юридической силы, имеющему специфическое назначение и функции. Не случайно русские ученые-юристы правовое государство предпочитали называть *конституционным* и пытались найти свой, наиболее приемлемый для российской действительности путь решения конституционного вопроса, опираясь при этом на образцы французского и особенно германского конституционализма [1].

Б.А. Кистяковский отстаивал идею правового – *конституционного* – государства, главный принцип которого состоит в связанности государственной власти законом, неотъемлемыми правами личности. Только имея дело с лицами, подчеркивал он, которые могут предъявить правовые претензии к самому государству, государственная власть оказывается вынужденной неизменно соблюдать законы, конституцию. Любопытно то, что ученый полагал, что правовое (конституционное) государство может реально существовать в различных социально-экономических системах. Все зависит от того, как та или иная система использует ценности правового (конституционного) государств [2, с. 152].

Многие представители русской правовой мысли, учитывая американский, английский и европейский опыт конституционализма, отстаивали идею судебной охраны конституции, предлагали различные ее варианты (В.Н. Дурденевский, М.М. Ковалевский, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, Л.А. Шалланд и др.).

Как справедливо отмечает М.А. Митюков, дореволюционная русская государственно-правовая мысль посредством доктрины и конституционных проектов критически освоила западный опыт конституционного правосудия, выявила перспективную заинтересованность в нем, а также определила возможные модели и тенденции развития судебного конституционного контроля в России, в частности, обосновывала необходимость предварительного абстрактного судебного конституционного нормоконтроля и осуществления толкования конституции в специальной процедуре [3, с. 57–84; 4, с. 18–40].

Ярким представителем русского государственного права начала XX века был Ф.Ф. Кокошкин, который внес значительный вклад в теоретическое обоснование формирования в России конституционного государства, которое он рассматривал как государство, «в котором гарантировано разделение властей и подчинение праву, которое находится в соответствии с первоисточником всякого права – народным правом. Такого рода гарантии должны содержаться в конституции» [5, с. 84; 6, с. 12]. Н.Н. Алексеев евразийскую модель российской правовой государственности строит на началах интеграции сильной верховной власти с народоправством в общем деле построения «гарантийного государства», юридическое выражение которого должно найти в Конституции, в ее основе – Декларации обязанностей государства. Государство должно покоиться на таком праве, которое является внутренним идеалом правды и справедливости [7, с. 23].

Народное представительство, по его мнению, это неотъемлемый элемент конституционного государства, поэтому вопросам взаимоотношения государства и населения, государства и личности он в своих работах уделял значительное внимание.

Население государства он рассматривал как «совокупность людей», тем самым люди, которые входят в состав государства, прежде всего являются субъектами, с которыми государство связано известными юридическими отношениями. «Раз государство есть субъект права, – пишет Ф.Ф. Кокошкин, – это предполагает наличие других субъектов, по отношению к которым оно имеет права в обязанности. Такими субъектами и являются люди, населяющие государственную территорию» [8, с. 182]. И в рамках этих правоотношений между государством и населением складываются взаимные права и обязанности.

Примечателен подход государствоведа к содержанию понятий «гражданин» и «подданный». Так, подданными он рассматривает людей, которые являются носителями обязанностей по отношению к государству, а субъектов – носителей прав по отношению к государству он называет гражданами. При этом он указывает, что термины «гражданин» и «подданный» выражают две стороны одного и того же понятия» [8, с. 182].

Стоит заметить, что в теории государственного права Ф.Ф. Кокошкина термины «подданный» и «гражданин» рассматриваются как в широком, так и в

узком смысле слова. Так, в широком таковыми являются все лица, находящиеся на территории государства, и все они находятся в юридической связи с государством и подчиняются государственной власти, включая и иностранцев, проживающих в пределах государства. Но при всем при этом он выделяет еще и граждан (подданных) в собственном смысле слова, которые находятся в более тесных правоотношениях с государством, поскольку имеют более широкие юридические права, чем все остальные лица, проживающие на территории государства, в частности – иностранные подданные и граждане других государств, поскольку они подчиняются государству и наделяются некоторыми публичными правами «только потому, что они находятся на государственной территории и лишь до тех пор, пока они на ней находятся» » [8, с. 182].

В узком смысле слова термин «подданный» рассматривается как физическое лицо, связанное со своим государством тесной личной и постоянной связью, которая не прекращается даже в том случае, если человек временно выезжает за пределы границ государства, но под обязательством вернуться обратно, если того потребует государство его принадлежности.

Кроме того, подданные в узком смысле наделяются еще и различными правами и обязанностями в пределах государства, к которым относится избирательное право и другие политические права, неприменение высылки за границу и др. Основная обязанность, возлагаемая на собственных подданных, – это воинская повинность.

В соответствии с учением Ф.Ф. Кокошкина подобная юридическая связь человека и государства возникает в силу различных юридических фактов, среди которых он выделяет рождение на территории государства, заключение брака для женщин и натурализацию (принятие в подданство).

Таким образом, как мы смогли убедиться, наука государственного права начала XX века была направлена на установление теоретических основ взаимодействия личности и государства на основе взаимных прав, обязанностей и ответственности, стремясь к дальнейшей демократизации государственно-правовой модели, основанной на всеобщем равенстве и уважении прав и свобод человека. Безусловно, в рассматриваемом контексте Ф.Ф. Кокошкин внес значительный вклад в разработку правового механизма взаимодействия государства и личности, и тем самым заложил теоретические предпосылки и для развития современного конституционного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституционное государство: сборник статей. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1905.
2. Кистяковский Б.А. Государство и личность // Власть и право: из истории русской правовой мысли. – Ленинград, 1992.
3. Митюков М.А. Зарождение идей конституционного правосудия в России (XIX – начало XX веков) // Вестник Конференции стран молодой демократии. – 2001. – Вып. 1. – С. 57–84.

4. Митюков М.А. К истории конституционного правосудия России. – Москва, 2002.
5. Кокошкин Ф.Ф. Об основании желательной организации народного представительства в России. – Москва, 1906.
6. Кокошкин Ф.Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. – Москва, 1917.
7. Овчинникова С.П. Российская правовая государственность: евразийский проект Алексева Н.Н.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2001.
8. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1912.

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Хвостова А.В.

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье рассматриваются правовые ограничения как правовые средства, направленные на установление уменьшения объема прав субъектов частноправового отношения либо общих правил их правомерного поведения. Определяется роль правовых ограничений в частном праве посредством анализа их установления и действия в отдельных отраслях частного права, таких как гражданское право, семейное право, трудовое право. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что правовые ограничения являются универсальными правовыми средствами, механизм установления и действия которых имеет определенные особенности как в частном праве в целом, так и в различных его отраслях. Сформулированы ключевые характеристики правовых ограничений в отраслях частного права, среди которых, в частности, то, что они связаны с уменьшением объема прав субъектов частноправовых отношений или установлением общих правил правомерного поведения; установлены непосредственно в законе либо на его основе по решению сторон; направлены на защиту прав других субъектов частного права и устанавливаются с учетом общественного и публичного интереса. Делается вывод о том, что правовые ограничения в частном праве позволяют упорядочить систему частноправовых отношений и обеспечить для каждого спокойное и беспрепятственное пользование своими правами, что оказывает большое влияние на эффективность функционирования частного права, ориентированного на обеспечение личных интересов. Исследование базируется на анализе российского отраслевого законодательства.

Ключевые слова: ограничение, правовые ограничения, правовое регулирование, частное право, частные правоотношения, частный интерес.

THE ROLE OF LEGAL RESTRICTIONS IN THE RUSSIAN PRIVATE LAW

Khvostova A.V.

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article are considered as legal means aimed at establishing a reduction in the scope of the rights of subjects of private law relations or general rules of their lawful behavior. The role of legal restrictions in private law is determined by analyzing their establishment and operation in certain branches of private law, such as civil law, family law, labor law. As a result of the research, the author comes to the conclusion that legal restrictions are universal legal means, the mechanism of establishment and operation of which has certain features both in private law as a whole and in its various branches. The key characteristics of legal restrictions in the branches of private law are formulated, among which, in particular, that they are associated with a reduction in the scope of the rights of subjects of private law relations or the establishment of general rules of lawful behavior; are established directly in the law or on its basis by decision of the parties; are aimed at protecting the rights of other subjects of private law and are established taking into account public and public interest. It is concluded that legal restrictions in private law make it possible to streamline the system of private law relations and ensure for everyone a calm and unhindered enjoyment of their rights, which greatly affects the effectiveness of the functioning of private law focused on ensuring personal interests. The study is based on the analysis of Russian industry legislation.

Keywords: restriction, legal restrictions, legal regulation, private law, private legal relations, private interest.

Правовое регулирование общественных отношений осуществляется с целью их упорядочения с помощью правовых норм, принципов и иных правовых средств. Одним из универсальных правовых средств является правовое ограничение, носящее принудительный характер и имеющее своей целью недопущение противоправного поведения субъектов права.

Необходимость установления правовых ограничений вытекает из того факта, что реализация индивидом основных прав и свобод неминуемо приводит к столкновению его интересов с интересами других носителей прав, общества в целом или государства [5, с. 233]. Важно понимать, что правовое ограничение, несмотря на его универсальность, имеет различные механизмы и границы применения в публичном и частном праве.

Нормальное функционирование частного права требует недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела. Несмотря на указанное обстоятельство, безграничная свобода участников частнопровых отношений невозможна. Это обуславливает необходимость и важность установления в законе ограничений, направленных на недопущение ущемления прав отдельных граждан, а также нарушений публичного интереса, поскольку без него частное право не

сможет эффективно функционировать. Данный факт связан с тем, что обязательным элементом механизма частного права является правообеспечение, которое, как верно отмечает Г.М. Лановая, состоит в деятельности государства в лице компетентных органов, направленной на создание благоприятных условий для реализации установленных норм и гарантирование их правильного осуществления [4, с. 233].

В связи с изложенным особую актуальность приобретает исследование роли ограничений в правовом регулировании имущественных и личных неимущественных отношений между частными лицами. Значимость такого исследования повышается в силу того, что в юридической литературе редко ставится вопрос о правовом ограничении как о самостоятельном правовом средстве, применяемом в частном праве. Большинство работ посвящено проблемам ограничения отдельных прав, установлению их объема и пределов [9].

И.О. Коновалова справедливо отмечает, что посредством нормативного правового регулирования с помощью правовых норм и иных средств в механизме действия частного права обеспечивается создание оптимальных правовых условий для саморегулирования [3, с. 155]. Достижению этой цели подчинены и правовые ограничения, выступающие неотъемлемой составляющей нормативного правового регулирования в частном праве.

Для более полного осмысления особенностей применения правовых ограничений как инструментов, посредством которых в частном праве обеспечивается создание оптимальных условий для саморегулирования, считаем целесообразным проследить, как данные инструменты «работают» в отдельных частноправовых отраслях.

Гражданское право, составляющее основу частного права, распространяет свое действие на широкую сферу имущественных и личных неимущественных отношений. Правовые ограничения в гражданском законодательстве могут закрепляться посредством установления определенного порядка осуществления конкретного права; соответствующего правового режима какого-либо права; запретов на совершение определенных действий. Кроме того, в гражданском законодательстве также содержатся нормы, устанавливающие основания, цели и пределы правовых ограничений. Так, согласно п. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) «гражданские права могут быть ограничены на основании закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В п. 1 ст. 10 ГК РФ установлено общее ограничение, заключающееся в недопущении осуществления гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом).

В самом тексте ГК РФ содержится немного четко определенных ограничений, последние в сфере регулирования гражданско-правовых отношениях чаще всего устанавливаются непосредственно в договоре и, как правило, согласно воле сторон. Ограничением принципа свободы в договоре являются

главным образом указанные выше нормы, установленные государством, ограничивающие права одного субъекта, но в то же время выражающие заботу об интересах другого. В том числе правовые ограничения могут быть связаны с правом на заключение договора (случаи обязательного заключения договора, преимущественное право заключения договора и др.); определением условий по своему усмотрению (например, обязательное наличие предмета договора как существенного условия); видом заключаемого договора; кругом субъектов, правомочных заключать договор (запрет передачи в доверительное управление имущества государственному органу) и др. Указанные ограничения связаны с защитой интересов слабой стороны договора либо общественного или публичного интереса.

Анализ гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что правовые ограничения, имеющие своей целью защиту в первую очередь частных, но в то же время и общественных и публичных интересов, связаны с сужением (стеснением) свободы в выборе вариантов реализации гражданских прав субъекта либо с установлением общих правил правомерного поведения, не связанного с реализацией конкретного права и гражданского правоотношения, направленного на обеспечение беспрепятственного пользования правами для других субъектов.

Важную роль правовые ограничения играют в трудовом праве, поскольку они позволяют установить необходимый баланс интересов наемных работников и работодателей, а также создать условия для недопущения трудовых конфликтов, укрепления равноправия, стабильности и порядка в обществе. Несмотря на то, что в ч. 2 ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации [10] (далее – ТК РФ) установлено, что никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать преимущества, трудовым законодательством предусмотрены некоторые правовые ограничения, распространяющие свое действие на трудовые отношения.

А.В. Малько предлагает классификацию ограничений по видам субъективных прав (гражданских, политических, социальных и т.д.) [6, с. 155–156]. Стоит согласиться с указанным мнением, отметив, что ограничения могут устанавливаться в том числе и для субъектов, реализующих корреспондирующие правам обязанности. Особенно актуально это в трудовом праве, где правам работника всегда соответствует обязанность работодателя и наоборот. Даже банальная обязанность работника добросовестно исполнять свои трудовые обязанности ограничивается рамками заключенного трудового договора.

В различных отраслях права, в том числе и в трудовом, нередко встречаются ситуации, когда из определенного правового ограничения вытекает необходимость исполнения соответствующей обязанности. Так, в случаях, обозначенных в ст. 83 ТК РФ, стороны обязаны прекратить исполнение трудового договора, но при наличии определенных обстоятельств (п. 2, 8, 9, 10, 13 ч. 1 ст. 83 ТК РФ) работодатель обязан рассмотреть возможность с письменного согласия работника перевести его на другую должность, которую тот может выполнять с учетом состояния здоровья. В ст. 349.1 для определенного круга субъектов установлена обязанность сообщать работодателю о личной заинтересованности

при исполнении трудовых обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, вытекающему из антикоррупционных правовых ограничений.

Правовые ограничения в трудовом праве применяются в отношении его субъектов с целью защиты интересов как сторон трудового правоотношения, так и государства, потому как именно государство устанавливает определенные стандарты в области организации и безопасности труда. Наряду с этим органы государственной власти и органы местного самоуправления могут выступать в качестве работодателей. Так, ограничение права работодателя на увольнение работника в период нахождения на больничном или пребывания в отпуске, предусмотренное ч. 5 ст. 81 ТК РФ, выступает не только гарантией защиты прав работника, но и гарантией проведения эффективной кадровой политики и заинтересованности в сохранении трудовых отношений, то есть соблюдения интересов работодателя и государства. А.В. Петрушкина справедливо замечает, что «правовое поле защиты интересов работников не может быть безграничным, поскольку при наступлении определенных ситуаций ограничения трудовых прав могут быть «сняты»» [7, с. 87]. Ограничение, предусмотренное ч. 5 ст. 81 ТК РФ, может быть снято в случае ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

Интерес вызывает исследование правовых ограничений в семейном праве, поскольку правоотношения, регулируемые последним, ограничены рамками семьи и могут отличаться отсутствием равноправия его субъектов (например, в случае признания одного из супругов недееспособным, отношения по поводу воспитания несовершеннолетних детей и др.) Содержанием семейных отношений являются юридические права и обязанности членов семьи, которые невозможно в гражданском праве передать, изменить или завещать.

Семейный кодекс Российской Федерации [8] (далее – СК РФ) допускает ограничение семейных прав только на законных основаниях в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан. Правовые ограничения в семейном праве могут формулироваться с помощью термина «ограничение» и в отсутствие последнего, однако сводиться к данному правовому средству. Например, ст. 17 СК РФ называется «ограничение права супруга на предъявление требования о расторжении брака» и содержит условия такового. В п. 2 ст. 64 СК РФ прямо не указано на «ограничение», но анализ нормы позволяет сделать вывод, что она содержит ограничение прав родителей на представление интересов детей.

Т.Е. Колосова под правовыми ограничениями в семейном праве понимает «...меры, связанные с уменьшением объема семейных прав конкретного субъекта семейно-правовых отношений, а также установлением обусловленных его семейно-правовым статусом дополнительных условий (обременений) для реализации им того или иного правомочия» [3, с. 522–523]. Примечательно, что ограничения могут распространять свое действие в том числе и на обязанности участников семейно-правовых отношений. Статья 92 СК РФ устанавливает возможность ограничения судом обязанности супруга по содержанию другого нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга определенным сроком как в период брака, так и после его расторжения. Следует также отметить, что

правовые ограничения в семейном праве могут распространять свое действие на объем прав не конкретного субъекта, а сразу нескольких. Примером подобного ограничения может служить п. 1 ст. 73 СК РФ, предусматривающий возможность принятия решения судом об отобрании ребенка у родителей (одного из них) без лишения их родительских прав (ограничении родительских прав) с учетом интересов ребенка.

В рамках семейного права супруги вправе заключить брачный договор, в котором в том числе могут содержаться ограничения, связанные с имуществом супругов, установленные ими самостоятельно. Права и обязанности, установленные брачным договором, могут ограничиваться определенными сроками либо ставиться в зависимость от наступления или от ненаступления определенных условий (п. 2 ст. 42 СК РФ).

Следует также отметить, что правовые ограничения играют большую роль в институте ограничения и лишения родительских прав, являющегося элементом отрасли семейного права. Семейное законодательство устанавливает основания, порядок и последствия таких правовых явлений.

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что правовое ограничение в частном праве представляет собой установленное в законе либо на его основе по решению сторон средство уменьшения объема прав субъектов частноправовых отношений, а также установление общих правил правомерного поведения, не связанных с реализацией конкретного права и правоотношения, направленное на защиту прав других субъектов частного права и учитывающее общественный и публичный интерес. Обеспечение правомерного поведения частных лиц путем установления правовых ограничений позволяет упорядочить систему частноправовых отношений и обеспечить для каждого спокойное и беспрепятственное пользование своими правами, что следует признать существенным для обеспечения нормального и эффективного функционирования частного права, которое ориентировано в первую очередь на обеспечение личных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021 №295-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Колосова Т.Е. К вопросу об ограничениях в семейном праве // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 520–524.
3. Коновалова И.О. Механизм действия частного права: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 188 с.
4. Лановая Г.М. Формы существования базовых типов современного права: монография. – Москва: Граница, 2014. – 294 с.
5. Маковецкая М.Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 233–237.

6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. – 3-е изд., перераб. и доп. – Саратов: Сарат. ун-т, 2011. – 363 с.

7. Петрушкина А.В. Ограничения трудовых прав и правовые стимулы в трудовом праве // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 86–88.

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021 № 310-ФЗ) // Российская газета. 1996, 27 января.

9. Смирновская С.И. К вопросу об ограничении прав гражданским законодательством // Известия ОГАУ. – 2005. – № 6–1. – С. 160–64.

10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021 № 377-ФЗ) // Российская газета. 2001, 31 декабря.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВА

Чернаков В.О.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье выражается мнение о необходимости функционирования и поддержания такой организации власти, как государство. Описаны факторы, способствующие ослаблению влияния государства на социум. Приведены различные взгляды ученых на сущностные, функциональные и ценностные основания государства.

Ключевые слова: государство, ценность государства, функции государства, сущность государства, анархизм, власть, теория права, общество.

ON THE QUESTION OF THE NECESSITY OF THE EXISTENCE OF THE STATE AS A FUNDAMENTAL INSTITUTION OF SOCIETY

Chernakov V.O.,

Adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article expresses the opinion on the need for the functioning and maintenance of such an organization of power as the state. The factors contributing to the weakening of the influence of the state on society are described. Various views of scientists on the essential, functional and value foundations of the state are given.

Keywords: the state, the values of the state, the functions of the state, the essence of the state, anarchism, power, theory of law, society.

Государство является одним из самых древнейших общественных институтов. Можно по-разному относиться к данному типу организации власти, однако сложно отрицать необходимость его возникновения, поскольку это было обусловлено закономерным развитием социума.

Как в древности, так и на сегодняшний день государство играет определяющую роль в решении ключевых вопросов общества. При этом существуют различные мнения, касающиеся необходимости его существования. Одни считают, что функционирование данного института – залог стабильности общества, другие, напротив, уверены в его негативном влиянии на развитие социума.

Неоспоримым является тот факт, что с древнейших времен понятие «государство» подразумевает существование принудительных мер воздействия на граждан. Эволюция правосознания общества привела к возникновению у людей стремления к полной свободе личности. Властные решения стали восприниматься как навязанные модели поведения. Отныне власть не рассматривались как высшая и непререкаемая воля.

Примечательно, что предпосылки отрицания государственной власти зародились еще в античности, а также на древнем востоке у китайских даосов. В дальнейшем данные тенденции прослеживаются во взглядах средневековых анабаптистов и английских диггеров, русского еретика Ф. Косого и французского мыслителя конца XVIII в. С. Марешаля. Впоследствии совокупность данных позиций получила в теории права название «анархизм».

Но стоит сказать, что анархизм в современном его понимании зародился в реалиях Нового времени. Это совпало с периодом великих революций, которые разрушали сложившиеся традиционные устои.

В сущности, анархизм предполагает замещение государственных структур и частной собственности самоуправлением и самоорганизацией. Согласно данной теории люди могут объединяться в различные союзы, которые являются добровольными. По большому счету анархизм подразумевает под собой полностью перевернутую модель управления в обществе.

На сегодняшний день анархические взгляды по-прежнему популярны в обществе. Чтобы разобраться в основных причинах данного обстоятельства, стоит рассмотреть факторы, которые способствуют ослаблению влияния государства на социум:

1. Государственные структуры перестают восприниматься как ценность и неотчуждаемая характеристика современного государства. Ряд ученых убеждены в том, что в условиях глобализации это является препятствием на пути интеграции государств в единую мировую структуру [1].

2. Наличие государства подразумевает наличие мер принуждения, что способствует ограничению свободы личности.

3. Зависимость социальной стабильности от политики, проводимой в государстве.

4. Гигантские по своим масштабам коррупционные проявления в государственной власти и, как следствие, нежелание и неспособность выявлять причины и условия, способствующие совершению данных деяний, и т.д.

Вышеперечисленные и другие негативные, более радикальные факторы наибольшим образом проявляются на сегодняшний день в современной Украине и выражаются прежде всего в принятии законов и иных, в том числе управленческих, решений, дестабилизирующих, а порой и откровенно провоцирующих на те или иные конфликты украинский народ. Одним из ярчайших примеров можно отнести закон о статусе государственного языка в Украине.

Однако стоит понимать, что наряду с данными факторами, большинство современных, демократических и правовых государств выполняют важнейшие функции, которые, по мнению Д.В. Пожарского, составляют его сущность и ценность [4]. К их числу относятся:

1. Нормотворческая (органами власти принимаются правовые акты, которые позволяют урегулировать основные вопросы внутривластного характера).

2. Представительская (участие представителей государственной власти в международных отношениях, что позволяет развивать связи с иностранными государствами).

3. Охранительная (контроль за надлежащим соблюдением прав человека и гражданина).

4. Регулятивная (создание условий, способствующий полноценному развитию личности) и др.

При этом, как справедливо отмечает А.А. Малиновский, функции государства не характеризуют его работу в целом, стоит рассматривать их влияние в совокупности [2]. Также процесс претворения данных функций сопряжен с рядом особенностей, к числу которых А.Н. Маремкулов относит следующие [3].

Во-первых, особенности функций государства определяются не только характером государства, но и спецификой стоящих перед ним задач и целей. По большому счету функции являются средством достижения обозначенных целей. Например, при резком увеличении преступности на главное место выдвигается правоохранительная функция.

Во-вторых, по своей сущности функции государства всегда олицетворяют суть самого государства. Они являются проявлением той роли, которую реализовывает государство.

В-третьих, стоит понимать, что реализация функций государства – понятие более широкое, чем их выполнение отдельными субъектами власти (в данном случае речь будет идти о специализированных функциях).

Таким образом, на основе вышеизложенной информации можно говорить о том, что вопрос необходимости существования государства является спорным и на фоне осложнения политической обстановки представляется довольно актуальным. При этом в настоящее время не сформировалась альтернативной модели, которая смогла бы заменить институт государства, поскольку именно благодаря ему в обществе регулируются все фундаментальные вопросы. Даже сейчас в очень непростое время государство остается порой единственным гарантом нормального функционирования общества.

Отметим, что данная статья – лишь попытка обозначить существующие проблемы и противоречия, касающиеся рассматриваемого вопроса. Представляется целесообразным в дальнейшем изучить данную тематику более детально.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гадисов С.Р. Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации // Вестник ПАГС. – 2015. – № 6 (51). – С. 123–127.
2. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – Москва, 2010.
3. Маремкулов А.Н. Юридические формы политики российского государства на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
4. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014.

ЛОКАЛЬНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Чернигин К.А.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье рассматриваются основные правовые регуляторы деятельности территориальных органов и иных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации по подготовке и изданию локальных нормативных правовых актов, что позволяет понять их природу, сущность, проблемы подготовки и реализации.

Ключевые слова: органы внутренних дел, локальное правотворчество, территориальный орган внутренних дел, дублирование нормативных предписаний, организационно-правовые основы.

LOCAL LAW-MAKING OF STRUCTURAL DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS RUSSIA: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Chernigin K.A.,

Adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses the main legal regulators of the activities of territorial bodies and other departments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the preparation and publication of local regulatory legal acts, which allows us to understand their nature, essence, problems of preparation and implementation.

Keywords: internal affairs bodies, local law-making, territorial body of internal affairs, duplication of regulations, organizational and legal bases.

Одной из основных функций Министерства внутренних дел Российской Федерации является нормативно-правовое регулирование его основных направлений деятельности, а также непосредственное управление органами внутренних дел [1]. В этой связи осуществляемое в МВД России правотворчество направлено на создание индивидуального нормативного инструментария, с помощью которого осуществляется правовое регулирование и формируется внутренняя организация территориальных органов и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на министерство.

Общеизвестно, что нормативные правовые акты МВД России издаются на основе и во исполнение федерального законодательства Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов, а также по инициативе самого министерства в пределах компетенции [2].

Необходимо отметить, что в территориальных органах МВД России издаются локальные нормативные акты, регулирующие исключительно деятельность соответствующего территориального органа МВД России, подчиненных органов и организаций. Кроме этого, в территориальных органах МВД России могут быть изданы совместные правовые акты или так называемые межведомственные правовые акты (согласованные с подразделениями иных федеральных министерств либо других органов исполнительной власти). Аналогичные положения распространяются на образовательные организации высшего образования МВД России.

В соответствии с Правилами подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвержденными приказом МВД России от 27 июня 2006 г. № 484, в МВД России подготавливаются и издаются следующие нормативные правовые акты: приказы, положения, уставы, инструкции, правила и наставления [3]. Каждый из указанных нормативных актов имеет свое юридическое значение, например, сущность приказа заключается в регулировании наиболее принципиальных вопросов деятельности органов внутренних дел, то есть определяет их задачи и функции, а также правовую регламен-

тацию отдельных вопросов прохождения службы в органах внутренних дел. Положения и уставы определяют статус, задачи, функции, порядок и характер деятельности органов внутренних дел и их структурных подразделений. Инструкции и правила можно охарактеризовать как процедурные нормативные акты, так как они определяют основные виды оперативно-служебной деятельности и регулируют порядок ее осуществления. В наставлениях представлены нормативные предписания, излагающие порядок деятельности конкретных органов в конкретных ситуациях. В системе МВД России существует множество подразделений, имеющих обособленные цели и предмет правового регулирования, поэтому действующим законодательством перечисленный выше перечень издаваемых нормативных правовых актов является не исчерпывающим.

Необходимо отметить, что Правилами подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденными приказом МВД России от 26 декабря 2018 г. № 880 [4], не указан конкретный перечень издаваемых в территориальных органах внутренних дел локальных нормативных актов, вместе с тем, существует предписание, согласно которому, если в вышеуказанных правилах не находят своего отражения конкретные нормативные предписания, следует руководствоваться Правилами подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденными приказом МВД России от 27 июня 2003 г. № 484, с учетом особенностей и специфики территориального органа внутренних дел. Тем самым необходимо констатировать, что в территориальных органах внутренних дел и иных подразделениях МВД России издаются аналогичные нормативные правовые акты, только имеющие локальный характер.

Исторически сложилось, что наравне с нормативными правовыми актами МВД России локальные нормативные акты органов внутренних дел имеют аналогичные проблемы при их подготовке, оформлении и издании. Качество локального правотворчества не в полной мере соответствует современным требованиям законодательства Российской Федерации, а также требованиям юридической техники и формальной логики. В частности, необходимо отметить, что в локальных нормативных актах органов внутренних дел присутствует множество материальных и процессуальных норм права, являющихся своего рода отсылочными, а также воспроизводящими (дублирующими) нормативные предписания. Проблемы локального правотворчества в первую очередь связаны с допускаемыми юридико-техническими ошибками, а именно несоблюдением территориальным органом общепринятых правил и требований в области подготовки и издания нормативных актов локального уровня.

В случае если субъект локального правотворчества допускает отступление от правил юридической техники, формальной логики при подготовке и издании локального нормативного акта, это, в свою очередь, ведет к совершению различного рода ошибок, в результате которых впоследствии возникают пробелы или противоречия, нечеткие или неясные правовые предписания. Из этого следует, что подготовка проекта локального нормативного акта должна стремиться к соблюдению принципов качества содержащегося в нем текста. Кроме

этого, должен быть выбран верный способ изложения текста для полного понимания всеми категориями сотрудников и граждан.

В юридической литературе представлен ряд заслуживающих внимания ошибок, допускаемых при подготовке локальных нормативных актов. Как отмечалось ранее, юридические ошибки образуются в связи с нарушением либо отступлением от правил юридической техники, которые, в свою очередь, находят свое отражение в каждой стадии локального правотворческого процесса. В.М. Сырых считает, что такие ошибки, как пробелы, чрезмерная нормативность и нарушения стиля могут допускаться при создании механизма правового регулирования [5, с. 393].

В российском законодательстве последних лет заметно усилилась такая тенденция, как обесценивание норм права. Впервые на указанную проблему обратил внимание Ю.А. Тихомиров, который утверждал, что нормативные предписания законодательства федерального уровня находят свое воспроизведение в других актах [5, с. 6]. С данной точкой зрения необходимо согласиться. Если обратить внимание на состояние ведомственного правотворчества в целом, то можно установить значительное количество нормативных правовых актов МВД России, в которых дублируются нормы федеральных законов. Если такие примеры до сих пор прослеживаются на таком уровне, то в локальных нормативных актах органов внутренних дел ситуация еще более сложная.

Важно подчеркнуть, что дублирование нормативных предписаний нарушает один из основополагающих принципов юридической техники – экономии излагаемых правовых норм, а также запрет на их дублирование. В случае нарушения указанного принципа образуется необоснованное количество издаваемых документов, что приводит к затруднениям различного рода при работе с ними. Именно на эту проблему также указывал Ю.Г. Арзамасов, который отмечал, что из-за большого количества отношение к ведомственным нормативным актам в настоящее время носит негативный оттенок. Следовательно, разобраться в них и выбрать необходимую норму права довольно трудно даже высококвалифицированным юристам [7, с. 222].

В качестве обособленной категории юридических ошибок можно выделить фактографические ошибки, которые, в свою очередь, выражаются в неточном указании отдельных реквизитов нормативных правовых актов, а также указание ссылок на нормативные правовые акты, которые не имеют отношения к предмету регулирования локального нормативного акта.

Кроме этого, особое внимание заслуживает несоблюдение субъектом локального правотворчества принципов и законов формальной логики при подготовке и принятии локальных нормативных правовых актов. При подготовке локальных документов территориальный орган может неверно оперировать понятиями, употреблять какие-либо научные термины. Из этого образуются логические противоречия, тавтология, а также использование терминов не по назначению, что, в свою очередь, приводит к тому, что локальный нормативный акт становится неопределенным и расплывчатым.

На основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что приведенный перечень ошибок убедительно свидетельствует о том, что повышение качества локальных нормативных актов органов внутренних дел является еще одной важной задачей юридической науки и правотворческой практики. Понимание всех юридико-технических ошибок является одним из этапов полного и всестороннего познания причин и конкретных видов нарушений, допускаемых субъектом локального правотворчества. Риск законотворческих ошибок значительно снижается, если подготовка законопроекта осуществляется в соответствии с правилами юридической техники, которые закреплены в ранее рассматриваемых нами нормативных правовых актах, а также представлены в рекомендациях ученых и практиков, занимающихся законотворческой деятельностью, и считаются общепринятыми и обязательными потому, что отступление от них или их игнорирование неизбежно ведет к снижению качества издаваемых нормативных правовых актов. В территориальных органах и иных подразделениях МВД России деятельностью по подготовке и изданию локальных нормативных актов должны заниматься отдельные должностные лица, обладающие набором качеств и способностей, которые позволят закончить правотворческую процедуру в соответствии с необходимыми требованиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.
2. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 // Российская газета. 1997. № 161.
3. Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвержденные приказом МВД России от 27 июня 2006 г. № 484 // В данном виде документ опубликован не был.
4. Правила подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 26 декабря 2018 г. № 880 // Документ опубликован не был.
5. Сырых В.М. Российское законодательство: проблемы и перспективы. – Москва, 1995.
6. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. – Москва, 1994.
7. Арзамасов Ю.Г. Ведомственные кодификационные акты: ценность, виды, дефекты, проблемы повышения эффективности / Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Н. Новгород, 2009. С. 222–223.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чернова Э.Р.,

кандидат юридических наук
(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: на сегодняшний день одним из приоритетных направлений развития государства являются вопросы, связанные с развитием здравоохранения. В настоящее время функционируют и издаются различные нормативные акты как на федеральном уровне, так и на региональном. Данный факт не исключает наличия пробелов и недостатков системы здравоохранения в Российской Федерации как в нормативных источниках, так и в деятельности государственных органов и должностных лиц. В данной статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы, существующие в настоящий момент в системе здравоохранения, которые требуют особого внимания и принятия мер по их урегулированию.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье, законодательство; права, недостатки, противоречия.

LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO HEALTH PROTECTION OF CITIZENS IN THE RUSSIA FEDERATION

Chernova E.R.,

Candidate of Law
(Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: to date one of the priority areas of the state's development is issues related to the development of health care. Currently various regulations are in operation and are being issued, both at the federal and regional levels. This fact does not exclude the existence of gaps and shortcomings in the health system in the Russian Federation, both in regulatory sources and in the activities of state bodies and officials. This article examines the most pressing problems that currently exist in the health system, which require special attention and measures to resolve them.

Keywords: health care, health, legislation; rights, shortcomings, contradictions.

Ориентиром государственно-правового развития Российской Федерации является установленное Конституцией право на жизнь человека. С правом на жизнь очень тесно связано право на охрану здоровья, медицинскую помощь, которое также гарантируется и находится под охраной государства. Соответственно, меры по охране здоровья должен принимать не только сам человек, но и государство обязано проявлять заботу о здоровье своих граждан, создавать соответствующие условия.

На различных этапах развития российского законодательства право на охрану здоровья интерпретировалось по-разному и подвергалось различным изменениям. Современный период развития правового обеспечения также направлен на то, чтобы граждане в полном объеме могли реализовать свое право на охрану здоровья.

С принятием Конституции Российской Федерации право на жизнь и охрану здоровья граждан находится под защитой, обеспеченной государственными гарантиями. Государством принимаются активные меры по более детальному регулированию оказания медицинской помощи, а также обеспечению ее качества и безопасности. Основы охраны здоровья граждан регулируются Основным законом страны, а именно ч. 2 ст. 7, ст. 39, ст. 41 и другими.

Здоровье человека является нематериальным благом. Статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации под здоровьем подразумевает одно из высших благ человека и гражданина, которое является непередаваемым, неотчуждаемым, и в случае его отсутствия в значительной степени теряется ценность всех остальных благ [2].

Устав Всемирной организации здравоохранения понимает под здоровьем состояние полного социального, физического и душевного благополучия [1].

Ряд авторов отмечают, что право на охрану здоровья необходимо отличать от права на здоровье, по аналогии с международным законодательством следует применять термин «охрана здоровья», право на здоровье не установлено конституционными нормами государства.

Действительно, если рассмотреть детально, то право на здоровье лишено конституционного основания, поскольку здоровье является объектом охраны таких отраслей права, как уголовное, административное, экологическое, трудовое законодательство.

Пожалуй, следует поддержать позицию авторов, считающих необходимым включить в Конституцию Российской Федерации «право на здоровье» аналогично праву на жизнь. Причем Основным законом государства установлены права, позволяющие реализовать право на здоровье, такие как право на достойные условия существования, право на труд, право на охрану окружающей среды, право на качественную медицинскую помощь, а также непосредственно право на охрану здоровья [4, с. 75].

Для реализации права на охрану здоровья в Российской Федерации принимаются нормативно-правовые акты различного уровня. Основным регулятором охраны здоровья населения стал принятый в 2011 году Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Цель принятия данного закона заключалась в соблюдении гарантированных Конституцией прав граждан, а также охраны здоровья в рамках современной системы здравоохранения.

Основы подверглись достаточно резкой критике со стороны общества, в связи с чем вышеуказанный акт принимался в несколько этапов на протяжении 2011–2016 годов.

Реализация предусмотренных базовыми законами в сфере здравоохранения мер по охране здоровья осуществляется в правовых актах подзаконного характера.

Несмотря на достаточно объемное содержание актов «медицинского законодательства», стоит отметить, что некоторые вопросы нельзя признать достаточно урегулированными. Множественность актов, которые нельзя признать грамотно систематизированными, содержат в себе как противоречия, так и конкурирующие нормы.

Среди недостатков правового регулирования здравоохранения в России можно отметить также вопросы ответственности за нарушение права на охрану здоровья. Как правило, она лежит на сотрудниках медицинских учреждений, однако, на наш взгляд, в большей степени она должна ложиться на государство и его органы. Руководящие сотрудники всех уровней власти должны нести ответственность за принимаемые решения.

В мае 2018 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», который среди национальных целей выделяет важную роль здравоохранения. Также Указом Президента Российской Федерации был утвержден национальный проект «Здравоохранение», способствующий поддержке здоровья, основными целями которого обозначены: повышение продолжительности жизни; снижение смертности трудоспособного населения; снижение смертности по причине болезней; снижение смертности от новообразований; снижение младенческой смертности; борьба с дефицитом кадров в организациях, оказывающих первичную медицинскую помощь; проведение медицинских осмотров граждан не реже 1 раза в год; обеспечение доступности медицинских организаций; оптимизация деятельности медицинских учреждений; обеспечение защиты прав пациентов.

Помимо этого, разработаны различные программы регионального уровня, направленные на борьбу с онкологическими, сердечно-сосудистыми заболеваниями, направляются усилия на повышение материально-технической базы медицинских организаций.

Итак, все вышесказанное подтверждает то, что и законодательство, и принимаемые национальные проекты направлены на охрану здоровья и оказание медицинской помощи.

Регулирование сферы здравоохранения осуществляется не только на федеральном уровне, но и на региональном уровне. Субъекты Российской Федерации принимают значительное число актов, направленных на развитие сферы здравоохранения. Так, например, в Ивановской, Московской, Томской областях определяется порядок предоставления субвенций из краевых бюджетов на муниципальный уровень с целью реализации государственных полномочий по финансированию деятельности фельдшерско-акушерских пунктов, врачей, фельдшеров (акушеров), медицинских сестер скорой медицинской помощи и т.п. [6, с. 121].

В Республике Башкортостан, например, действует закон «Об охране здоровья граждан в Республике Башкортостан», который регламентирует особенности региональных полномочий в сфере охраны здоровья. Закон Республики является достойным правовым актом, поскольку не включает в себя положений, содержащихся в федеральном законодательстве, а лишь его дополняет. За-

кон при этом уделяет внимание более детальному регулированию функций, задач органов власти по организации медицинской помощи гражданам [3].

Законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее особенности охраны здоровья граждан, как правило, включает в себя две группы актов:

1) акты, затрагивающие широкий спектр базовых вопросов, влияющих на здравоохранение;

2) акты, регулирующие вопросы, затрагивающие более узкую специализацию (ограничение в распитии спиртных напитков, курении табака в общественных местах) [5, с. 62].

Все акты, затрагивающие вопросы здравоохранения, должны соответствовать Конституции Российской Федерации, однако можно отметить, что система актов сформирована с противоречиями. Зачастую многие принимаемые акты дублируются, не используются либо игнорируются. Принимаемые акты должны устранять пробелы и решать неурегулированные вопросы. Так, нуждается в регулировании вопрос страхования профессиональной ответственности врачей, обязательного лицензирования деятельности медицинских работников.

Можно утверждать, что в настоящее время имеется потребность систематизации всех актов и норм, составляющих медицинское законодательство.

Итак, на основании изложенного можно сказать, что правовые нормы, обеспечивающие соблюдение прав в области охраны здоровья граждан, имеют особое значение, поскольку они регулируют вопросы государственного управления в соответствующей области. В России правовое обеспечение права на охрану здоровья осуществляется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, нормативно-правовыми актами субъектов федерации и муниципальных образований, действующих в рамках своей компетенции. Однако принимаемые нормы, особенно на региональном уровне, содержат определенные недостатки, пробелы, дублирования, противоречия либо не используются, игнорируются, в связи с чем законодательство, регулирующее сферу здравоохранения, нуждается в систематизации, создании единого законодательного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устав Всемирной организации здравоохранения от 22 июля 1946 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 26.10.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Закон Республики Башкортостан от 4 декабря 2012 г. № 608-з «Об охране здоровья граждан в Республике Башкортостан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 27.10.2021).

4. Гончаров Н.Г., Пищита А.Н., Стеценко С.Г. Очерки медицинского права. – Москва: ЦКБ РАН, 2004. – 171 с.

5. Глушкова С.И., Гордеева Е.Ю., Мартынов К.Э. Право на охрану здоровья: актуальные вопросы соблюдения и защиты // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 2 (25). – С. 62–69.

6. Косолапов А.В. Сравнительный анализ законодательства субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья // Конституционализм и государственное управление. – 2018. – № 1 (11). – С. 120–123.

7. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 116 с.

НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чистюхина М.В.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года, затрагивающие правовые, организационные и компетенционные начала функционирования Конституционного Суда России. Особое внимание уделяется вопросам изменения его состава и полномочий.

Ключевые слова: поправки к конституции, Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, правосудие, поправки, компетенция.

NOVELTIES OF THE CONSTITUTIONAL COURT IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Chistyukhina M.V.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article discusses new amendments to the Constitution of the Russian Federation affecting the legal, organizational and competence principles of the functioning of the Constitutional Court of Russia. Special attention is paid to the issues of changing its composition and powers.

Keywords: amendments to the Constitution, the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, justice, amendments, competence.

Центральным объектом конституционных изменений в части судебной системы выступил Конституционный Суд Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 125 Конституции Российской Федерации «Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации состоит из 11 судей, включая Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителя» [1].

Необходимо отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в ходе последних десятилетий несколько раз подвергался структурному реформированию. Изначально в 1991 г. Конституционный Суд РСФСР (далее – КС РСФСР) был образован в составе 13 судей, которые были избраны Съездом народных депутатов РСФСР 30 октября 1991 г. Однако закон «О Конституционном Суде РСФСР» (ч. 1 ст. 3) предусматривал, что общее число судей КС РСФСР составляет 15 человек.

На факт уменьшения числа судей КС РФ с 19 до 11 нет однозначного мнения среди юристов и ученых-правоведов. Особенно если сопоставить состав Конституционного Суда Российской Федерации и аналогичных органов в некоторых зарубежных странах: Беларусь – 12 судей, Словакия – 13 судей, Италия, Польша, Венгрия, Чехия – по 15 судей, ФРГ – 16 судей, Украина – 18 судей.

Сопредседатель рабочей группы для сбора предложений о поправках в Конституцию Российской Федерации Андрей Александрович Клишас в одном из своих выступлениях объяснял, почему было принято решение о сокращении числа судей Конституционного Суда с 19 до 11 тем, что до конца 2010 года в Конституционном Суде было две палаты, по 10 и 9 судей в каждой. Потом структура суда изменилась, палаты были упразднены, а количество судей осталось тем же. Сенатор также подчеркнул, что была проанализирована и нагрузка на судей, в результате которой принято решение, что «11 судей вполне оптимально» [2].

По мнению заслуженного юриста России полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде и Верховном суде Российской Федерации М.Ю. Барщевского число судей в составе Конституционного Суда Российской Федерации не является принципиальным вопросом, сокращение могло назреть давно, а сроки рассмотрения дел из-за этого вряд ли увеличатся [3].

С противоположным мнением выступают такие ученые-конституционалисты, как И.А. Алебастрова, которая считает, что численность Конституционного Суда Российской Федерации снижена в связи с тем, что держать под контролем 11 судей проще, чем 19 [4].

По мнению А.К. Сисакьяна, с сокращением численности судей Конституционного Суда Российской Федерации существенно повысится его нагрузка. Более того, анализируя произошедшие изменения можно сделать предположе-

ние об утрате независимости Конституционного Суда Российской Федерации, как, впрочем, и иных органов судебной ветви власти [5].

Интересно обратить внимание на точку зрения А.В. Саленко, который считает, что цифра «11» вовсе не является предельной. КС России по факту сокращается не до 11, а до 6 человек, что прямо предусмотрено положениями ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которым КС России может осуществлять деятельность при наличии 2/3 от общего числа судей, то есть после конституционной реформы 2020 г. – уже при наличии лишь шести судей [6].

Таким образом, сокращение количественного состава судей Конституционного Суда Российской Федерации, с одной стороны, ведет к оптимизации его кадрового состава. С другой стороны, может привести к прямой нагрузке судей Конституционного Суда России, в связи с чем существует риск снижения скрупулезности изучения каждого отдельного дела при принятии постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации.

Еще одним важным результатом конституционной реформы является новая редакция ст. 125 Конституции Российской Федерации, которая представляет собой еще одну меру правозащитной функции Конституционного Суда России в качестве высшего судебного органа конституционного контроля в России.

Так, статья 125 дополнена частью, касающейся действий Конституционного Суда по запросу Президента:

«5.1. Конституционный Суд Российской Федерации:

а) по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции Российской Федерации, законов до их подписания Президентом Российской Федерации».

В данном случае речь идет об осуществлении предварительного конституционного нормоконтроля. Президент может заручиться поддержкой Конституционного Суда при несогласии с Федеральным Собранием Российской Федерации. Мнение научного сообщества о принятой поправке, о возможности предварительного конституционного контроля, то есть проверки на соответствие конституции проектов законов, также является неоднозначным.

По мнению Е.В. Виноградова, И.Л. Данилевской, институт предварительного конституционного нормоконтроля в отечественном правовом пространстве может стать реально действующим нормативно закрепленным механизмом, обеспечивающим соответствие закона, не имеющего статуса «вступившего в силу», Конституции Российской Федерации, что позволит найти оптимальную модель конституционного контроля [7].

В научной литературе можно встретить авторов с более скептическими настроениями, которые называют такой предварительный конституционный контроль «надзором», который может подменить собой последующий, собственно судебный (в рамках конкретного дела), конституционный контроль.

Так, например, авторы Велиева Д.С., Пресняков М.В. в своей статье на тему «Реформа Конституционного Суда Российской Федерации 2020 года: «Кто будет сторожить сторожей?» задаются вопросом, сможет ли Конституционный Суд Российской Федерации после признания законопроекта соответствующим Конституции Российской Федерации на основании индивидуальной жалобы признать какие-то его нормы неконституционными? [8]. Ведь, по справедливому замечанию авторов, несовершенство закона или отдельного его положения чаще всего выявляют в процессе его применения.

Однако Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» не содержит в себе прямого запрета в последующей проверке Конституционным Судом закона или проекта закона, признанных соответствующим Конституции Российской Федерации.

Далее рассмотрим п. б) части 5.1 ст. 125, в которой говорится, что в порядке, установленном федеральным конституционным законом, Конституционный Суд Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации.

Из положения данной статьи следует, что органам государственной власти дается право не исполнять отдельные решения межгосударственных органов в том случае, если Конституционный Суд выявит, что нормы международного договора противоречат Конституции Российской Федерации. Процедура станет аналогична той, что касается решений Европейского суда по правам человека.

В соответствии с п. в) Конституционный Суд Российской Федерации по запросу Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет конституционность законов субъекта Российской Федерации до их обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Речь здесь идет о том, что Президент имеет возможность проверять конституционность региональных законов до подписания их главой региона Российской Федерации.

Рассмотрим ч. 6. ст. 125, в которой задекларировано, что «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании».

На наш взгляд, вполне логичное дополнение, которое не допускает изменения толкований тех или иных положений.

В ч. 7 рассматриваемой статьи Конституционный Суд Российской Федерации по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации либо Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления.

Обратим внимание, что данное дополнение касается Президента, прекратившего исполнение своих полномочий.

Согласно ч. 8 Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет иные полномочия, установленные федеральным конституционным законом.

Заметим, что эта новая часть, которая внесена в Конституцию Российской Федерации, взята из уже существующей нормы федерального конституционного закона.

Статья 128 Конституции Российской Федерации посвящена порядку назначения судей Конституционного и Верховного Судов:

«часть 1. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судьи Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации».

Данная поправка взята из действующих норм законов «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О Верховном Суде Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации».

«часть 2. Председатели, заместители председателей и судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом».

Закрепляется в Основном законе, что назначение Президентом Российской Федерации федеральных судей регулируется законом Российской Федерации «О статусе судей в РФ».

«часть 3. Полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства регулируется также соответствующим процессуальным законодательством». Как и в поправках ряда предыдущих частей, здесь закрепляются все виды судопроизводства, действующие в Российской Федерации.

Таким образом, модернизация Конституционного Суда Российской Федерации в современных условиях является, на наш взгляд, одной из необходимых мер, которая должна соответствовать устойчивому движению по пути укрепления принципов правовой государственности и публичного управления.

Тем не менее, реформа Конституционного Суда и в целом судебной власти должна происходить, по нашему мнению, в условиях широкой информированности как общества, так и профессиональной аудитории в атмосфере высокой взаимответственности, а также подробного и аргументированного обоснования необходимости предлагаемых реформ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Алебастрова И.А. У Конституции есть первородный грех, и наши власти решили согрешить еще // Закон. – 2020. – № 5. – С. 14–18.

3. Сисакьян А.К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного Конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 48.

6. Саленко А.В. Конституционная реформа – 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6. – № 3 (23). – С. 188–211.

7. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль «ex ante» как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 16.

8. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда Российской Федерации 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 16.

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Юсупова С.И.,

(Уфимский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье исследуется вопрос защиты объектов интеллектуальной собственности (преимущественно, патентного права) в условиях пандемии коронавируса. Автор приходит к выводу, что существует столкновение интересов правообладателей, затративших материальные и иные ресурсы на разработку изобретения, полезной модели или иного объекта интеллектуальной собственности, и желающих получать эффективную защиту своих прав и интересов общества, которому необходимо использовать результаты научных изысканий для минимизации последствий от пандемии. По мнению автора, ориентирование именно на права патентообладателей в кризисный период для всего человечества является приоритетным. Это поможет стимулировать изобретательскую активность и бескорыстное желание помогать человечеству. По результатам исследования формулируются практические выводы, касающиеся необходимости принятия законопроекта об адекватном вознаграждении правообладателей, чьи права были ограничены.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция; патентное право; объект интеллектуальной собственности; НИОКР; изобретение; полезная модель; авторское право.

PROTECTING INTELLECTUAL PROPERTY IN A PANDEMIC CONDITIONS

Yusupova S.I.,

(Ufa Legal Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the issue of protecting intellectual property (mainly patent law) in the context of the coronavirus pandemic. The author comes to the conclusion that there is a clash of interests of rightholders who spent material and other resources on the development of an invention, utility model or other intellectual property object, and who want to receive effective protection of their rights, and the interests of society, which needs to use the results of scientific research to minimize the consequences of pandemics. According to the author, focusing specifically on the rights of patent holders during the crisis period is a priority for all mankind. This will help stimulate inventive activity and a selfless desire to help humanity. Based on the results of the study, practical conclusions are formulated regarding the need to adopt a law project on adequate remuneration of rightholders whose rights have been limited.

Keywords: coronavirus infection; patent law; object of intellectual property; R&D; invention; utility model; Copyright.

Коронавирусная инфекция COVID-19 («коронавирус»), распространившаяся в конце 2019 года – это инфекционное заболевание, ставшее предметом обсуждения внутри государств и на международном уровне сразу по нескольким причинам. Практически все эти причины связаны с нестабильностью – существенными экономическими изменениями, преобразованиями на рынке труда, а также в отдельных отраслях промышленности.

Многие предприятия были вынуждены адаптироваться, используя различные технологии, чтобы свести к минимуму негативные последствия от коронавирусной инфекции. В частности, изобретатели и новаторы положительно отреагировали на меняющиеся потребности повседневной жизни в связи с карантином, ограничениями на поездки и практикой физического дистанцирования, предложив миру различные приспособления. Множество патентов по всему миру было получено по причине необходимости перехода к дистанционному образованию.

Особое внимание было уделено непосредственно медицинской сфере. Например, 6 ноября 2020 года российскими изобретателями был получен патент на изобретение «Технология дистанционной медицинской реабилитации пациентов с коронавирусной инфекцией» [5]. Фармацевтические компании также очень активно включились в процесс изобретения вакцин и лекарственных препаратов, предотвращающих или минимизирующих последствия от новой коронавирусной инфекции.

Всего через несколько месяцев после того, как ВОЗ отнесла COVID-19 в категорию «пандемия», она выступила с призывом к мировому сообществу для объединения знаний, интеллектуальной собственности и научных данных для блага человечества. По сути это означало, что коммерческие предприятия, занимающиеся разработкой НИОКР, изобретений или полезных моделей, а также иные объекты интеллектуальной собственности должны в какой-то мере «пожертвовать» своими интересами и предлагать свои разработки либо на безвозмездных условиях (речь шла прежде всего о вакцинах), либо на очень невыгодных для коммерческих компаний условиях.

При этом каждый изобретатель с перспективной и нужной человечеству в период пандемии разработкой тратил огромные средства на закупку сырья, финансирование клинических испытаний, модернизацию оборудования для фармацевтических и иных целей, а также на регистрацию объекта интеллектуальной собственности в рамках одного или нескольких государств.

С юридической точки зрения, у компаний и физических лиц, которые зарегистрировали право на объект интеллектуальной собственности, есть право контролировать ценообразование и поставки принадлежащих им продуктов и разработок. Однако во времена пандемии и массовых случаев заболеваний с летальным исходом помимо правовой стороны присутствует еще и этическая, очень важная для рассмотрения в рамках данной статьи. Этика в данном случае в некотором смысле противостоит праву интеллектуальной собственности, предлагая на неопределенный период правообладателям отказаться от монопольных прав на изобретение, полезную модель, на объект авторского права и т.д. и формируя принцип глобальной солидарности.

Глобальная солидарность означает, что во время пандемии COVID-19 основной интерес каждого государства не является уникальным – каждая страна, а также каждый регион страны желают контролировать течение заболевания и уменьшить негативные последствия от пандемии. Это означает, что коммерческие организации идут навстречу обществу, даже во вред собственной прибыли, а социум идет навстречу создателям интеллектуальной собственности в рамках проявления социальной ответственности и взаимопомощи. Во время пандемии COVID-19 глобальная солидарность может быть проявлена путем временного обмена патентами на продукты, направленные на предотвращение, сдерживание или лечение COVID-19. Это может быть осуществлено как между отдельными патентообладателями, так и между государствами. Основная цель – быстрый обмен знаниями и наработками для решения глобальной проблемы.

Однако также этика стоит и на стороне правообладателей, ведь именно они предлагают обществу решение глобальных проблем, а значит, нуждаются в особой защите от государства и социума. При этом этические аргументы в пользу защиты интеллектуальной собственности включают как утилитарные, так и деонтологические аргументы [10].

Утилитарные аргументы ставят цель принести наибольшее благо обществу и формируют представление о том, что защита интеллектуальной собственности является инструментом для достижения этой цели. Основанием для этого утверждения является то, что прибыль, которую генерирует интеллектуальная собственность, необходима для стимулирования инноваций и открытий, которые, в свою очередь, продвигают интересы общества. Без такой материальной основы открытия будут происходить в более медленном темпе, а общий прогресс замедлится.

Деонтологические аргументы в пользу сохранения защиты интеллектуальной собственности состоят в том, что патентообладатели являются законными и монопольными владельцами своих изобретений и, таким образом, имеют право на существующие средства защиты.

Особое значение при наличии таких обстоятельств на стыке права и этики имеют эффективные и последовательные действия государственных органов, направленные на поддержку изобретателей и авторов научных разработок, а также на широкое распространение продукта, необходимого для общества в данный момент.

Наиболее эффективным подходом во время кризиса общественного здравоохранения является прямая государственная поддержка:

- государственное финансирование НИОКР;
- предварительные обязательства правительства по закупке лекарственных препаратов и большого количества доз по установленным ценам;
- выплаты на модернизацию оборудования, на проведение исследований, на найм новых сотрудников и т.д.

В рамках данных усилий необходимо обратить внимание на эффективные действия Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). Рассмотрим некоторые из них.

1 этап. Создание специального новостного раздела на официальном интернет-сайте Федеральной службы по интеллектуальной собственности «Патент недели» для продвижения изобретений, которые представляют собой технические решения, связанные с борьбой с COVID-19 [4]. Этот шаг без каких-либо материальных усилий со стороны государства позволил привлечь внимание к важности разработок в сфере предотвращения распространения и лечения COVID-19.

2 этап. В период с 15 апреля по 17 мая 2020 года стала действовать система полного электронного взаимодействия между Федеральной службой по интеллектуальной собственности и заявителями [3]. На основе упрощения взаимодействия между Службой и заявителями сократилось время на проведение формальной экспертизы и экспертизы по существу.

3 этап. Федеральной службой по интеллектуальной собственности было принято решение об ускоренном рассмотрении заявок на изобретения и полезные модели в области технологий борьбы с вирусами и ассоциированными заболеваниями (пневмония) без взимания дополнительной платы [9].

4 этап. Был создан специальный информационный раздел на официальном интернет-сайте Федерального института промышленной собственности, содержащего информацию о патентах, актуальных в условиях пандемии (патентные документы, представленные как отечественными, так и иностранными правообладателями) [2]. Помимо публикации на сайтах ФИПС и Роспатента, в социальных сетях государственного органа активно распространялась информация о новейших разработках в данной сфере, об авторах и организациях, занимающихся разработками и т.д. Это привело к популяризации данной темы, активному ее обсуждению в интернет-сообществе.

5 этап. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2020 г. № 893 [6], сроки, в течение которых заявитель может осуществлять действия, связанные с правовой защитой интеллектуальной собственности (в том числе связанные с уплатой патентных и иных пошлин), истекающие с 30 марта 2020 г. до 30 ноября 2020 года, могут быть продлены по запросу заявителя до 31 декабря 2020 года.

6 этап. По соображениям национальной безопасности в соответствии со ст. 1360 Гражданского кодекса Российской Федерации издано Распоряжение Правительства Российской Федерации [7] о предоставлении принудительной лицензии в отношении ряда патентов, связанных с Ремдесивиром, до конца 2021 года с целью обеспечения населения Российской Федерации.

Первые пять этапов являются безусловно эффективными и своевременными с точки зрения автора. Шестой этап, с правовой точки зрения, является спорным по нескольким причинам, что стало предметом судебного разбирательства [9]:

1. В указанном Распоряжении была обозначена цель ограничения права патентообладателей – обеспечение лекарствами, однако данная цель не предусмотрена ст. 1360 Гражданского кодекса Российской Федерации. Гораздо более правильной и менее дискуссионной впоследствии была бы ссылка на обеспече-

ние безопасности страны в соответствии с положениями гражданского законодательства.

2. В качестве удовлетворения за ограничение права патентообладателей было предложено выплатить соразмерную компенсацию, однако на момент принятия указанного Распоряжения не существовала система расчета данной компенсации, что может и на сегодняшний день привести к нарушению прав (проект все еще не подписан [1]).

Считаем, что в таких условиях может сложиться ситуация с нарушением прав патентообладателей на адекватную компенсацию. С целью разрешения практических сложностей необходимо обратиться к зарубежному опыту. Например, в Канаде основное внимание государства направлено именно на гарантии защиты интересов патентообладателей, например, на обеспечение того, чтобы патентообладатель получал адекватное вознаграждение за использование патента. Для этого в Канаде предусмотрена система расчета компенсации, основанная на количественных параметрах продаж вакцины и совокупности иных обстоятельств.

По нашему мнению, ориентирование на права патентообладателей в кризисный период для всего человечества является приоритетным. Это поможет стимулировать изобретательскую активность и бескорыстное желание помогать человечеству. При наличии ограничений прав патентообладателей, которые невозможно избежать в имеющихся условиях, необходимо предоставлять надлежащее удовлетворение, которое покроет расходы на создание изобретения, его патентование, на оплату труда исследователей и ученых, а также на множество иных факторов. Промедление при принятии методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании объекта интеллектуальной собственности без его согласия, по нашему мнению, недопустимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Досье на проект Постановления Правительства Российской Федерации «О методике определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядке ее выплаты» (подготовлен ФАС России 19.02.2020) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 16.10.2021).

2. Информация о патентах, актуальных в условиях пандемии // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/doc-virus/> (дата обращения: 15.10.2021).

3. О порядке взаимодействия заявителей с Роспатентом // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news> (дата обращения: 15.10.2021).

4. Патент недели // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news> (дата обращения: 15.10.2021).

5. Патент Российской Федерации № 2 735 722, 06.11.2020 «Технология дистанционной медицинской реабилитации пациентов с коронавирусной инфекцией» / Фесюн А.Д., Рачин А.П., Гильмутдинова И.Р. [и др.] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fips.ru/iiss/document.xhtml> (дата обращения: 15.10.2021).

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2020 г. № 893 «О продлении сроков совершения заявителем, правообладателем и иным лицом действий, в том числе связанных с уплатой патентных и иных пошлин, необходимых для осуществления федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности юридически значимых действий» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2021).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3718-р «О разрешении АО «Фармасинтез» использования изобретений, охраняемых евразийскими патентами, принадлежащими компаниям ГАЙЛИД САЙЭНСИЗ, ИНК. (US), ДЖИЛИД САЙЭНС, ИНК. (US), ДЖИЛИД ФАРМАССЕТ, ЛЛС (US), на 1 год без согласия патентообладателей в целях обеспечения населения РФ лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием «Ремдесивир» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 2 (ч. II). – Ст. 538.

8. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № АКПИ21-303 (Суд отказал в иске об оспаривании распоряжения Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3718-р) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 16.10.2021).

9. Решение об ускоренном рассмотрении заявок на изобретения и полезные модели в области технологий борьбы с вирусами и ассоциированными заболеваниями (пневмония) без взимания дополнительной платы // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news> (дата обращения: 15.10.2021).

10. Jecker N.S., Atuire C.A. What's yours is ours: waiving intellectual property protections for COVID-19 vaccines // *Journal of Medical Ethics*. – 2021. – P. 595–598.

11. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие / И.Ф. Амельчаков, В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2020. – 116 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Агафонов М.В.	Обеспечение реализации международных стандартов в области прав человека в странах СНГ	3
Бессонов В.А., Наметкин Д.В.	Оперативно-разыскное мероприятие «наблюдение»: правовое регулирование и использование результатов в уголовном судопроизводстве	7
Богмацера Э.В.	Принцип правомерной государственности как фактор развития правовой системы России в начале XX века ..	13
Буняева К.В., Тищенко И.В.	Модернизация гражданского законодательства: история и современность	18
Вородюхин С.Е.	Особенности развития института антикоррупционного декларирования в Российской Федерации	21
Гончаров В.А.	Проблемы современной юридической теории	26
Горячкова Ю.М.	Быт, внутреннее устройство и меры воспитательного воздействия исправительных приютов для несовершеннолетних в XIX веке	29
Ерыгин А.А.	Государственный Совет Российской Федерации в единой системе публичной власти	36
Ерыгина В.И.	Правовые основы государственной политики в сфере образования	40
Иваняков Р.И.	К вопросу о формировании антинаркотического мировоззрения	46
Кеменяш Ю.В.	Симулякры как элементы регулятивной системы современного права	51
Комнатная Ю.А.	Эволюция учения об источниках международного частного права в российской правовой науке XIX–XX вв.	56

Король А.И.	Особенности формирования самостоятельности в системе правового воспитания курсантов образовательных организаций МВД России	61
Котарева О.В.	Правовые основы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел	65
Кравцова Е.А.	Взаимодействие национальной системы права и международного права в сфере обеспечения экологических прав граждан	71
Кутушев Г.З.	Особенности институционально-правового становления малого предпринимательства в России на рубеже XX–XXI вв.	75
Липич Д.В.	Концептуализация формирования антропологии права Б.П. Вышеславцева	81
Малахов А.Г.	Роль государства в исторической концепции Л.Д. Троцкого	86
Меняйло Л.Н.,	Профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел как основа эффективной деятельности	89
Напольских И.М.	Концепции эффективности права	93
Нерубенко А.С.	Исторические аспекты развития правовой системы России	97
Римский А.В.	Экстремизм: история правоприменительных практик в дореволюционной России и современность	100
Салтык Г.А.	Место и роль участковых уполномоченных в правоохранительной деятельности полиции Курской губернии	107
Трофимова С.А.	Понятие и сущность общественного права в концепции В.Н. Лешкова	112
Трошкина Д.Э.	Предпосылки становления законодательства о борьбе с контрреволюцией в СССР	116

Трусов Н.А.	Этапы эволюции стратегического планирования в современной России как правовые последствия критического осмысления опыта долгосрочного планирования социально-экономического развития России	121
Устюжанина Н.А.	Взаимоотношения личности и государства в соответствии с теорией государственного права Ф.Ф. Кошкина	130
Хвостова А.В.	Роль правовых ограничений в российском частном праве	134
Чернаков В.О.	К вопросу о необходимости существования государства как основополагающего института общества	140
Чернигин К.А.	Локальное правотворчество структурных подразделений МВД России: проблемы и пути совершенствования	143
Чернова Э.Р.	Правовое регулирование права на охрану здоровья граждан в Российской Федерации	148
Чистюхина М.В.	Новеллы Конституционного Суда в правовой системе Российской Федерации	152
Юсупова С.И.	Защита интеллектуальной собственности в условиях пандемии	158

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Правовая система российского общества:
история, современные реалии и тенденции развития**

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции
18 ноября 2021 г.

Редактор
Комп. верстка

*О.Н. Пендюрина
И.Ю. Чернышева*

Подписано в печать 2022 г., Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 10. Тираж 31 экз. Заказ № 14

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-422-1

